ПАЛЕСТИНА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И СВѢДѢНІЙ
О
ЕВРЕЙСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ
ВЪ СВ. ЗЕМЛѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., № 8.
1884.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюля 1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи и сообщенія для готовящагося къ печати втораго выпуска «Палестины» просятъ адресовать Василію Лазаревичу Берману, въ С.-Петербургъ, Измайловскій пр. д. 7, или Акиму Львовичу Флексеру въ С.-Петербургъ.

Псаломъ 126.

Когда Господь вернетъ Сіону
Минувшихъ силъ родникъ живой,
Не какъ во снѣ-ль, волшебномъ, дивномъ,
Предъ нами встанетъ міръ земной!..

Вскипитъ, взыграетъ радость наша
И гимнъ побѣды зазвучитъ...
Народы, внемля намъ, воскликнутъ:
„Господь великое творитъ!“

Господь, Господь, верни Сіону
Его поруганныхъ дѣтей!
Разлей ручьемъ живымъ ихъ силы
По лону чахнущихъ полей!..

Рыдая, вышелъ пахарь въ поле,
Рыдая, бродитъ за сохой,—
Но вслѣдъ за нимъ придутъ, ликуя,
Жнецы веселою толпой...

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

Позвольте, мм. гг., напутствовать ваше изданіе немногими словами. Они исходятъ отъ человѣка, глубоко огорченнаго судьбою своихъ обездоленныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ братьевъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, вскормленнаго и воспитаннаго Россіей, искренно любящаго русскій народъ и счастливаго дружбою многихъ русскихъ людей.

Вы затѣваете изданіе, которое многимъ покажется далеко не настоятельнымъ и симпатичнымъ. Немногіе васъ поблагодарятъ, немногіе похвалятъ. На васъ накинутся ненавистники наши, какъ на лакомую добычу, свои—какъ на опасныхъ мечтателей. Такъ называемые интеллигенты будутъ сожалѣть о васъ, какъ объ ослѣпленныхъ; безпристрастные будутъ недоумѣвать: ужъ не вздумалось ли вамъ, среди суровой зимы, насадить пальмовую рощу, морщины отживающаго старика выглаживать своимъ юношескимъ энтузіазмомъ?

Пусть все это однако не смущаетъ васъ. Такова участь всякой идеи, съ трудомъ пробивающейся на свѣтъ Божій, — какъ бы она ни была здорова и плодотворна.

Мы имъ скажемъ: насъ исключаютъ, и насъ-же укоряютъ въ исключительности. Передъ нами запираются подъ семью замками,— и насъ-же упрекаютъ въ замкнутости. У насъ отнимаютъ право, въ предѣлахъ писанныхъ для всѣхъ законовъ, снискать себѣ пропитаніе. За проступки нѣкоторыхъ изъ насъ карается весь народъ нашъ. Мы почти задыхаемся въ своемъ правовомъ гетто, и насъ же, голодныхъ, укоряютъ въ жадности, въ обходѣ законовъ.

Нѣтъ, насъ, очевидно, въ Россіи слишкомъ много и натура ея, какъ она ни широка, насъ не переноситъ.

Тѣмъ не менѣе, мы всетаки исконные сыны русской земли. На ея почвѣ росли и умирали наши предки. На этой почвѣ Россія насъ

застала. Мы считаемъ себя коренными обитателями русскаго государства, которому всегда были преданы, какъ своему отечеству. Наравнѣ съ другими, мы считаемъ себя подданными русскаго Царя, на котораго возлагаемъ всѣ наши надежды, за котораго готовы положить свою жизнь и достояніе. И никто не вырветъ у насъ этого права, сколько бы ни старались оспаривать его у насъ.

Но такъ-какъ его не перестаютъ оспаривать съ ожесточеніемъ, то мы, волей-неволей, скрѣпя сердце, должны свыкаться съ мыслью, что на насъ, хотя урожденныхъ русскихъ, наложено неизгладимое клеймо чужихъ, которымъ еще долго не суждено насильно сдѣлаться милыми.

Смиренно склоняя голову передъ суровою дѣйствительностью, мы въ тоже время не должны падать духомъ. За отсутствіемъ чужой помощи мы должны искать ее въ насъ самихъ.

Мы, впрочемъ, питаемъ твердую надежду, что со временемъ народъ русскій прійдетъ къ лучшему объ насъ мнѣнію. Время и исторія скажутъ, что мы далеко не были лишними въ семьѣ русской. Но пока судъ да дѣло, излишекъ лишняго народа долженъ имѣть пріютъ.

Кто заступится за этотъ вдвойнѣ несчастный излишекъ? И гдѣ ему найти пріютъ?

На эти вопросы люди умные пожимаютъ плечами,—а темная масса отвѣчаетъ, не обинуясь—переселеніемъ въ Палестину.

Странное явленіе! Тощій желудокъ ищетъ манны небесной,—голая, неприглядная нужда хватается за идеалы!

Чтò объ этомъ думаютъ люди сытые и самодовольные—не трудно догадаться.

На нашъ взглядъ народный инстинктъ не ошибается. За „идеаломъ“ слышенъ настойчивый реальный вопль: „дайте намъ добыть сухой хлѣбъ въ потѣ нашего лица, на святой землѣ нашихъ праотцевъ!“

Л. П.

1-ое Марта 1884 г.
Одесса.

Сущность такъ называемаго „палестинскаго“ движенія.

(Письмо къ издателямъ).

Вы предпринимаете литературный сборникъ, посвященный такъ называемому „палестинскому“ движенію,—и хорошо дѣлаете: движеніе это, многознаменательное само по себѣ, пока такъ хаотично, стихійно, что внесеніе въ него нѣкотораго свѣта и порядка не можетъ не быть желательнымъ во многихъ отношеніяхъ. Разъ это движеніе существуетъ, надобно съ нимъ, такъ или иначе, считаться. Высокомѣрно-же игнорировать его, какъ дѣлаютъ одни, или упорно отрицать его, какъ дѣлаютъ другіе, — совсѣмъ не остроумно и даже смѣшно.

А движеніе это существуетъ. Оно—не миражъ, не призракъ, а фактъ дѣйствительный, очевидный, осязательный. Оно тоже, по всѣмъ признакамъ, не минутная вспышка, которая безотчетно вспыхнула и безслѣдно потухнетъ, а явленіе, обусловливаемое положеніемъ вещей, а потому и чреватое послѣдствіями, о свойствѣ которыхъ трудно говорить теперь даже приблизительно. Оно, наконецъ, ежедневно констатируется еврейскими періодическими изданіями, брошюрами, книгами и трактатами, появляющимися въ послѣднее время въ немаломъ количествѣ за границей, отчасти и у насъ, въ Россіи. Оно, правда, по существу своему, многимъ не ко двору или не по вкусу, но оно тѣмъ не менѣе существуетъ, покоряя себѣ все большее число умовъ.

Возникнувъ внезапно, по крайней мѣрѣ, неожиданно для очень многихъ изъ насъ, движеніе это моментально принялось къ, повидимому, вовсе не подготовленной почвѣ и стало быстро пускать корни, не смотря на многія обстоятельства, очень мало благопріятствовавшія этому процессу. Менѣе, чѣмъ въ какихъ нибудь два года,

оно такъ окрѣпло и пріобрѣло такую жизненную силу, что оно во многихъ мѣстахъ еврейской осѣдлости, по крайней мѣрѣ, за-границей, начинаетъ уже принимать весьма конкретныя формы. И какая могущественная объединительная сила вдругъ оказалась въ этомъ народномъ движеніи, сила, объ отсутствіи которой изъ среды нашей мы такъ искренно и такъ безплодно горевали до самаго послѣдняго времени!... Во имя этого движенія братски подаютъ себѣ другъ другу руку ортодоксъ и радикалъ, прогрессистъ и ретроградъ, еврей de facto и еврей лишь de jure, старецъ и юноша, капиталистъ и пролетарій. Словомъ, всякій, кто сознаетъ себя евреемъ и доволенъ этимъ сознаніемъ или, по крайней мѣрѣ, не стыдится его, попавъ въ потокъ, такъ называемаго, „палестинскаго движенія", начинаетъ живѣе чувствовать свою связь съ еврейскимъ знаменемъ и его носителями, начинаетъ лучше цѣнить свою принадлежность къ одной великой исторической семьѣ, захудалой, но все еще почтенной, и перестаетъ плясать или кривляться на чужихъ пирахъ, что столько-же истощало, сколько и унижало его. Уже давно еврейская солидарность не манифестировалась съ такимъ блескомъ, какъ въ настоящую минуту и по поводу движенія, о которомъ идетъ рѣчь. Въ этомъ и сказывается животворящая сила великой идеи, способной вдохнуть въ разнороднѣйшіе индивидуумы и группы одну мысль, одно чувство, одно желаніе, одну цѣль, во имя которой они сплачиваются и готовы дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ.

Зрѣлище, уже давно у насъ небывалое, въ высшей степени утѣшительное и многообѣщающее!...

И вы, мм. гг., и многіе изъ единовѣрцевъ нашихъ стоите предъ этимъ величавымъ зрѣлищемъ, удивленные и до глубины души взволнованные, и просите у добрыхъ людей объясненія, освѣщенія этого явленія, столько-же утѣшительнаго, сколько, повидимому, и загадочнаго, по крайней мѣрѣ, изъ ряду выходящаго.

Что-же добрымъ людямъ отвѣчать на вашу просьбу, естественную сама по себѣ?

Если-бы возможно было удовлетвориться объясненіемъ поражающаго васъ явленія посредствомъ какой нибудь апріористической теоріи, то скомпонованіе ея не представляло-бы особенной трудности. Можно было-бы выставить, на выборъ, сразу двѣ теоріи: одну *мистическую*, а другую *реальную* или *раціональную*. Для подкрѣпленія первой, можно было-бы, съ „книгой книгъ" въ

рукахъ, процитировать не мало пассажей изъ Исайи и другихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, предсказывавшихъ будущія судьбы еврейскаго народа, пассажей, толкуемыхъ нашими агадистами и каббалистами въ желательномъ для мистической доктрины смыслѣ—и вы сразу не только поняли-бы смыслъ поражающаго васъ загадочнаго явленія, но легко предусмотрѣли-бы и конечный результатъ его. То есть, вамъ, при извѣстномъ настроеніи и желаніи, казалось-бы, что вы и понимаете и предусматриваете... Что-же касается второй теоріи, такъ называемой реальной или раціональной, то стоило-бы только указать вамъ на нѣкоторыя страницы изъ новѣйшей исторіи народовъ (напр. на возрожденіе эллиновъ и освобожденіе славянъ и румынъ), чтобы вы перестали удивляться, недоумѣвать, такъ какъ вы тогда находили-бы, что поражающее васъ явленіе—въ порядкѣ вещей, исторически и логически необходимо. Словомъ, посредствомъ ловко скомбинированной теоріи, многое, кажущееся вамъ теперь загадочнымъ въ такъ называемомъ палестинскомъ движеніи, получило-бы относительную ясность и даже недурно мотивированный raison d'être,—по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ.

Но мы не доктринеры, а еще меньше мистики; вдаваться въ теоріи или въ толкованіе сивиллъ мы не можемъ, да и не хотимъ, такъ какъ мы напередъ знаемъ, что этимъ путемъ мы въ сущности ничего не докажемъ и не объяснимъ, тѣмъ болѣе, что многое, по необходимости, должно будетъ оставаться недосказаннымъ, а потому проблематичнымъ и даже парадоксальнымъ. И что еще говорить о нашихъ доморощенныхъ ésprits forts купно съ нашими сытыми буржуа, которые ни во что абстрактное, идеальное, неосязаемое не вѣрятъ, предпочитая дохлую синицу въ рукахъ живому журавлю въ облакахъ? Слѣдовательно, мы на теоріи не далеко съ вами уѣдемъ, и непонятное останется непонятнымъ, а въ глазахъ нашихъ ésprits forts—даже смѣшнымъ.

Тѣмъ не менѣе, однако-же, мы отъ посильнаго освѣщенія того, что кажется вамъ темнымъ, не совсѣмъ отказываемся. Напротивъ, мы попытку въ этомъ смыслѣ считаемъ даже долгомъ всякаго мыслящаго еврея и надѣемся выполнить его, по нашему крайнему разумѣнію, откровеннымъ изложеніемъ нашего личнаго взгляда на дѣло, не могущее не интересовать всѣхъ насъ. Если-же нашъ взглядъ окажется одностороннимъ, то... есть-же между нами не мало добрыхъ людей, которые, вѣроятно, не откажутся отъ освѣщенія пред-

мета и съ другихъ точекъ зрѣнія,—и въ результатѣ получится общій выводъ, который, вѣроятно, будетъ ближе къ правдѣ, чѣмъ мнѣніе одного лица.

И такъ, нашъ взглядъ на интересующее насъ дѣло состоитъ въ слѣдующемъ:

Прежде всего намъ кажется, что если мы будемъ разсматривать замѣчаемое теперь въ нашемъ народѣ сильное движеніе, не какъ отдѣльное, самостоятельное явленіе, а въ связи съ сравнительно недавнимъ прошлымъ нашимъ, то движеніе это перестанетъ казаться намъ удивительнымъ, а тѣмъ болѣе загадочнымъ, такъ какъ оно предстанетъ предъ нами въ образѣ естественнаго слѣдствія предшествовавшихъ ему причинъ. Мы въ немъ увидимъ прямой, логическій выводъ изъ положеній, всѣмъ намъ извѣстныхъ и достаточно намъ надоѣвшихъ. Мы въ немъ увидимъ симптомъ, указывающій, что процессъ разрѣшенія такъ называемаго „еврейскаго вопроса" вступаетъ въ новый фазисъ, хочетъ попробовать счастія на новомъ способѣ. Новизна этого новаго способа состоитъ въ томъ, что если старый способъ, по характеру своему, могъ по справедливости считаться теоретическимъ, то новый, благодаря практическимъ пріемамъ, для него проэктируемымъ, имѣетъ всѣ права называться практическимъ, и, какъ таковой, можетъ, повидимому, разсчитывать на успѣхъ. Дѣло въ томъ, что, убѣдившись горькимъ опытомъ, что теоріи, самыя, повидимому, непреложныя, не выводятъ еврейскаго вопроса изъ заколдованнаго круга, въ которомъ онъ застрялъ съ самаго начала своего возникновенія, нашъ народный инстинктъ шепчетъ намъ: „попытайтесь, авось выведетъ практика, оперирующая не словомъ, а дѣломъ, отъ котораго и можно ожидать результата".

И, въ самомъ дѣлѣ, что мы до сихъ поръ дѣлали для разрѣшенія роковаго для насъ вопроса? Мы каждый разъ исходили теоретическую область вдоль и поперегъ, измѣряя ее во всѣхъ направленіяхъ,—и чего мы достигали нашими неукоснительными и правильными измѣреніями?—Ровно ничего. Противъ нашихъ теорій выдвигали контръ-теоріи и, благодаря неунывающей діалектикѣ, съ нами спорили до безконечности, не приходя ни къ какому соглашенію. Много-ли подвинулось разрѣшеніе еврейскаго вопроса со временъ Амана и до нашихъ дней?

Мы не можемъ и не должны пройти молчаніемъ обвиненія, выдвигаемаго противъ насъ въ томъ, что мы, евреи, потому-де играемъ якобы роль паразитовъ въ экономической жизни народовъ, что мы труда не любимъ, боимся его, или презираемъ его, или-же вообще неспособны къ нему, благодаря нашимъ племеннымъ особенностямъ, осудившимъ насъ споконъ и до скончанія вѣковъ на жизнь трутней, дармоѣдовъ, паразитовъ и т. д.

Противъ этого-то, крайне обиднаго для насъ тезиса, мы должны протестовать всѣми силами души нашей и всѣми фибрами физическаго существа нашего, потому что онъ—ложь въ самомъ основаніи своемъ. Нѣтъ, можетъ быть, на свѣтѣ болѣе трудолюбиваго и болѣе трудящагося народа, чѣмъ евреи. Всю жизнь свою, до гробовой доски, еврей, каково-бы ни было его общественное положеніе, проводитъ въ неустанномъ трудѣ, въ чемъ-бы сей ни выражался, мало заботясь или совсѣмъ забывая объ отдыхѣ, почти вовсе не согласующемся съ его юркой, лихорадочной, неугомонно хлопотливой натурой. Если-же его неугомонно-хлопотливая дѣятельность равняется нерѣдко безплодной и даже потѣшной дѣятельности бѣлки въ колесѣ, то это не его вина, а преступленіе тѣхъ условій, которыя осуждаютъ его на такую унизительную для человѣческаго достоинства работу. По рѣзвости своей натуры, рѣшительно неспособной къ лѣни, покою, неподвижности, онъ въ потѣ лица и выбиваясь изъ силъ вращаетъ бѣличье колесо—за недоступностью для него вращать болѣе производительные для общества аппараты. Въ этомъ и весь трагизмъ его нелѣпаго положенія, что, способный и охочій трудиться съ пользой для себя и другихъ, онъ долженъ довольствоваться суррогатомъ труда, такъ какъ почти всѣ дороги къ труду настоящему, производительному, для него загорожены или въ высшей степени затруднены,—что, однако-же, по какой-то странной логикѣ, вмѣняется въ непростительную вину ему, а не кому-либо другому.

Но, какъ-бы то ни было, что-бы ни было причиной безплодности нашей дѣятельности, народъ нашъ теперь твердо рѣшился: переставъ словесно препираться о виновникахъ своего столько-же критическаго, сколько и смѣшнаго положенія, взять недающійся ему трудъ, такъ сказать, приступомъ, съ бою. Трудъ въ самомъ

примитивномъ смыслѣ этого слова, трудъ физическій, земледѣльческій сдѣлался теперь лозунгомъ всего лагеря Израильскаго, понявшаго, наконецъ, что подъ эгидой этого труда онъ, если не сдѣлается господиномъ, то, во всякомъ случаѣ, перестанетъ быть рабомъ положенія. Лозунгомъ этимъ воодушевлено теперь у насъ все, что способно для чего-нибудь воодушевиться. Лозунгъ этотъ начертанъ пламенными буквами на мирномъ знамени такъ называемаго „палестинскаго движенія“, растущаго съ каждымъ днемъ. Мы докажемъ,—потому что мы въ состояніи доказать,—что мы не только искренно желаемъ, но и вполнѣ способны трудиться даже физически. И такъ какъ мы никогда на половину ничего не дѣлаемъ, то не угомонимся до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ цѣли, разъ мы задались ею. Насъ упрекаютъ, что мы хлѣбъ ѣдимъ, но хлѣба не производимъ,—и мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока не наводнимъ всѣхъ рынковъ хлѣбомъ нашимъ, дабы упрекающіе насъ въ тунеядствѣ ѣли досыта, благословляя или, по крайней мѣрѣ, не ругая, не проклиная насъ. Вотъ цѣль, которую поставилъ себѣ теперь народъ нашъ и къ которой онъ стремится со всей врожденной ему энергіей и импетуозностью. Во имя этой цѣли, проснулась заснувшая было солидарность наша, воскресъ народный духъ нашъ, казавшійся уже умершимъ и похороненнымъ на погостѣ европейской цивилизаціи, полной ассимиляціи, двусмысленной эмансипаціи и другихъ театральныхъ декорацій. Во имя этой цѣли, во многихъ мѣстахъ западной Европы образовываются союзы, братства, комитеты, собираются фонды, съѣзжаются делегаты, обсуждаются проекты; словомъ, работа по организаціи еврейскаго земледѣльческаго труда началась на всей линіи. „Хлѣбный ультиматумъ“, предъявляемый намъ народами, принятъ нами не только къ свѣдѣнію, но и къ точному исполненію,—авось, будетъ устраненъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшій casus belli.

И такъ какъ хлѣба немыслимъ безъ поля, то народъ нашъ и бросился теперь отыскивать это поле, на которомъ одномъ его ненасытимое трудолюбіе и его несомнѣнная трудоспособность могутъ найдти надлежащее примѣненіе и удовлетвореніе. Не находя его здѣсь, по близости, въ сосѣдствѣ, онъ ищетъ его тамъ, за тридевять земель, такъ какъ для него безразлично, гдѣ ни трудиться, лишь

бы не существовало условій, мѣшающихъ ему трудиться и спокойно наслаждаться плодами трудовъ своихъ. И онъ, дастъ Богъ, найдетъ это поле, потому что міръ не клиномъ сошелся: какой нибудь уголокъ земли для него еще найдется и онъ не будетъ въ немъ лишнимъ. И какъ этотъ уголокъ ни будетъ пустъ вначалѣ, народъ нашъ быстро наполнитъ его и сдѣлаетъ уютнымъ, обитаемымъ, что ему не впервые. Одну-ли пустыню онъ на своемъ вѣку оживилъ своимъ пышащимъ жизнью существомъ!...

Вотъ въ чемъ сущность, смыслъ и цѣль замѣчаемаго въ последнее время въ нашемъ народѣ необыкновеннаго „движенія", къ которому многіе изъ нашего обезпеченнаго, а потому и мало мыслящаго класса, относятся пока скептически, индифферентно, какъ къ чему-то утопическому, проблематическому. Движеніе это—движеніе къ труду физическому, земледѣльческому, движеніе къ производству хлѣба собственными руками, движеніе къ переходу отъ теоріи къ практикѣ, отъ слова къ дѣлу. Подъемъ нашего народнаго духа ищетъ для себя выраженія не въ разрушеніи, а въ созиданіи, не въ отрицательномъ, а въ положительномъ, не въ проливаніи крови, а въ сѣяніи хлѣба. Но этотъ подъемъ, свидѣтельствующій о благодѣтельномъ переворотѣ въ умахъ нашего народа, такъ новъ, такъ неожиданъ, что скептическое и даже враждебное отношеніе къ нему людей поверхностныхъ и свыкшихся съ рутиной нисколько не удивительно: никакая новая идея, какъ благоразумна она ни была бы, никогда не дѣлается сразу общимъ достояніемъ, будучи сначала понята и усвоена лишь немногими единицами, болѣе чуткими къ требованіямъ и знаменіямъ времени. О новой же идеѣ, о которой идетъ у насъ здѣсь рѣчь, можно, впрочемъ, то сказать, что она, сверхъ положенія, была сразу усвоена очень многими единицами и распространеніе ея въ народѣ пошло такъ быстро и успѣшно, что не нуждалось въ искусственныхъ мѣрахъ и подогрѣваніяхъ. Какъ только идея возникла—масса, ни кѣмъ не наученная, стала восторженно и со слезами на глазахъ распѣвать народныя о ней пѣсни, богъ знаетъ кѣмъ сложенныя. «Steh' auf, mein Volk!" стало раздаваться во всемъ районѣ еврейской осѣдлости, электризируя слушателя и потрясая его до мозга костей, какъ своимъ глубоко прочувствованнымъ содержаніемъ, такъ равно и своимъ за душу хватающимъ мотивомъ. Встрѣтилась даже надобность въ умѣреніи пыла, охватившаго массу, дабы осуществленіе идеи, требующее строго-обдуманной организаціи и

правильнаго, постепеннаго хода, не пострадало отъ слишкомъ большой поспѣшности и неумѣстныхъ увлеченій. Что это означаетъ? Это, по нашему мнѣнію, означаетъ, что идея жизненна, своевременна и имѣетъ будущность, въ чемъ, впрочемъ, ея адепты нисколько не сомнѣваются.

Но почему эта идея, это движеніе связано преимущественно съ именемъ Палестины? Почему народъ нашъ рѣшился, повидимому, искать нужнаго ему поля главнѣе и преимущественнѣе въ этой глухой, археологической странѣ, пользовавшейся до сихъ поръ лишь платонической его любовью?

Для этого существуютъ очень вѣскія причины, къ изложенію которыхъ мы, безъ всякихъ предисловій, и приступаемъ.

Помыслы и взоры пробуждающагося къ новой жизни народа нашего обращены теперь преимущественно на востокъ очень просто потому, что на западѣ онъ обжегся, западъ измѣнилъ ему, не оправдалъ его ожиданій или, говоря точнѣе, оттолкнулъ его отъ себя обѣими руками. Чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ больше онъ убѣждается, что возвышающаяся до облаковъ стѣна, отдѣляющая его отъ западныхъ народовъ и племенъ, не падетъ ни отъ какихъ іерихонскихъ трубъ, ни отъ какихъ гедеоновскихъ факеловъ,—а лбомъ стѣну не прошибешь. Онъ пробовалъ даже это, но... ушелъ съ большими синяками на лбу и чуть совсѣмъ не размозживъ себѣ голову. Западные народы никогда не признавали, никогда, какъ видно, и не признаютъ его себѣ равнымъ, почему всегда считали и вѣчно считать его будутъ чужимъ, лишнимъ, пришельцемъ, гостемъ, при томъ еще непрошеннымъ, нежелательнымъ. Какъ онъ ни въ правѣ обижаться такимъ несправедливымъ къ нему отношеніемъ народовъ, съ которыми онъ не со вчерашняго дня дѣлитъ радость, горе и труды по выработкѣ дорогой всему человѣчеству цивилизаціи,—фактъ не перестаетъ отъ этого быть фактомъ. Долго; около двухъ тысячъ лѣтъ, онъ старался не замѣчать этого факта, игнорировать его, сохраняя улыбающуюся мину при сквернѣйшей игрѣ, которую онъ въ своемъ послѣдовательномъ самообманѣ, любилъ считать проходящей, по крайней мѣрѣ, не вѣчной... Но всему-же есть конецъ; долженъ быть конецъ и его завѣдомому самообману, его оптимистическому взгляду на фактъ, никогда не считаться съ которымъ—верхъ недомыслія.

И онъ рѣшился теперь, наконецъ считаться съ этимъ фактомъ, взглянуть опасности прямо въ глаза, какъ это ему ни тяжело съ

непривычки. Само собою разумѣется, что счеты его, какъ стороны слабѣйшей, могутъ быть только отрицательнаго или пассивнаго свойства: западъ безусловно отталкиваетъ его, такъ онъ долженъ, повернувъ оглобли, искать счастья на діаметрально-противуположной западу сторонѣ. Вознамѣриваясь начать новую жизнь, жизнь труда въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, онъ не можетъ основывать его на шаткой, постоянно колеблющейся подъ его ногами почвѣ, съ которой каждую минуту могутъ согнать его по праву сильнаго или въ силу безотчетной антипатіи къ нему. Не можетъ, потому что, въ противномъ случаѣ, его мозольнѣйшій трудъ будетъ опять похожъ на сизифову работу съ присвоенными этой работѣ правами и преимуществами, равными нулю.

Ясно, что онъ, если не хочетъ, чтобы его трудъ пропадалъ даромъ, долженъ искать поля въ такой странѣ, въ которой онъ никакими натяжками, никакими теоріями, никакими софизмами не можетъ быть признанъ чужимъ, которому каждую минуту можно насильно вручить отпускной билетъ. Такая страна существуетъ; страна эта—Востокъ! Его происхожденія оттуда, къ счастію, никто пока не оспариваетъ, потому что такое оспариваніе ни для кого не представляетъ пока никакой выгоды. Стало быть, есть же на земномъ шарѣ хоть одна страна, въ которой онъ можетъ жить въ качествѣ аборигена, коренного, а не чужого, пришельца.

А изъ восточныхъ территорій какой уголокъ можетъ имѣть для него большую притягательную силу, чѣмъ его старая родина Палестина, земля обѣтованная, съ которою связаны всѣ лучшія воспоминанія и традиціи его великаго и славнаго прошлаго, котораго онъ не можетъ забыть и по сей день?... Тамъ стояла его колыбель, тамъ онъ выросъ, возмужалъ, совершенствовался, работалъ и выработалъ тѣ великіе духовные и нравственные принципы, которыми всѣ культурные народы обоихъ полушарій руководствуются и до днесь, находя ихъ непреложными и вѣчными. Она, земля эта, была много вѣковъ его физическимъ, а по сіе время не перестаетъ быть его духовнымъ отечествомъ, съ которымъ ни на одну минуту не прерывалась его духовная связь, не смотря на то, что онъ уже 18 вѣковъ живетъ вдали отъ него. Весьма естественно, что подъ какими внѣшними условіями и при какихъ обстоятельствахъ ему ни приходилось-бы существовать на своей старой родинѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ чувствовать себя дома, у себя, на родномъ пепелищѣ,—а на родномъ пепелищѣ и работаешь охотнѣе и прилежнѣе;

для родного пепелища ничего не жаль: никакихъ трудовъ, никакихъ лишеній, потому что оно—свое, родное, неотъемлемое, неоспоримое..

Кромѣ того, климатическія и почвенныя условія, въ особенности-же географическое положеніе Палестины таковы, что народъ нашъ съ величайшею пользою для себя и другихъ можетъ утилизировать способности, отличавшія его когда-то дома (земледѣліе), и дарованія, пріобрѣтенныя имъ впослѣдствіи на чужбинѣ (торговля и промышленность), образующія вмѣстѣ основаніе и вершину того экономическаго быта, въ которомъ эта страна сильно нуждается и который для нея вполнѣ доступенъ, такъ-какъ она обладаетъ для этого всѣми требуемыми данными, пропадающими нынѣ втунѣ... Страна, за немногими исключеніями, лежитъ теперь пустыремъ. Бывшая въ рукахъ евреевъ землею, текущею молокомъ и медомъ, она въ рукахъ завоевателя превратилась въ мерзость запустѣнія. Нѣкогда цвѣтущіе и густо-населенные города представляютъ теперь собою груды развалинъ. Дороги непроходимы, рѣки засорены, виноградники запущены, поля необработаны. Гдѣ кипѣла жизнь, тамъ царствуетъ гробовая тишина и смерть отъ міазмовъ и испареній. Гдѣ раздавалась звонкая пѣснь отъ избытка жизнерадостнаго чувства, тамъ слышно предсмертное хрипѣнье умирающаго подъ ножемъ дикаря, не знающаго другого источника существованія, кромѣ грабежа и разбоя. Богатая отъ природы, но захудалая въ чужихъ рукахъ почва какъ будто ожидаетъ своихъ старыхъ воздѣлывателей, которые предъ изгнаніемъ обильно оросили ее своею кровью, а теперь должны орошать ее своимъ пóтомъ, дабы она перестала быть печальной пустыней.

И они пріидутъ, т. е. желаютъ придти, эти старые воздѣлыватели, чтобы пробудить ее отъ летаргическаго сна, въ который она погружена столько вѣковъ, чтобы оживить, воскресить ее силою своего труда, энергіи и не старѣющей у нихъ любви къ ней, дабы она опять сдѣлалась благословеніемъ, житницей народовъ, какъ во времена былыя...

Кто можетъ имѣть что-нибудь противъ этого скромнаго и законнаго желанія? Кто изъ справедливыхъ и честныхъ людей можетъ не сочувствовать ему и не желать ему исполненія? Кому и чему можетъ повредить это исполненіе? Не увеличитъ-ли оно сумму богатствъ окрестныхъ народовъ и ихъ сосѣдей, для которыхъ эта трижды богатая страна лежитъ теперь мертвымъ капиталомъ, не

приносящимъ даже тѣхъ ничтожныхъ интересовъ, которые былибы, по крайней мѣрѣ, достаточны для прокормленія того жидкаго и невзыскательнаго населенія, которое на ней теперь обитаетъ, борясь безуспѣшно съ нуждой, некультурностью и азіятской стагнаціей?

Что же касается Россіи, т. е. главнаго очага древнихъ воздѣлывателей палестинскихъ нивъ, то она не только ничего не потеряетъ, но даже много выиграетъ отъ отлива излишка ея еврейскаго населенія, не находящаго занятія на мѣстѣ, въ такую страну, которая со временемъ и благодаря оживленнымъ сношеніямъ между эмигрантами и ихъ остающимися на мѣстѣ соплеменниками, можетъ сдѣлаться непослѣднимъ рынкомъ для сбыта ея произведеній и крѣпкимъ базисомъ для развитія ея коммерческихъ сношеній съ дальнимъ востокомъ, къ чему она стремится, какъ извѣстно, съ очень медленнымъ успѣхомъ. Объ устройствѣ, черезъ посредство земледѣльческихъ колоній, этого-то излишка, существующаго въ тягость себѣ и другимъ, и должна быть у насъ рѣчь и забота, если не хотимъ еще большаго усложненія и обостренія еврейскаго вопроса въ Россіи. И есть основаніе надѣяться, что и само это устройство ляжетъ на плечи не однихъ русскихъ, но и евреевъ другихъ государствъ Европы и даже Америки, такъ какъ послѣдніе не совсѣмъ равнодушно относятся къ крайне тяжкому положенію сотней тысячъ ихъ соплеменниковъ, которые при другихъ условіяхъ могутъ сдѣлаться полезными не только себѣ, но и той странѣ, въ которой они теперь гибнутъ въ качествѣ лишнихъ, ни къ чему неприспособленныхъ. Не будетъ, можетъ быть, слишкомъ рогатымъ парадоксомъ, если скажемъ, что въ чемъ не совсѣмъ успѣли вооруженныя арміи, въ томъ успѣетъ основанная въ Сиріи или Палестинѣ мирная земледѣльческая колонія бердичевскихъ евреевъ, которые, одною рукою нагружая въ Бейрутѣ, Сенъ-Жанъ д'Акрѣ или Яфѣ корабли съ мѣстными сельскими произведеніями, будутъ другою—разгружать корабли съ русскими мануфактурными товарами, присланными ихъ соплеменниками изъ Россіи. Это вовсе не такая утопія, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать, что у еврейскихъ колонистовъ земледѣліе и торгово-промышленность будутъ идти рука объ руку, помогая, поддерживая и дополняя другъ друга и не давая одному фактору экономической жизни развиваться на счетъ и въ ущербъ другого, отчего получится требуемая гармонія. Историче-

скій опытъ, вынесенный евреями изъ всего ихъ прошлаго, не допуститъ ихъ до односторонней дѣятельности, при которой экономическое преуспѣяніе не можетъ быть гарантировано. И хотя многіе изъ поселяющихся теперь въ Палестинѣ еврейскихъ колонистовъ, въ видахъ лучшаго обезпеченія за земледѣльческимъ трудомъ возможно большаго числа рукъ, даютъ себѣ зарокъ—извѣстное число лѣтъ (15) не смѣть и думать о торговлѣ, но это уже крайность, вовсе не обусловливаемая положеніемъ вещей, противъ которой они, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не устоятъ. Не находя уже на мѣстѣ древнихъ финикіянъ, т. е. древнихъ капитализаторовъ роскошныхъ произведеній богатой палестинской почвы, евреи, по необходимости, должны будутъ сами принять на себя роль исчезнувшихъ посредниковъ,—и они въ накладѣ отъ этого не останутся. Одностороннее-же крестьянство въ русскомъ вкусѣ на палестинской почвѣ — невыгодно и даже немыслимо по мѣстнымъ аграрнымъ условіямъ, такъ что излишній ригоризмъ нашихъ новыхъ сельскихъ хозяевъ не имѣетъ никакого raison d'être, въ чемъ они, впрочемъ, очень скоро убѣдятся.

Но это—предметъ такой высокой важности, что обстоятельнѣе поговорить о немъ мы предполагаемъ въ другой статьѣ. А потому мы нынѣшнюю бесѣду заканчиваемъ краткимъ, но категорическимъ заявленіемъ, которое мы впослѣдствіи разовьемъ и докажемъ, что т. н. „палестинское движеніе" богато великими послѣдствіями не для однихъ евреевъ, ищущихъ пристанища, но и для всѣхъ тѣхъ, которые прямо или косвенно заинтересованы въ установленіи болѣе правильныхъ и болѣе оживленныхъ сношеній между истощеннымъ западомъ и роскошнымъ востокомъ, отчего выиграютъ обѣ страны, равно нуждающіяся во взаимномъ сближеніи. Сближеніе это до сихъ поръ не состоялось или состоялось въ весьма недостаточной степени—по недостатку надлежащихъ посредниковъ. мастеровъ своего дѣла. Съ развитіемъ-же палестинскаго движенія посредники эти найдутся и вступятъ въ отправленіе своихъ, полезныхъ для обѣихъ сторонъ, обязанностей. А потому посильно содѣйствовать этому движенію, дабы оно изъ области предположеній и благихъ намѣреній перешло въ область конкретныхъ фактовъ, есть, по нашему мнѣнію, прямой долгъ не только евреевъ, но и подлежащихъ правительствъ и народовъ.

Одинъ народъ, впрочемъ, уже начинаетъ сознавать этотъ долгъ. Это—англичане. Англичане, которые не только „просвѣщенные

мореплаватели", но и дальновидные политики и коммерсанты, уже начинають зорко слѣдить,—и больше того, живо интересоваться этимъ движеніемъ, въ которомъ они, должно быть, предвидятъ что то хорошее для своихъ интересовъ. Желѣзнодорожные и канализаціонные проекты покойнаго Казалетта и герцога Соутерлэнда и неутомимые хлопоты г. Олифанта по колонизаціи Палестины евреями ясно свидѣтельствуютъ, что большіе практики, знающіе, гдѣ зимуютъ раки, смотрятъ на палестинское движеніе вовсе не какъ на химеру или утопію, а какъ на нѣчто вещественное, обѣщающее хорошіе плоды, и отъ отношенія къ этому движенію русскаго правительства и русскаго общества будетъ зависѣть, чтобы результатами его пользовалась Англія или Россія. Чѣмъ сочувственнѣе будетъ это отношеніе со стороны послѣдней, тѣмъ успѣхъ за нею будетъ обезпеченнѣе и это было-бы тѣмъ справедливѣе, что вѣдь главный контингентъ переселенцевъ будетъ во всякомъ случаѣ доставлять Россія, а не какая либо другая европейская держава, ноторая „излишкомъ" еврейскаго населенія не страдаетъ или, по крайней мѣрѣ, не очень тяготится имъ. А что „излишку" *долженъ* быть предоставленъ и, по возможности, облегченъ безобидный для обѣихъ сторонъ выходъ изъ крайне критическаго положенія, — объ этомъ, надѣемся, никто серьезно спорить не будетъ,—развѣ только тѣ евреи, которые, по тому или другому, къ „излишку" себя не причисляютъ...

Л. Леванда.

Новое слово въ жизни русскаго еврейства.

По поводу брошюры „Autoemancipation“, ein Mahnruf an seine Glaubensgenossen von einem russischen Juden.

Историческій гнетъ, постоянно тяготѣвшій надъ еврействомъ, медленно вытравливалъ изъ его духовнаго и физическаго организма всякую способность къ самостоятельной и активной борьбѣ за существованіе. Въ активную, открытую борьбу еврейство до сихъ поръ не выступало: во всемъ его боевомъ арсеналѣ было всегда одно только оружіе—выносливость. Эта выносливость еврейскаго народа, даже по признанію его заклятыхъ враговъ, самая удивительная. Казалось-бы, что еврейству, какъ духовной единицѣ, давно пора исчезнуть съ лица земли, давно пора покончить счеты печальнаго земнаго прозябанія и успокоиться вѣчнымъ сномъ. Но нѣтъ-же. Еврейство не перестаетъ существовать, не перестаетъ то тамъ, то здѣсь манифестировать свое существованіе краснорѣчивыми фактами служенія соціальной и нравственной культурѣ европейскихъ государствъ.

Изъ среды этого народа во всѣ времена и въ эпоху нами переживаемую выходили и выходятъ самые видные бойцы за прогрессъ и счастье человѣчества. Допустивъ, что историческое прошлое каждаго народа есть единственное начало, опредѣляющее его духовное настоящее, мы должны были бы признать такое явленіе въ жизни еврейскаго народа нелѣпостью, аномаліею или чѣмъ то исключительнымъ. Но дѣло въ томъ, что если настоящее народа, современное его положеніе находится въ опредѣленной зависимости отъ историческаго прошлаго, если это прошлое и кладетъ свою печать на физіономію народа, если оно, вообще, играетъ роль важнаго матеріальнаго элемента въ жизни каждой націи, то въ этой-же жизни не меньшую, если не большую, роль играетъ еще другой элементъ—элементъ „идеальный“, дающій спо-

собность приподнимать завѣсу будущаго и духовнымъ окомъ проникать въ его тайны.

Идейный элементъ открываетъ духовному зрѣнію народа самыя отдаленныя перспективы и горизонты будущаго. Онъ — этотъ идейный элементъ—не разъ бывалъ причиною того, что народы въ день своей мнимой политической смерти поднимались къ новой жизни, къ новому и въ новомъ направленіи историческому творчеству. Народъ, въ которомъ жива эта идейная сила, въ которомъ духъ не перестаетъ философствовать, въ которомъ способность къ исторической дѣятельности постоянно развивается подъ вліяніемъ одушевляющихъ его идеаловъ будущаго — такой народъ долженъ быть выносливымъ и вѣчнымъ. Кто внимательно изучалъ исторію еврейскаго народа, тотъ не могъ не замѣтить, что идеальный элементъ игралъ всегда самую видную роль въ его жизни, что этотъ именно элементъ служилъ ему бронею, спасавшею его отъ того меча, который постоянно точила противъ него ненависть народовъ. Вѣра въ возможность лучшаго будущаго, вѣра въ гуманность народовъ—вотъ, что до сихъ поръ укрѣпляло еврейство. И этой вѣры не могли задушить никакія „вѣскія“ и „тяжелыя“ аргументаціи исторіи. Нужны были старанія девятнадцати вѣковъ, чтобы эта вѣра, наконецъ, дрогнула, чтобы идеалъ политическаго равноправія уступилъ мѣсто другому, чтобы въ лабораторіи народной душивыработалась новая идея, которая должна открыть новый періодъ въ нравственной и духовной жизни нашего народа. Отъ „исторіи“ и „прогресса“ намъ нечего больше ожидать спасенія. Въ нашей матеріальной жизни невозможны никакія „открытія“ и „изобрѣтенія“; она былабы осуждена на какое-то ультраконсервативное прозябаніе, если бы не реформа, совершившаяся въ нашихъ умахъ. Эта реформа — идеалъ плодотворной, производительной дѣятельности въ странѣ нашихъ предковъ. Экономическая и самостоятельная жизнь на почвѣ Палестины является единственнымъ средствомъ измѣнить къ лучшему матеріальную обстановку еврейскаго народа. При **этомъ** идеалѣ впервые долженъ получить въ жизни еврейства осуществленіе принципъ Kampf ums Recht, Kampf ums Leben, требующій полнаго, **активнаго** напряженія всѣхъ наличныхъ, матеріальныхъ и духовныхъ силъ. До сихъ поръ еврейство терпѣло и терпѣливо выносило, сидѣло у моря и ожидало **политической** погоды, теперь оно должно создавать и насаждать новыя условія для осу-

ществленія своего экономическаго идеала. Колонизація Палестины должна, наконецъ, разбудить въ нашемъ народѣ и тѣ производительныя силы которыя дремали въ немъ подъ вліяніемъ всевозможныхъ „ограниченій и запрещеній.“ Если при старомъ идейномъ режимѣ роль еврейства въ дѣлѣ сохраненія своей національной индивидуальности исключала почти всякую возможность самодѣятельности и иниціативы, то при новомъ режимѣ самодѣятельность и начало самоосвобожденія должны играть очень видную роль въ процессѣ практическаго осуществленія колонизаціоннаго дѣла. Если въ прошлые годы ассимиляціонныхъ увлеченій девизомъ во всемъ еврейскомъ станѣ было—самоупраздненіе, то теперь этотъ устарѣвшій девизъ долженъ уступить мѣсто новому, болѣе соотвѣтствующему современному духовному настроенію еврейскаго общества. Этотъ новый девизъ—самоосвобожденіе! „Autoemancipation“—это идея самодѣятельности народа на пользу своего хозяйственно-экономическаго возрожденія. Autoemancipation разоблачаетъ всю негодность того идейнаго костюма, въ который еврейство рядилось до сихъ поръ и который нынѣ рвется по всѣмъ швамъ.

„Autoemancipation“—это кризисъ, рѣшительный шагъ черезъ порогъ поэтическаго космополитизма въ сферу практической и энергичной защиты своихъ національныхъ интересовъ. Въ жизни каждаго народа бываютъ кризисы, т. е. явные переходы отъ одного порядка вещей къ другому, отъ даннаго строя—умственнаго, нравственнаго и экономическаго—къ другому, ему противоположному. Для того, чтобы совершился кризисъ въ жизни народа, нужно, чтобы одна какая нибудь мысль, одно желаніе обошло всѣхъ и каждаго, чтобы одна потребность была сознана всѣмъ народомъ, чтобы одна идея взволновала какъ верхніе, такъ и нисшіе слои общества, чтобы одинъ идеалъ нагальванизировалъ всю націю, какъ одного человѣка. Философія исторіи учитъ насъ видѣть въ жизни народовъ постоянную борьбу, или, правильнѣе сказать, игру двухъ силъ—прошедшаго и будущаго. Обѣ эти силы давятъ на соціальный рычагъ и каждая изъ нихъ старается перевѣсить другую. Бываютъ моменты, когда рычагъ находится въ покоѣ, но это продолжается не долго. Та или другая сила должна раньше или позже оскудѣть, должна обанкрутиться за невозможностью удовлетворить всѣ вновь назрѣвшія потребности, за недостаткомъ такого нравственнаго фонда, которымъ можно было-бы

совершить учетъ всѣмъ предъявляемымъ векселямъ. Тогда совершается кризисъ: — соціальный рычагъ подается въ сторону наибольшей силы, наибольшаго давленія. Для историческихъ кризисовъ, слѣдовательно, необходимо безусловное большинство, т. е. необходимо, чтобы большинство сомкнулось въ одну плотную массу подъ вліяніемъ одной потребности и идеи. Пока народъ далекъ отъ кризиса, еще возможны кристаллизаціи въ обществѣ отдѣльныхъ партій возможно дробленіе по группамъ, спеціальнымъ знаменамъ, но какъ только на горизонтѣ соціальной жизни народа блеснетъ первая зарница грядущаго кризиса, всѣ силы, всѣ отдѣльные соціальные и общественные кристаллы начинаютъ соединяться въ одно цѣлое, въ одну единицу. Посмотрите на то, что происходить теперь въ жизни русскаго еврейства. Еще недавно оно не могло быть названо однимъ цѣлымъ. Одна часть его почти изнывала отъ тоски по окончательномъ самоупраздненіи; другая—по преимуществу масса—вздыхая о правахъ, о самоупраздненіи все-таки не думала. Первая укрѣпляла свои ассимиляціонныя желанія теоріею универсализма, вторая слѣдовала инстинктивному чувству національнаго самосохраненія. Какъ ни безсиленъ универсализмъ въ качествѣ опоры для практической работы, тѣмъ не менѣе раздвоеніе еврейскаго общества до сихъ поръ было несомнѣннымъ фактомъ. Только съ настоящей минуты мы будемъ имѣть единое еврейство, ибо идеалъ производительной, экономической жизни диктуетъ всѣмъ и каждому во Израилѣ одни и тѣже чувства и мысли.

Русское еврейство объединяется. Это фактъ. Пресловутый упрекъ въ солидарности только теперь могъ-бы претендовать на нѣкоторую основательность. И въ этой духовной солидарности несомнѣнный залогъ того, что идеалъ производительно-экономической жизни будетъ осуществленъ.

Однако, спрашивается, гармонируетъ-ли этотъ идеалъ съ современной хронологической датой прогресса?.. Несомнѣнно, что особенную силу онъ получилъ подъ вліяніемъ тѣхъ гоненій, которыя еврейство перетерпѣло за послѣднія нѣсколько лѣтъ во всѣхъ государствахъ Европы.

Эти гоненія —ближайшая причина того, что подъ флагомъ „національнаго эгоизма“ одна часть еврейства, безъ лишнихъ словъ, приступила къ реализаціи палестинскаго дѣла. Но почему-же еврейство, не разъ подвергавшееся на своемъ историческомъ пути пре-

слѣдованіямъ, только теперь стало колонизировать Палестину, только теперь стало обнаруживать тяготѣніе къ „національной“ и „производительной“ жизни? Почему еврейство теперь (не въ примѣръ прочимъ годамъ) предпочло-бы minimum національнаго благоустройства всѣмъ тѣмъ сомнительнымъ благамъ, которыя сулитъ ему пресловутая миссія космополитическаго культуртрэгерства. Это, на нашъ взглядъ, объясняется историческимъ ходомъ прогресса, тѣмъ, что XIX вѣкъ есть вѣкъ националистическій par excence. Отрицательное отношеніе къ національнымъ вопросамъ впервые приняло рѣзкія формы въ XVIII ст. Изнывавшее впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ гнетомъ всевозможныхъ авторитетовъ человѣчество, только въ XVIII ст. завоевало себѣ право свободнаго мышленія, свободной жизни и дѣятельности. Всѣ авторитеты и кумиры были низвергнуты съ своихъ пьедесталовъ и на ихъ мѣстѣ былъ установленъ совершенно новый, небывалый кумиръ —„человѣкъ“. „Человѣкъ“ лишенный всякихъ специфическихъ, національныхъ, бытовыхъ особенностей; человѣкъ, какъ таковой, an und für sich—вотъ тотъ новый богъ, къ которому всѣ лучшіе мыслители XVIII ст. стали возносить свои молитвы. Въ области политической и философской мысли вдохновенными пророками и глашатаями ученія о „человѣкѣ“ явились такія личности, какъ Гуго Гроцій, Гоббесъ, Локкъ, Декартъ, Спиноза, Монтескье, Руссо и другіе. Выработалась даже цѣлая система о такъ называемомъ „естественномъ состояніи“. Съ точки зрѣнія современной науки эта философская система можетъ быть признана только поэтическимъ моментомъ въ историческомъ развитіи политической и философской мысли. Дѣйствительно, все раціоналистическое ученіе есть только свободный полетъ въ область поэтической метафизики, въ ту область, въ которой нѣтъ ничего реальнаго, нѣтъ племени, рассы, національности, специфическихъ, къ данному мѣсту и времени принаровленныхъ, формъ политической жизни, а есть только абстрактная личность, „человѣкъ“. Не только въ области политической мысли, гдѣ отвлеченія еще имѣютъ свой raison d'être, но даже въ области экономическихъ теорій, въ области изслѣдованій, непосредственно соприкасающихся съ реальнымъ укладомъ вещей, ученіе „естественной“ гармоніи получило право почетнаго гражданства. Ученіе фритредеровъ съ ихъ экономической тріадой—laisser faire, laisser passer, „абсолютный хозяйственный строй, эгоизмъ, какъ нравственный принципъ“—развѣ это не стремленіе уйти

какъ нибудь отъ дѣйствія окружающей среды, отъ порядка, слагающагося и сложившагося историческимъ путемъ.

И такъ XVIII вѣкъ насадилъ ту вражду къ національнымъ принципамъ, отъ которой иные запоздалые догматики „естественнаго" человѣка не могутъ отрѣшиться и по сей день. Евреи больше, чѣмъ кто-либо, содѣйствовали развитію этого ученія. Отъ торжества „человѣка" евреи ожидали своего собственнаго избавленія. Однако, современная наука отвергла всѣ мечтанія объ „абсолютахъ"—политическихъ или нравственныхъ—и заставила насъ заниматься конкретнымъ дѣломъ. Безспорно, идеалы „абсолютнаго" отличаются большими поэтическими достоинствами, но они, все-таки, выражаясь словами Спинозы, не больше, какъ entia imaginationis. Національныя движенія характеризуютъ собою весь XIX вѣкъ. Національность въ политикѣ, національность въ литературѣ, національность, словомъ, во всемъ—таковъ новый mot d'ordre всѣхъ европейскихъ народовъ. Удивительно-ли, спрашивается, что чувство національнаго самосознанія пробудилось въ насъ именно теперь?

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній, мы перейдемъ къ брошюрѣ „Autoemancipation", къ которой мы и желали пріурочить все высказанное нами выше. Авторъ этой брошюры является самымъ даровитымъ трибуномъ идеи осуществленія „производительно экономическаго" идеала. Онъ ополчаетъ въ защиту этого идеала цѣлую массу логическихъ аргументовъ, почерпнутыхъ имъ изъ глубокаго серьезнаго знакомства, какъ съ прошлою, такъ и современною исторіею еврейскаго народа. Его по-истинѣ пламенное краснорѣчіе свидѣтельствуетъ о такомъ патріотическомъ энтузіазмѣ, которымъ могъ проникнуться только несчастный сынъ глубоко несчастнаго народа. Но при всѣхъ своихъ выдающихся качествахъ эта брошюра страдаетъ, прежде всего, своимъ чисто-раціоналистическимъ духомъ. „Все прошлое—есть ложь!"—вотъ смыслъ большей половины ея. Авторъ съ негодованіемъ говоритъ о прошлой исторіи еврейскаго народа. Но идея «самоэмансипаціи» менѣе всего раціоналистическая идея; она идея практическая, взывающая къ дѣлу и практической работѣ. Для раціоналистическихъ идей нѣтъ историческихъ ступеней, нѣтъ постепенности, нѣтъ прошлаго, нѣтъ спеціальной приноровленности къ моменту,—исторія для нихъ не существуетъ. Но практическая идея колонизаціи, какъ средства для разрѣшенія такой проблеммы, какъ еврейскій во-

просъ, вовсе не требуетъ, чтобы корабли были сожжены, чтобы все прошлшее было признано печальною нелѣпостью. Другой недостатокъ брошюры — это ея незаконченность.

Авторъ приходитъ только къ необходимости колонизаціи, но онъ не рѣшается сказать, что Палестина должна быть тѣмъ мѣстомъ, куда слѣдуетъ направлять эмиграціонныя струи. Предпославъ общія замѣчанія брошюрѣ даровитаго адвоката аутоэмансипаціонной идеи, перейдемъ къ болѣе подробному изложенію ея содержанія.

Авторъ смѣлою, поэтическою кистью рисуетъ намъ ту печальную роль, которую еврейство вынуждено теперь играть. Въ глазахъ современныхъ народовъ еврейство, это „страшная тѣнь умершаго, блуждающаго среди живыхъ» *). «Это ужасное явленіе блуждающаго мертвеца-народа, безъ единства и организаціи, безъ земли и устройства, умершаго, но все-таки расхаживающаго между живыми, этотъ страшный образъ, не имѣющій себѣ подобнаго во всей исторіи, образъ безъ прототипа и малѣйшаго подобія въ настоящемъ, не могъ, конечно, не произвесть особеннаго и своеобразнаго впечатлѣнія на воображеніе народовъ. И если страхъ предъ привидѣніями врожденъ человѣку и находитъ себѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, оправданіе въ психической его жизни — то что-же удивительнаго, что этотъ страхъ проявляется также съ большою силою въ виду этого мертваго, но все-таки живущаго народа?» По мѣткому сравненію автора, юдофобія вообще есть только разновидность такъ называемой чертобоязни. „Страхъ предъ привидѣніемъ—вотъ причина, породившая юдофобію, вотъ, что вызвало къ жизни ту абстрактную, такъ сказать, платоническую ненависть, благодаря которой еврейскій народъ сталъ отвѣтственнымъ за мнимыя или дѣйствительныя преступленія отдѣльныхъ его членовъ».

Евреененавистничество будетъ жить до тѣхъ поръ, пока еврейство перестанетъ быть „живымъ мертвецомъ“. Другой, очень важный и болѣе матеріальный источникъ, питающій ненависть къ евреямъ, это то, что еврей, никогда не переставая быть въ глазахъ каждаго народа «чужимъ», всегда является опаснымъ конкуррентомъ на рынкѣ капиталистическихъ интересовъ. Къ тому еще этотъ „чужой“ въ дѣлѣ конкуренціи и капиталистической, такъ сказать, пронырливости обнаруживаетъ постоянно способности, со-

*) Мы цитируемъ брошюру по переводу, помѣщенному на страницахъ «Разсвѣта».

всѣмъ неутѣшительныя для полноправныхъ «коренныхъ». Прибавьте къ этому еще то обстоятельство, что онъ обнаруживаетъ даже попытки защитить самое «право» капитализировать свои силы, въ виду неотложной потребности жить, и вы поймете главныя причины ненависти къ евреямъ. Такимъ образомъ оказывается, говоритъ авторъ, что «для живыхъ еврей—мертвецъ, для коренныхъ—чужой, для туземныхъ—скиталецъ, для имущихъ — нищій, для нищихъ—эксплуататоръ и милліонеръ, для патріотовъ—человѣкъ, не имѣющій отечества, для всѣхъ же классовъ—ненавистный конкурентъ». Ненормальное положеніе еврейскаго народа не только въ Россіи, но и вездѣ въ Европѣ, совершенно убило, въ немъ по мнѣнію автора, тѣ чувства національной гордости и нравственнаго достоинства, которыя составляютъ самое драгоцѣнное достояніе каждаго народа. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ авторъ рисуетъ намъ физіономію современнаго еврейства: „когда насъ оскорбляютъ, грабятъ, раззоряютъ, позорятъ—мы не осмѣливаемся защищаться и, что еще хуже, мы находимъ, что это въ порядкѣ вещей когда насъ бьютъ по лицу, мы охлаждаемъ горячую щеку холодною водою, и когда намъ нанесены кровавыя раны, то мы ихъ перевязываемъ. когда насъ выгоняютъ изъ дома, который мы сами себѣ выстроили, то мы смиренно просимъ милостыни, и когда намъ не удается смягчить сердце нашихъ угнетателей, то мы отправляемся искать другого убѣжища. Если мы услышали крикъ празднаго зрителя: «Несчастные евреи! вы все-таки достойны сожалѣнія“, то мы глубоко тронуты. Если о какомъ-нибудь евреѣ скажутъ, что онъ дѣлаетъ честь своему народу, то этотъ народъ достаточно глупъ, чтобы гордиться этимъ“.

И такъ, his rebus stantibus, намъ, евреямъ, надо подумать о своей судьбѣ серьезно и объективно. Намъ нужно разъ навсегда понять, что цѣпляться за колесо прогресса въ надеждѣ пріѣхать на немъ когда-нибудь въ царство гуманности и справедливости, совершенно глупо. Отъ этого царства гуманности мы еще очень далеки. Теперь мы только на первомъ перевалѣ по необозримо длинному пути къ практическому гуманизму, и потому, сиднемъ сидѣть и ждать погоды рискованно. Говоря о положеніи евреевъ въ Россіи, авторъ констатируетъ слѣдующее: «въ этой странѣ насъ и слишкомъ много въ югозападныхъ губерніяхъ, гдѣ пребываніе евреямъ дозволено, и слишкомъ мало въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ пребываніе имъ возбраняется“. Подъ влія-

ніемъ погромовъ и гоненій послѣдняго пятилѣтія масса признала эмиграцію единымъ пригоднымъ средствомъ для разрѣженія черты осѣдлости, разрѣженія, безусловно необходимаго для поднятія экономическаго быта евреевъ въ самой Россіи. Однако, это эмиграціонное движеніе, какъ извѣстно, увѣнчалось не особенно блестящимъ успѣхомъ. И это должно приписать „исключительно тому весьма важному обстоятельству, что мы не были подготовлены, что мы были застигнуты врасплохъ, что заранѣе не озаботились о главномъ—ни объ убѣжищѣ, ни о правильной организаціи выселенія". Итакъ, для успѣшности колонизаціоннаго дѣла, для осуществленія „производительно-экономическаго" идеала, необходимо найти такое мѣсто, куда можно было-бы отправлять тѣ излишки евреевъ, которые въ разныхъ государствахъ влачатъ жизнь пролетаріевъ. Это мѣсто должно быть найдено союзомъ компетентныхъ и уполномоченныхъ лицъ. Аллiансы, по мнѣнію автора, призваны заложить первый камень для сооруженія того „маяка, на который будутъ обращены наши взоры". Алліансы должны образовать изъ себя нѣчто въ родѣ національной директоріи, которая постоянно пристраивала-бы тѣ излишки, которые тяжелымъ бременемъ ложатся на экономическую жизнь коренныхъ и служатъ важнымъ поводомъ для всякаго рода гоненій. Земля, избранная мѣстомъ реализаціи колонизаціоннаго дѣла, должна быть плодородною, удобною по своему географическому положенію, должна занимать пространство, достаточное для поселенія нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ. Эта территорія должно быть одна и сплошная, ибо „самой сущностью нашей задачи обусловливается то, чтобы, въ противовѣсъ нашему разсѣянію, мы обладали однимъ убѣжищемъ, такъ какъ множественность убѣжищъ была-бы равносильна нашему разсѣянію".

Только съ пріобрѣтеніемъ такого, „продуктивнаго" убѣжища для тѣхъ еврейскихъ пролетаріевъ, которые пресыщаютъ европейскія государства, европейскій вопросъ, эта „старая проблема" перестанетъ быть „квадратурою круга" и, вообще, потеряетъ свой raison dêtre.

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе брошюры „Autoemancipation", составившей самое отрадное событіе въ еврейской литературѣ за 1882 г. Она обратила на себя вниманіе всей иностранной печати и отчасти даже русской. Дѣло, конечно не обошлось безъ обязательныхъ помоевъ... Онѣ были, само собою, вылиты на

голову даровитаго автора тѣми, которымъ трудно отрѣшиться отъ своихъ излюбленныхъ Standpunkt'овъ и которые все еще силятся исцѣлить истекающее кровью еврейство старыми лекарствами... Даже такой заслуженный стражъ еврейскихъ интерессовъ, какъ докторъ Филипсонъ не могъ понять, что брошюра Autoemancipation только печатная, краснорѣчивая манифестація новаго знаменательнаго движенія въ средѣ еврейскаго общества.

А. Флексеръ.

По поводу книги I. Брилля «Iesod Hamaalo».

Конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ составятъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ въ исторической книгѣ еврейскаго народа, и будущій безпристрастный историкъ современной намъ эпохи отмѣтить ее, какъ величественную и свѣтлую полосу на темномъ фонѣ многовѣковаго безъидейнаго скитанія и позорнаго рабства; не потому чтобъ матеріалъ, изъ котораго этотъ періодъ сложился, рѣзко отличался отъ матеріала всѣхъ предшествовавшихъ періодовъ—далеко не потому: тѣ-же униженія и оскорбленія, тѣ-же невыносимыя условія жизни и тяжелыя страданія для милліоновъ народной массы и тутъ оставались неизбѣжными, и какъ-бы давностью освященными, спутниками нашей исторіи; но, по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ, послѣднее двадцатилѣтіе по истинѣ можно назвать новой эпохой въ исторіи Израиля. То что, въ сущности говоря, всегда служило лучшимъ залогомъ нашего національнаго самосохраненія, духовно объединяло наши разрозненныя массы и освѣщало намъ мрачный путь въ годины тяжкихъ бѣдствій и суровыхъ испытаній—вѣра народа въ свое возрожденіе съ особенной силой стала проявляться именно въ послѣднее время. Что вѣра эта всегда одушевляла нашъ народъ и отождествлялась въ его воображеніи съ торжествомъ истины и справедливости на землѣ — это извѣстно всякому, кто изучалъ исторію евреевъ и ознакомился съ твореніями пророковъ; можно указать лишь на то, что она по временамъ въ немъ засыпала, забивалась внѣшними условіями жизни, вытравливалась суровой дѣйствительностью, но она всегда таилась въ глубинѣ его души. И это совершенно понятно: если человѣку, очутившемуся лицомъ къ лицу съ голодной смертью, застигнутому бурей въ безлюдной и мрачной пустынѣ, естественно думать лишь о минутномъ спасеніи, о кускѣ черстваго хлѣба и жесткомъ ночлегѣ, а не о семейномъ очагѣ и самостоятельной свободной жизни, то тѣмъ естественнѣе цѣлому народу, который вотъ уже почти два тысячелѣтія постоянно отбивается отъ врага, постоянно

занятъ мыслію о минутномъ спасеніи,—тѣмъ естественнѣе ему впадать отъ времени до времени въ національный индифферентизмъ, и если мы отдѣльную личность, при сказанныхъ условіяхъ, не станемъ упрекать за мелочность стремленій, то тѣмъ менѣе можемъ мы обвинять нашъ народъ за то, что онъ чувствуетъ себя счастливымъ тамъ, гдѣ пользуется хоть какимъ-нибудь сноснымъ положеніемъ, что онъ радъ, когда его оставляютъ въ покоѣ и даютъ ему право бороться за свое существованіе. Тотъ скелетъ, который представляютъ изъ себя въ политическомъ отношеніи нѣсколько милліоновъ живущихъ на земномъ шарѣ евреевъ, рѣшительно нельзя обвинять въ томъ, что онъ, обладая колоссальными матеріальными и интеллектуальными силами, не стремился выйти изъ приниженнаго положенія, въ которомъ находится: прошлое этой массы таково, что оно исключало всякую возможность подобныхъ стремленій и осуждало народъ на постоянную борьбу за интересы минуты, за интересы сегодняшняго или завтрашняго дня. Лишенное возможности проявляться въ какихъ либо живыхъ формахъ, національное чувство Израиля вѣками слилось съ его религіей, съ его духовнымъ міровоззрѣніемъ, слилось до того, что трудно провести демаркаціонную линію между юдаизмомъ, какъ національностью и юдаизмомъ, какъ философской системой. Прослѣдите хорошенько характеръ нашихъ праздниковъ. вникните въ смыслъ нашихъ повседневныхъ и праздничныхъ молитвъ, прислушайтесь, какъ изливаетъ еврей свою душу передъ Богомъ—и вы увидите, что живая связь съ отдаленнымъ прошлымъ, горячія воспоминанія о „Сіонѣ во дни его славы и могущества", глубокое чувство національности согрѣвали и согрѣваютъ изболѣвшуюся и истосковавшуюся душу народа-странника. Не правы поэтому тѣ, которые утверждаютъ, что знаменующее послѣднее двадцатилѣтіе стремленіе евреевъ въ Палестину вообще и къ колонизаціи въ частности является исключительно результатомъ обрушившихся на нихъ обвиненій и погромовъ, и что движеніе это уляжется, исчезнетъ, не оставивъ по себѣ слѣда, лишь только евреямъ возвращены будутъ человѣческія права. Обвиненія и погромы, свидѣтелями которыхъ мы были, дали только толчекъ дремавшей въ народѣ стихійной силѣ, заставили ее сказаться, воплотиться въ какую-нибудь конкретную форму, но самая сила существовала всегда, независимо отъ всякихъ обвиненій и погромовъ, которые сами по себѣ, какъ таковые, ничего новаго намъ не сказали. Мы поэтому считаемъ преступнымъ всякое отождествленіе

волнующей нашъ народъ идеи возрожденія съ какой-то химерой, продуктомъ болѣзненной фантазіи, какъ выражаются одни, и съ празднымъ измышленіемъ непрошенныхъ печальниковъ народа, какъ зло смѣются другіе. Къ прискорбію, подобныя словоизверженія дѣлаются тѣми, которые имѣютъ возможность относиться критически къ занимающему насъ вопросу, которые могутъ задуматься надъ историческими судьбами нашего народа и понять, что восемнадцативѣковыя страданія не могутъ и не должны осудить нашъ народъ на вѣчно бродячую жизнь, на вѣчное заискиваніе предъ сильнымъ. „Нашъ народъ разсѣянъ по всему міру, говорятъ наши культурные люди—онъ забитъ и угнетенъ, онъ радъ минутному спокойствію, гдѣ-же ему думать о возрожденіи. Мы не нація—продолжаютъ они,—а этнографическій матеріалъ, который долженъ раствориться въ семьѣ европейскихъ народовъ, пріобщиться ихъ культуры и изгладить въ себѣ всѣ слѣды своего прошлаго. Да и гдѣ намъ искать это прошлое—возражаютъ приверженцы самоупраздненія, сирѣчь сліянія—уже не въ Палестинѣ-ли? — вѣдь она принадлежитъ султану, вѣдь христіанская Европа, если и покончитъ когда-нибудь съ восточнымъ вопросомъ, то уже никакъ не уступитъ намъ Святой земли—не ясно-ли, что это не реальная идея, а химера!“ Какъ видитъ читатель, этимъ господамъ не подъ силу отречься отъ своихъ ежедневныхъ меркантильныхъ воззрѣній и подняться на извѣстную философскую высоту; имъ подайте чисто математическія выкладки, докажите имъ ясно, какъ дважды два четыре, что наше возрожденіе возможно, и, притомъ, въ неотдаленномъ будущемъ— тогда они, пожалуй, повѣрятъ вамъ, а то какой-же резонъ драгоцѣнное время терять и пустяками заниматься. Но позвольте, милостивые государи, вѣдь такъ разсуждая вы не замѣчаете того страшнаго противорѣчія въ которое вы становитесь съ самимъ собою; вѣдь вы на собственныхъ плечахъ выносите всѣ спасительные результаты ассимилированія съ кореннымъ элементомъ, упраздненія своего національнаго *я*,—а каковы эти результаты? Развѣ вамъ, банкирамъ, юристамъ, врачамъ, техникамъ, инженерамъ, нотаріусамъ, не грозитъ опасность въ одно непрекрасное утро сдѣлаться жертвами босоногой команды, разбойниковъ пера или кабинетныхъ дипломатовъ? Развѣ дамокловъ мечъ не виситъ надъ вашими ассимилированными головами? Развѣ въ Европѣ и Америкѣ найдется хоть одинъ серьезный христіанскій мыслитель, который въ глубинѣ души не платилъ-бы вамъ презрѣніемъ за ваше самоупраздненіе?

Развѣ судьба испанскихъ евреевъ временъ Фердинанда и Изабеллы не говоритъ вамъ, что никакая ассимиляція, никакое равноправіе, никакая степень культуры не страхуетъ васъ отъ костровъ и позорнаго изгнанія? Отъ герцога Альбы до Наполеона I потребовались такія міровыя событія, какъ реформація, великія открытія и изобрѣтенія, крестьянскія войны, вѣкъ энциклопедистовъ и великая революція для того, чтобы за евреями, въ нѣкоторыхъ лишь мѣстахъ, признано было право ассимилироваться; столько-же времени и такихъ-же міровыхъ событій потребуется, вѣроятно, для того, чтобы всѣ вообще права, какъ личныя, такъ и гражданскія, признаны были за евреями на бумагѣ; затѣмъ потребуется нѣсколько столѣтій для перевоспитанія европейскаго общества, для насажденія въ немъ братскихъ чувствъ; затѣмъ пройдутъ вѣка, пока дѣйствительно исчезнетъ всякая рознь, внѣшняя и внутренняя, между евреями и христіанами, — а пока все это совершится, наши дѣти, внуки, правнуки и сотни послѣдующихъ поколѣній будутъ скитаться по міру, будутъ умирать за освобожденіе Славянъ, за милитаризмъ Бисмарка, за колонизаціонную политику Франціи, за меркантильные интересы коварнаго Альбіона, и, время отъ времени, въ награду за свой патріотизмъ подвергаться преслѣдованіямъ босоногихъ командъ антисемитическихъ воиновъ... Перспектива не дурная для тѣхъ „трезвыхъ мыслителей“, которые привыкли считать химерой все то, что не имѣетъ общаго съ биржей, акціонерными банками и желѣзнодорожными компаніями... Но не этихъ „культурныхъ“ евреевъ мы имѣемъ теперь въ виду. Мы имѣемъ въ виду только тѣхъ, которые, сочувствуя колонизаціи Палестины, робѣютъ предъ колоссальностью предстоящаго имъ дѣла и въ душѣ сомнѣваются въ возможности его осуществленія.

Имъ-то—этимъ колеблющимся и сомнѣвающимся—мы хотѣли-бы сказать, что палестинское дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не могутъ быть доказаны съ математической строгостью и точностью.

Было время—и оно не очень далеко отъ насъ—когда все, что̀ есть мыслящаго и передоваго у евреевъ, видѣло свое спасеніе исключительно въ грядущихъ успѣхахъ цивилизаціи и культуры. Вопросъ о возвращеніи нашему народу человѣческихъ правъ сводился къ вопросу общечеловѣческой культуры вообще и успѣха нашего народа на пути слiянія съ христіанскимъ міромъ въ частности. Такой взглядъ на еврейскій вопросъ въ универ-

сальномъ его значенiи вытекалъ, какъ изъ общаго хода событiй въ Европѣ, такъ и изъ тѣхъ колоссальныхъ успѣховъ гражданственности, которыми характеризуется весь XIX-ый вѣкъ. И дѣйствительно, если окинуть умственнымъ взоромъ Европу первой половины нашего столѣтія и сравнить ее съ Европой шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, то мы увидимъ, что чаянія и надежды передоваго мыслящаго еврейства находили себѣ полное оправданіе въ совершавшихся фактахъ. Чтобы не выйти изъ предѣловъ настоящей статьи, мы, для подтвержденія нашей мысли, ограничимся, указаніемъ на германскихъ евреевъ. Въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ началѣ нашего столѣтія существовало еврейское гетто; франкфуртскіе евреи представляли изъ себя какую-то безправную массу, всѣ жизненныя отправленія которой строго регламентировались властью, такъ что даже количество ежегодно совершаемыхъ евреями браковъ опредѣлялось закономъ. Не лучше было положеніе евреевъ въ другихъ мѣстностяхъ нынѣшней Германской имперіи. Казалось-бы, переходъ отъ этого безправнаго положенія къ равноправію представлялся немыслимымъ; однако, сорокъ восьмой годъ, обновившій жизнь Германіи и направившій ее по другому руслу, снялъ вѣковыя оковы и съ германскаго еврейства. Какъ же не увѣровать было въ спасительную силу прогресса и цивилизаціи, когда едва успѣвшая обновить свою жизнь Европа показала столько доблестныхъ примѣровъ гуманности и терпимости!... Стоитъ только стряхнуть съ себя вѣковые предразсудки—говорили вожаки нашего народа—и Европа раскроетъ намъ свои объятія; вѣдь она такъ много страдала за право личности, за свободу совѣсти, за всѣ тѣ блага, которыми нынѣ пользуется; вѣдь сама-же она истекала кровью въ борьбѣ съ вѣковой тираннiей,—можетъ-ли случиться, чтобы она не признала насъ людьми, гражданами?.. Давайте-же дружно стремиться къ знанію, къ наукѣ, къ свободѣ, сдѣлаемся достойными тѣхъ, дружбы которыхъ мы домогаемся—и ненависть къ намъ исчезнетъ, какъ туманъ передъ солнечнымъ свѣтомъ! Таковъ былъ еще такъ недавно лозунгъ культурнаго еврейства, таковы были воодушевлявшіе насъ идеалы, которые мы считали себя обязанными проводить въ народную массу, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ мало сочувствовавшую нашей проповѣди. И въ этихъ идеалахъ, какъ не замедлилъ показать опытъ, мы обрѣли успокоеніе весьма непродолжительное: жестокія бѣдствія, обрушившіяся на насъ за послѣднее время, раскрыли намъ глаза и показали, чего мы мо-

жемъ ждать въ будущемъ отъ культурной Европы; они съ наглядностью убѣдили насъ въ томъ, что наше спасеніе въ насъ самихъ, въ нашихъ духовныхъ богатствахъ, въ нашемъ національномъ геніи, а не въ культурныхъ успѣхахъ того или другаго народа, среди котораго мы живемъ. Теперь только мы убѣждаемся въ той горькой истинѣ, что культура и прогрессъ отлично уживаются съ ненавистью къ еврею, съ варварскимъ угнетеніемъ народа, послужившаго колыбелью христіанства. Ясно, что намъ нужно искать другаго исхода изъ нашего положенія, которое со дня на день становится все болѣе и болѣе невыносимымъ. И вотъ, страшные удары, нанесенные намъ за послѣднее время, породили въ нашемъ народѣ небывалое до сихъ поръ стремленіе къ земледѣлію, къ колонизаціи, къ эмиграціи въ Палестину, въ Америку... Много-ли мы успѣли въ дѣлѣ колонизаціи Св. Земли, осмысленно-ли дѣйствовали мы—это вопросъ, хотя и не второстепенный, но зато несвоевременный; фактъ таковъ, что мы очнулись отъ глубокаго сна, сковывавшаго всю нашу жизнедѣятельность, и сдѣлали первый, хотя и незначительный шагъ по тому пути, на который толкаетъ насъ исторія. Когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ впервые заговорили о необходимости создать на востокѣ еврейскія земледѣльческія школы, о попыткѣ колонизовать святую землю, многіе изъ насъ поспѣшили высказать свои мнѣнія и сужденія, нерѣдко діаметрально противоположныя, но никто, или почти никто, не возсталъ противъ самой идеи созданія земледѣльческихъ школъ и колоній, такъ что, по скольку печать еврейская является выразительницей народнаго настроенія, можно утверждать, что вообще евреи сочувственно встрѣтили эту идею. Все, что писалось и говорилось до сихъ поръ по этому вопросу, можно формулировать, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующихъ трехъ главныхъ вопросахъ, обнимающихъ всю суть предмета:

1) Способны ли современные евреи къ земледѣльческому труду?

2) Есть ли надежда на то, что, въ случаѣ колонизаціи Палестины евреями, страна эта способна будетъ прокормить своихъ сыновъ, какъ это было нѣкогда, во дни нашей политической самостоятельности?

3) Нужно ли опасаться, что наша колонизаціонная дѣятельность послужитъ поводомъ къ новымъ преслѣдованіямъ?

Что касается перваго вопроса, то на него всегда давали одинаковые отвѣты. Всѣ болѣе или менѣе согласны въ томъ, что произ-

водительныя способности евреевъ оставались до сихъ поръ втунѣ только благодаря исключительнымъ условіямъ ихъ гражданскаго и политическаго быта. Разнорѣчивые отвѣты получались лишь на остальные вопросы. Изложить всѣ эти разнорѣчивые взгляды, сгруппировать все, что писалось по этому предмету, значило бы написать исторію умственной жизни евреевъ за послѣднее 15-ти лѣтіе—трудъ и несвоевременный и, по разбросанности матеріала, невыполнимый. Мы поэтому ограничимся сгруппированіемъ отдѣльныхъ фактовъ, достаточно за себя говорящихъ. Передъ нами вышедшая въ прошломъ году брошюра г. Бриля „Jessod Hamaalo“, въ которой авторъ даетъ болѣе или менѣе подробное описаніе еврейскихъ колоній въ Св. Землѣ. Тутъ мы находимъ историческій очеркъ возникновенія колоній и школъ, но, къ сожалѣнію, авторъ не съумѣлъ сохранить объективнаго отношенія къ людямъ и вещамъ, о которыхъ трактуетъ, благодаря чему трудъ его низводится на степень полемической статьи, направленной противъ его личныхъ недруговъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ никому не интересные и не идущіе къ дѣлу личные счеты г. Бриля съ разными дѣятелями колонизаціи, мы позаимствуемъ у него одни лишь факты, рисующіе дѣйствительное положеніе вещей.

Въ августѣ 1868 года Шарль Неттеръ, возвратившись изъ Іерусалима въ Парижъ, предложилъ Alliance'у учредить въ Палестинѣ еврейскую земледѣльческую школу. Мысль Неттера, подробно развитая имъ въ 12 пунктахъ, составившихъ проектъ устройства и организаціи школы, была сочувственно встрѣчена всѣми членами Alliance'а, особенно же тогдашнимъ президентомъ его, незабвеннымъ Кремье, который привѣтствовалъ ее восторженной рѣчью въ общемъ собраніи членовъ, состоявшемся 14-го января 1869 года. Шарль Неттеръ, которому поручено было войти въ переговоры съ турецкимъ правительствомъ, послѣ долгихъ усилій, добился султанскаго фирмана на пріобрѣтеніе, на весьма выгодныхъ условіяхъ, участка земли въ 240 гектаровъ въ окрестностяхъ Яффы. Разумѣется, на первыхъ порахъ открытіе земледѣльческой школы встрѣтило массу затрудненій; палестинскіе евреи недовѣрчиво относились къ своему французскому благодѣтелю и не соглашались довѣрить ему воспитаніе своихъ сыновей; набрать-же учениковъ въ Европѣ было невозможно по той причинѣ, что, въ силу устава, ученики должны были знать арабскій языкъ. Приходилось, поэтому, принимать дѣтей, покинутыхъ родителями, лишенныхъ всякаго

воспитанія, что, конечно, не могло не отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на первоначальной дѣятельности школы, названной „Миквэ Израиль“. Правда, самъ Неттеръ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ исполнялъ обязанности директора и со свойственной ему энергіей весь отдался этому дѣлу, но успѣхи были весьма незначительны. Еще менѣе плодотворной была шестилѣтняя дѣятельность его двухъ преемниковъ гг. Шамаша (уроженецъ Багдада) и доктора Герцберга. До послѣдняго времени директоромъ колоніи состоитъ эльзаскій уроженецъ Самуилъ Гирсъ.

Мы не знаемъ, чѣмъ собственно руководится Alliance, когда онъ вручаетъ судьбы „Миквэ Израиль“ въ тѣ или другія руки, но несомнѣнно то, что директоръ подобнаго учрежденія долженъ быть человѣкомъ преданнымъ своему дѣлу, а главное, любящимъ свой народъ. Посадите въ „Миквэ Израиль“, или въ другую колонію человѣка, соединяющаго въ себѣ блестящія способности администратора съ познаніями техника и агронома, но если онъ не умѣетъ относиться съ любовью къ своимъ питомцамъ, не способенъ проникнуть въ ихъ внутренній міръ — дѣло не подвинется впередъ. Къ прискорбію, дѣятельность директора колоніи, г. Гирша, такова, что трудно надѣяться, чтобы „Миквэ Израиль“ дала намъ современемъ хорошихъ земледѣльцевъ — евревъ, способныхъ къ самостоятельному труду. Самъ Гиршъ говоритъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, что, за все свое двѣнадцатилѣтнее существованіе, школа не дала ни одного сколько-нибудь порядочнаго земледѣльца, и при этомъ онъ приписываетъ вину „особенностямъ Св. Земли“, (выражаясь его же словами). Судя по тому, что мы находимъ въ брошюрѣ г. Бриля, положеніе дѣлъ въ „Миквэ Израиль“ было до сихъ поръ болѣе, чѣмъ печально. Между начальникомъ колоніи и его питомцами, какъ видно, нѣтъ ни малѣйшей нравственной связи. Болѣе утѣшительными представляются намъ данныя о колоніи „Пейсахъ—Тиква“, находящейся на разстояніи одной нѣмецкой мили отъ Яффы. Эта колонія основана 8 лѣтъ тому назадъ тремя іерусалимскими евреями: Давидомъ Гутманомъ, Симеономъ Штамперомъ и Морицомъ Соломономъ. На первыхъ порахъ было куплено 3,280 дун. земли, раздѣленной на 24 участка, а впослѣдствіи, когда къ помянутымъ тремъ иниціаторамъ присоединилось еще нѣсколько лицъ, прикуплено было еще 8,030 дун. земли, при чемъ все пространство раздѣлено было на 100 участковъ. Въ настоящее же время колонія занимаетъ пространство

въ 14,070 дун., стоющихъ около 120,000 франковъ. Поселенцамъ почти все время приходилось бороться съ чрезвычайно вредными климатическими условіями мѣстности, но, главнымъ образомъ, они страдали и продолжаютъ страдать отъ недостатка воды; многое въ этомъ отношеніи уже сдѣлано, но многаго еще остается желать. Еслибъ Alliance обратилъ серьезное вниманіе на нужды и потребности поселенцевъ этой колоніи и оказалъ имъ вспомоществованіе, необходимое для сооруженія жилыхъ домовъ, покупки скота и прорытія колодезей, то судьба „Пейсахъ-Тиквы“была-бы вполнѣ обезпечена.

На разстояніи трехчасоваго пути отъ Яффы находится колонія „Ришонъ Леціонъ“, судьба которой представляетъ большой интересъ. Мѣстность, на которой основана колонія „Ришонъ Леціонъ“, почти необитаемая и безводная; арабы не только ее не возделывали, но даже не находили удобной для пастбищъ, благодаря чему пространство въ 3,000 дунамовъ земли было совершенно запущено.

Года три тому назадъ гг. Левонтинъ и Фейнбергъ пріобрѣли все это пространство почти за безцѣнокъ, по 14 франковъ за дунамъ, и отъ себя уже перепродали нѣкоторымъ изъ русско-еврейскихъ эмигрантовъ, которые рѣшили остаться въ Св. Землѣ, при чемъ шесть человѣкъ надѣлены были даромъ небольшими участками въ 60 дунамовъ на каждаго. Нѣтъ надобности пояснить здѣсь, что на долю поселенцевъ этой колоніи выпали тяжелыя страданія; лишенные опытнаго руководителя, матеріальныхъ средствъ, орудій, они, кромѣ того, сразу надѣлали много долговъ, такъ какъ за самую землю лишь немногіе изъ нихъ могли заплатить наличными деньгами. Неимовѣрнымъ трудомъ колонистамъ, наконецъ, удалось совершенно измѣнить внутреннюю и внѣшнюю физіономію „Р. Леціона“. Прорыто уже нѣсколько колодезей, сооружено 14 жилыхъ строеній, пріобрѣтено порядочное количество земледѣльческихъ орудій и, наконецъ, что́ важнѣе всего, земля, которая была заложена у одного крупнаго капиталиста за 12,000 франковъ, въ настоящее время уже выкуплена. Разумѣется, колонисты многимъ обязаны великодушію нѣкоторыхъ членовъ Alliance'а, сочувствующихъ ихъ дѣлу, но фактъ таковъ, что вчера еще всѣми покинутый пустынный уголокъ нынѣ представляетъ изъ себя засѣянныя поля и нивы, и если поселенцы, какъ этого слѣдуетъ ожидать, года черезъ два почувствуютъ себя обезпеченными, то они вправѣ бу-

дутъ сказать: „мы удобрили землю кровавыми слезами—за то и жатва обильна". Еслибъ тотъ фактъ, что упорный трудъ побѣждаетъ всякія препятствія, нуждался еще въ доказательствахъ, то, въ данномъ случаѣ, мы могли бы сослаться на колонію Сарона. Колонія эта въ настоящее время питаетъ нѣсколько десятковъ семействъ, хотя въ климатическомъ и почвенномъ отношеніяхъ она не лучше „Ришонъ Леціона". Къ сожалѣнію, въ брошюрѣ г. Бриля мы не находимъ никакихъ свѣдѣній объ этой колоніи. Колоніи „Самаринъ" и „Рошъ Пино" въ матеріальномъ отношеніи хотя лучше обставлены, чѣмъ „Миквэ Израиль" и „Ришонъ Леціонъ", но онѣ далеки еще отъ цвѣтущаго состоянія; недостатокъ опытныхъ рукъ, отсутствіе единогласія, а, главное, скудость средствъ сильно мѣшаютъ ихъ дальнѣйшему развитію, и, вообще говоря, судьба ихъ будетъ зависѣть отъ того, какъ отнесутся къ нимъ наши единовѣрцы въ Европѣ и Америкѣ.

Будемъ надѣяться, что все, что есть въ насъ честнаго, благороднаго (въ лучшемъ смыслѣ слова), одушевится желаніемъ помочь тѣмъ изъ насъ, которые ушли на дальній, родной востокъ искать спасенія въ производительномъ трудѣ, нѣкогда составлявшемъ основу нашей самостоятельной жизни.

Б. Б—дсъ.

Необходимое разъясненіе.

Противники колонизаціи Палестины все еще продолжаютъ свои вылазки противъ, такъ называемыхъ, „націоналистовъ“, или, какъ они ихъ почему-то называютъ, „пессимистовъ“, Но, къ счастью, ихъ стрѣлы такъ тупы, ихъ оружіе такъ устарѣло, что всѣ ихъ труды не въ состояніи поколебать ни одного убѣжденнаго „пессимиста“. Когда рѣчь заходитъ о колонизаціи Палестины евреями, они обыкновенно возражаютъ:

„А что но вашему прогрессъ, цивилизація? Неужели ихъ возвышенные принципы не убѣдятъ въ концѣ концовъ человѣчество въ томъ, что мы, евреи, такіе-же люди, какъ и другіе! И какъ это безсмысленно, чтобы мы покинули просвѣщенную Европу, гдѣ прогрессъ и цивилизація уже сдѣлали столько завоеваній, и поселились въ какой-нибудь азіятской глуши, среди невѣжественныхъ арабовъ, гдѣ мы забудемъ всѣ традиціи прогрессивной Европы и станемъ варварами? Да и, вообще, логично-ли, чтобы мы, наполовину уже слившіеся съ европейскими народами, стали опять выдѣляться изъ нихъ, изолироваться, опять влѣзая въ свою замкнутую скорлупу? Вы испугались антисемитизма, погромовъ, поджоговъ, дутыхъ процессовъ, въ родѣ тисса-эсларскаго и нейштеттинскаго, выселеній, временныхъ правилъ и пр., и пр.; но все это вздоръ.

Всѣмъ этимъ явленіямъ, вызваннымъ къ жизни усилившимся въ послѣднее время національнымъ движеніемъ, существовать не долго, какъ самому этому движенію. Послѣднее не есть что-то нормальное; оно слѣдствіе милитаризма, оно не болѣе, какъ вспышка національнаго эгоизма, которая не сегодня-завтра потухнетъ. А вотъ, посмотрите на Францію, Англію, и пр., тамъ вѣдь евреи благоденствуютъ. Вы говорите, что тамъ евреевъ слишкомъ мало, чтобы ими заниматься, ну а Соединенные Штаты?.. Да, наконецъ,

что скажутъ наши враги, если мы будемъ содѣйствовать выселяющимся изъ предѣловъ нашего отечества евреямъ? Не послужитъ-ли это новымъ доказательствомъ того, что мы дѣйствительно лишены чувства патріотизма?..“

Но такія и подобныя возраженія, по провѣркѣ, оказываются лишенными всякаго основанія. Начнемъ съ самаго главнаго оплота нашихъ оппонентовъ, съ прогресса.

Уже то обстоятельство, что время окончательной побѣды прогресса надъ варварствомъ не можетъ быть обозначено даже приблизительно, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что терпѣть неопредѣленно долгое время, до наступленія новаго историческаго періода, рѣшительно невозможно. На это способны только евреи, усвоившіе себѣ талмудическій способъ откладывать рѣшеніе разныхъ религіозныхъ вопросовъ до пришествія Ильи-Пророка...

Но если во вторичномъ пришествіи Иліи увѣряетъ насъ традиція, то кто увѣритъ насъ въ закономѣрности прогресса, т. е. въ существованіи *историческаго закона*, по которому человѣчество вообще и междучеловѣческія отношенія въ частности должны все улучшаться, совершенствоваться, принимать болѣе возвышенныя, идеальныя формы, согласно требованіямъ отвлеченной нравственности и желанію того или другого утописта или фантазера? Откуда мы это узнали, что такое положеніе, такой именно прогрессъ дѣйствительно требуется закономъ исторіи? Вѣдь человѣчество, кажется, не можетъ быть управляемо такими законами, какихъ нѣтъ въ природѣ, слѣдовательно, историческіе законы должны быть въ *сущности* тѣ же самые, что и законы природы. Но гдѣ же усовершенствованіе (конечно, настоящее, а не то, что *мы*, по нашему усмотрѣнію, называемъ усовершенствованіемъ) въ природѣ? Усовершенствуется-ли свѣтъ солнца, его теплота и пр.? Сталъ-ли тигръ менѣе хищнымъ, оселъ — умнѣе, лисица — честнѣе, и т. п.? Не видимъ-ли мы часто, что отдѣльный человѣкъ, бывшій до извѣстнаго времени честнымъ, пошлѣетъ и портится? Что умный человѣкъ совершаетъ иногда колоссальную глупость?

И чѣмъ объяснить то явленіе, что въ исторіи мы чаще всего встрѣчаемся съ реакціей, дѣйствія которой бываютъ обыкновенно продолжительнѣе, чѣмъ дѣйствія прогресса? Вѣдь законы исторіи, если таковые существуютъ, должны, подобно законамъ природы, идти своимъ опредѣленнымъ ходомъ, безъ колебанія и безъ отступленій.

Но разъ этотъ ходъ опредѣленъ, для него, очевидно, закона не существуетъ.

Да и гдѣ то мѣрило, которымъ можно-бы мѣрить всякое явленіе и называть его настоящимъ именемъ: предразсудкомъ, прогрессомъ, или утопіей? Вѣдь бываютъ на свѣтѣ и консерваторы, среди которыхъ не мало искреннихъ и умныхъ людей; чѣмъ-же *они* объясняютъ свое сопротивленіе стремленіямъ прогрессивныхъ партій, вопреки извѣстному и *имъ* закону исторіи, что все должно идти впередъ, прогрессируя, совершенствуясь?

И, наконецъ, что будетъ съ историческимъ закономъ о прогрессѣ, когда, по мечтамъ утопистовъ, человѣчество достигнетъ полнаго равенства и свободы, когда не будетъ ни національной розни, ни эксплуататоровъ, ни борьбы партій, а наступитъ мессіанскій идеалъ, „и волкъ будетъ жить съ ягненкомъ“? Въ какихъ формахъ будетъ проявляться тогда этотъ историческій, и, слѣдовательно, вѣчный законъ движенія впередъ? Вѣдь дальше полнаго равенства и свободы человѣчества въ житейскомъ отношеніи идти не можетъ.

Но дѣло въ томъ, что *прогресса*, какъ закона, въ сущности вовсе нѣтъ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, бываютъ лишь измѣненія видовъ, и эти-то измѣненія мы называемъ прогрессомъ или реакціею, смотря по тому, нравятся-ли они намъ, или нѣтъ. Настоящее усовершенствованіе возможно только въ наукѣ. и не въ силу закона *исторіи*, а вслѣдствіе другаго закона, закона природы, по которому ничего въ мірѣ не пропадаетъ, вслѣдствіе чего животное и человѣкъ помнятъ извѣстныя обстоятельства и т. п. Каждое случайное открытіе, каждый добытый нами законъ природы, каждый успѣхъ науки, сохраняются въ нашей памяти и, по возможности, эксплуатируются, нами въ нашу пользу. Сумму нашихъ свѣдѣній въ наукѣ, которая, по мѣрѣ нашихъ занятій ею, или все обогащается, мы и называемъ прогрессомъ. Извѣстное общество народъ можетъ потерять эту сумму, какъ ее потеряли, наприм., греки, или жившіе въ Испаніи арабы; но для человѣчества оно никоимъ образомъ не пропадетъ. Опытъ доказалъ, что съ увеличеніемъ суммы науки не увеличивается сумма нравственности, что внѣ науки нѣтъ прогресса. И дѣйствительно, всѣ древнѣйшія мерзости и варварства, не исключая ни рабствъ, ни человѣческихъ жертвоприношеній, существуютъ и у насъ, но подъ другимъ, болѣе утонченнымъ, видомъ. Я уже сказалъ, что измѣненіе видовъ есть законъ природы; утонченіе же этихъ видовъ есть слѣд-

ствіе увеличенія суммы нашихъ знаній и опытовъ. Добытыя нами этой суммою средства къ увеличенію нашей силы даютъ намъ возможность разсчитаться съ нашими врагами въ болѣе приличной формѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Каинъ съ Авелемъ... Къ тому-же, рядомъ съ наукой, у насъ существуютъ искусства и художества, которыя научили насъ выставлять разные грубые предметы въ болѣе изящной формѣ, и, въ случаѣ надобности, просто обѣлять черное...

Да, человѣчество не улучшилось и не усовершенствовалось во всемъ, что не касается науки: то-же право сильнаго, то-же рабство голодающаго пролетарія во многихъ цивилизованныхъ странахъ, тѣ-же человѣческія жертвы богамъ мести и чести, въ видѣ дуэли и опустошительныхъ войнъ, и т. д. И это понятно. Борьба за существованіе, поглощеніе сильнымъ слабаго—суть *вѣчные, неизмѣнные законы природы*, отъ которыхъ человѣчество, какъ часть природы, никогда не освободится. Чтобы ни говорили про законы исторіи, ихъ, собственно говоря, вовсе нѣтъ, ибо исторія сама по себѣ есть только понятіе о времени, которое существуетъ только въ нашемъ воображеніи; могутъ быть поэтому только законы развитія человѣчества, а человѣчество, какъ я уже сказалъ, есть часть природы, и, поэтому, законы его развитія не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ общихъ законовъ природы.

Вотъ почему мы не имѣемъ никакого права утверждать, что междучеловѣческія отношенія когда-нибудь станутъ абсолютно хорошими и что національная или расовая рознь когда-нибудь окончательно исчезнетъ.

Конечно, никому не воспрещено предаваться мечтамъ; если добродушные люди, огорченные разными явленіями настоящаго, хотятъ утѣшать себя мечтою о томъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ, или далекомъ будущемъ прогрессъ будетъ творить чудеса: всѣ волки станутъ миролюбивыми, а всѣ овцы—благоденствовать, то пусть утѣшаютъ себя этимъ; но пусть знаютъ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго права выдавать свои „мечты“ за чистую монету, пусть не мѣшаютъ другимъ, не одареннымъ способностью мечтать и удовлетворяться будущими утопіями, благовременно улучшать свое несносное положеніе, тѣмъ болѣе, что трудно даже приблизительно опредѣлить наступленіе обѣщаннаго имъ періода всеобщаго благоденствія.

Что касается опасенія нашихъ ассимиляторовъ за просвѣщенныя европейскія традиціи, которымъ, по ихъ мнѣнію, угрожаетъ

въ Палестинѣ серьезная опасность, то оно совершенно неосновательно. Только тѣ, которые не имѣютъ понятія о еврейской исторіи, или которые въ своей слѣпой враждѣ къ іудаизму и усердномъ не по разуму стремленіи къ ассимиляціи, готовы оплевать все и вся, могутъ считать такое опасеніе логичнымъ. Но, желательно было-бы знать, что подразумѣваютъ эти мудрецы подъ европейской цивилизаціей? Если они подразумѣваютъ подъ ней науку во всѣхъ ея отрасляхъ, то они изъ любаго учебника еврейской исторіи могутъ узнать, что наука никогда не была чужда евреямъ. Еще въ древнія времена многіе изъ танаитовъ и эмараимовъ (талмудистовъ) были знакомы съ математикою, астрономіею и медициною. Въ средніе вѣка евреи, какъ извѣстно, были *учителями* европейскихъ народовъ въ наукѣ, и не будь евреевъ, Европа, можетъ быть, еще понынѣ стояла-бы на весьма низкой цивилизаціи. Даже въ новѣйшее время, послѣ изгнанія евреевъ изъ Испаніи, было среди евреевъ много ученыхъ философовъ, медиковъ и математиковъ и пр. еще до Мендельсона. Объ ученыхъ евреяхъ всѣхъ европейскихъ странъ въ настоящемъ столѣтіи и говорить нечего. Разъ наука ужъ болѣе тысячи лѣтъ пользуется правомъ гражданства у евреевъ, разъ еврейство въ настоящее время насчитываетъ тысячи дѣятелей во *всѣхъ* отрасляхъ науки—можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что евреи не разстанутся съ наукою и въ Палестинѣ. Если нынѣшніе палестинскіе евреи невѣжественны, то это вѣдь потому, что именно невѣжественные евреи до сихъ поръ и отправлялись туда *умереть*; но теперешній Drang nach Palästina пустилъ корни преимущественно среди интеллигентныхъ евреевъ, изъ которыхъ наберется достаточный контигентъ Kulturträger'овъ въ Палестинѣ. Если же наши мудрецы опасаются, что въ варварской Палестинѣ евреи будутъ отчуждены отъ внѣшнихъ признаковъ европейской цивилизаціи, то въ этомъ, кажется, мало бѣды. Представимъ себѣ, что палестинскіе евреи, согласно арабскимъ обычаемъ, не будутъ брить бороды и будутъ сидѣть дома въ шапкахъ или фескахъ; но что общаго между бородой или шапкою и цивилизаціею? На сколько помнится, только одинъ самоэмансипаторъ „новоизраильскаго“ пошиба напалъ на бывшаго редактора „Разсвѣта“ за то, что послѣдній полагалъ, что можно быть цивилизованнымъ евреемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать въ судѣ присягу въ шапкѣ; но врядъ-ли этотъ самоэмансипаторъ могъ-бы логически оправдать свое нападеніе.

Будутъ ли евреи „изолированы" въ Палестинѣ? Вѣдь каждая народность вообще живетъ на особой территоріи, и никто не считаетъ это предосудительнымъ; почему-же еврейской народности составлять исключеніе? Я, конечно, говорю это только въ принципѣ, потому что на дѣлѣ евреи массами останутся разсѣянными по всему земному шару. Если въ блестящую для евреевъ эпоху Маккавеевъ, при существованіи въ добавокъ храма, нельзя было заманить *всѣхъ* евреевъ въ Палестину, то теперь о совершенной изолированности еврейскаго народа въ Палестинѣ не можетъ быть и рѣчи.

Что-же касается аргумента: „что скажутъ наши враги?", то я долженъ сказать, что этотъ вопросъ обыкновенно выставляется преимущественно нашими патріотами-богачами. Но я хотѣлъ-бы знать, думаютъ-ли наши богатые патріоты объ этомъ вопросѣ, когда они возбуждаютъ зависть толпы своей безумной роскошью, когда они отказываютъ своимъ-же братьямъ евреямъ въ работѣ, когда они... когда они... Ну, словомъ, когда они творятъ такія дѣла, о которыхъ враги наши не только говорятъ, но кричатъ, въ набатъ бьютъ?...

М. Л. Лиліенблюмъ.

Отъ изд. Помѣщенное разъясненіе почтеннаго автора примыкаетъ къ недавно изданной имъ брошюрѣ «Возрожденіе еврейскаго народа» и вызваннымъ ею въ еврейской печати нападкамъ.

Прежде и теперь.

Предъ нами величественное явленіе, въ которомъ пытливый глазъ можетъ прочесть смыслъ міровыхъ событій. Еще такъ недавно мы съ чувствомъ глубокой скорби и безнадежнаго отчаянія созерцали горестное положеніе нашего народа, повсюду угнетеннаго, отданнаго въ жертву грабежу, произволу и насилію; еще такъ недавно мы безнадежно опускали руки передъ ложью, которая опутала всю нашу жизнь и роковымъ образомъ создала пропасть между массой и ея вожаками; еще такъ недавно многіе изъ выдающихся представителей нашего народа очутились въ лагерѣ его враговъ и порѣшили, что Израиль долженъ безслѣдно исчезнуть съ лица земли, что всякая надежда на лучшіе, болѣе свѣтлые дни—есть химера и что простирать народу руку помощи значило-бы только непроизводительно тратить свои силы, но прошло два-три года—и какая крупная перемѣна во всемъ! Народная физіономія за этотъ короткій промежутокъ измѣнилась до неузнаваемости; чаянія и надежды, помыслы и стремленія народныя радикально измѣнились. Безъ меча, безъ всякаго кровопролитія, мы за послѣдніе два-три года одержали великую побѣду, которая могла-бы прославить всякій другой народъ, не живущій подобно намъ разрозненно по всему міру. Только благодаря нашей разрозненности, благодаря тому, что мы дѣйствуемъ въ разбродъ, лишь глазамъ немногихъ изъ насъ доступна вся эта величественная картина явленій, лишь немногіе изъ насъ могутъ приходитъ въ радостный восторгъ отъ всего совершившагося, убѣдиться воочію, что народъ нашъ въ тяжкую годину бѣдствій нашелъ непоколебимую опору въ своемъ національномъ геніи, а не въ національномъ отступничествѣ и самоотреченіи.

Великая идея колонизація Св. Земли начинаетъ осуществляться и есть надежда, что она озаритъ своимъ свѣтомъ тѣхъ, которые пребываютъ во мракѣ.

Идея колонизаціи осуществляется, не смотря на всю хитросплетенную ложь вышедшихъ изъ нашей же среды ея противниковъ, и пусть успѣхи пока незначительны, пусть ея носители страждутъ отъ голода и всякихъ лишеній—будущность ея обезпечена и сфера ея вліянія все болѣе и болѣе расширяется. Намъ могутъ возразить: „дѣло колонизаціи подвигается черепашьими шагами, крошечные результаты добыты страшными усиліями, за будущее вашего дѣла вѣдь никто поручиться не можетъ; дѣло это скорѣе можетъ замереть, какъ плодъ незрѣлой мысли, какъ недоносокъ"... Жестоко ошибаетесь! скажемъ мы нашимъ противникамъ. Подобно тому, какъ нельзя судить о будущности новорожденнаго дитяти по его первому крику, такъ нельзя требовать отъ идеи, чтобы она сразу-же осуществилась. Идею колонизаціи Св. Земли можно сравнить не съ ребенкомъ, нуждающимся на каждомъ шагу въ материнской помощи, а съ геніемъ, который дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ на все окружающее. Замѣчательна и безподобна судьба этой идеи, безподобна потому, что она почти внезапно пустила свои корни повсюду. Еслибъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-либо рѣшился публично провозгласить ее, о немъ навѣрное пожалѣли-бы, какъ о человѣкѣ, страдающемъ разстройствомъ умственныхъ способностей; еще такъ недавно и представить себѣ нельзя было, чтобъ въ Европѣ ктонибудь заговорилъ о колонизаціи евреями Палестины и нашелъ-бы себѣ слушателей, а между тѣмъ почти на нашихъ глазахъ эта идея сдѣлалась общественнымъ достояніемъ. Разумѣется, какъ всякая идея, она имѣетъ и противниковъ, но достаточно того, что тамъ, гдѣ слово Палестина еще такъ недавно вызывало чувство негодованія, въ рядахъ нашихъ бароновъ, финансистовъ, и всякихъ дѣльцовъ,—съ ней, съ этой идеей, начинаютъ считаться, противъ нея признаютъ уже необходимымъ бороться. Можно положительно сказать, что у противниковъ колонизаціи Св. Земли почва изъ подъ ногъ уходитъ; они уже въ настоящее время обнаруживаютъ склонность къ компромиссамъ, но недалеко и то время, когда они неизбѣжно очутятся въ положеніи главнокомандующаго безъ... воиновъ. Ряды же приверженцевъ колонизаціи пополняются изо дня въ день, такъ что не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что года черезъ три идея колонизаціи рѣшительно не бу-

детъ имѣть противниковъ и всѣ тѣ, которые нынѣ нападаютъ на насъ съ пѣною у рта, отрекутся отъ своихъ убѣжденій и примкнутъ къ „палестинцамъ“. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ подчинять народное массовое движеніе регулирующему вліянію какой-нибудь идеи, нѣтъ ничего труднѣе, какъ привить массѣ какую-нибудь общую мысль, которая сразу овладѣла-бы всѣмъ ея существомъ, но разъ эта цѣль достигнута, разъ народная масса зашевелилась и движеніе ея приняло извѣстную окраску—невозможно уже заставить ее измѣнить свое направленіе, сойти съ того пути, на который она вступила. Лучшимъ залогомъ успѣха идеи колонизаціи можетъ служить то, что она дѣлается или, можетъ быть, уже сдѣлалась достояніемъ массы.

П. Смоленскій.

Изъ журнала «Haschachar» за 1883 г.

Палестинское дѣло въ заграничной жизни и печати.

Историческая жизнь идей развивается подъ вліяніемъ того-же неумолимаго закона борьбы за существованіе, который тяготѣетъ надъ всѣмъ живущимъ. Исторія палестинской идеи есть исторія ея борьбы съ тѣми идеями, на смѣну которыхъ она выступила на арену еврейской исторіи, съ идеями ассимиляціи и денаціонализаціи, которыя такъ долго и такъ неосновательно отождествлялись съ идеею просвѣщенія вообще. Если мы съ точки зрѣнія этого положенія станемъ разсматривать исторію палестинской идеи за послѣдніе годы, то намъ будутъ ясны и понятны причины всякаго отдѣльнаго успѣха и неуспѣха ея.

Послѣдняя эпоха въ еврейской исторіи, эпоха, открытая Мендельсономъ, была эпохою торжества ассимиляціонной идеи. Подъ знамя этой идеи собралось все, что̀ было лучшаго, что̀ было передоваго въ еврействѣ, все что̀ было въ немъ способно воодушевиться святою грезою братства народовъ. Но антисемитическая буря послѣднихъ лѣтъ разбила эти сладкія грезы, превратила въ отрепья гордое знамя „ассималяціи“, поразила и ошеломила его бойцовъ; въ ряды ихъ все сильнѣе и сильнѣе врываются разочарованіе и сомнѣніе и откровеніе новаго лозунга становится все ярче и ярче ихъ глазу.

Въ Восточной Европѣ, въ Россіи, Румыніи и восточной части Германіи и Австріи, гдѣ ассимиляціонная мысль не успѣла еще пустить особенно глубокихъ корней, гдѣ духъ еврейскаго національзма не совсѣмъ еще выдохся, и гдѣ, наряду съ этимъ, вспышки антисемитизма имѣли наиболѣе острый характеръ,—тамъ палестинской идеѣ легко было почти сразу завоевать себѣ симпатіи большинства. Не то въ западной Европѣ. Тамъ вліяніе Мендельсона и его школы было слишкомъ сильно, тамъ слiятельныя стрем-

ленія принесли слишкомъ сладкіе плоды, съ ними были связаны слишкомъ свѣтлыя воспоминанія, для того, чтобы палестинская идея нашла себѣ легкій путь къ сердцамъ. То поколѣніе, которое составляетъ ядро современнаго западно-европейскаго еврейства, которое стоитъ во главѣ всѣхъ его начинаній, воспитано на идеяхъ слiятельной эпохи. Эти идеи связаны святыми узами съ грезами его молодости, съ самыми свѣтлыми его воспоминаніями; не этому поколѣнію поднять руку на своихъ вчерашнихъ кумировъ. Палестинская идея можетъ больше всего разсчитывать на симпатіи въ двухъ крайнихъ полюсахъ западно-еврейскаго еврейства, у стариковъ, молодость которыхъ питалась традиціонными идеалами домендельсоновской эпохи, и молодежи, особенно чуткой и воспріимчивой къ новымъ вѣяніямъ. Палестинская идея достаточно сродственна съ духомъ юдаизма, чтобы завоевать себѣ симпатіи стариковъ, достаточно свѣтла и возвышенна, чтобы воодушевить молодежь.

Изложенными обстоятельствами въ достаточной мѣрѣ опредѣляется современное положеніе палестинскаго дѣла въ западной Европѣ. Въ средѣ еврейской молодежи почти всей Европы замѣчается сильное движеніе съ болѣе или менѣе яркою палестинскою окраскою. Недавно обнародованное воззваніе парижскаго палестинскаго кружка еврейской молодежи надѣлало слишкомъ много шуму, чтобы здѣсь снова надо было возвращаться къ нему. Образовавшійся въ Берлинѣ въ прошломъ году „Akademischer Verein für jüdische Geschichte und Literatur“ собралъ въ свой кругъ все, что въ средѣ еврейской учащейся молодежи Берлина было способно возвратиться къ юдаизму. Изъ числа рефератовъ, прочитанныхъ за прошлый годъ въ этомъ Verein'ѣ, отмѣтимъ интересный рефератъ студента Перлиса: «Исторія евреевъ въ Палестинѣ отъ VII вѣка до нашихъ дней». Въ послѣднее время въ Берлинѣ образовался еще одинъ подобный союзъ „Esra, Sammelbüchse für Palästina“, по инициативѣ г. Карфункеля. Союзъ имѣетъ цѣлью поддержку еврейскихъ колоній въ Палестинѣ (особенно противъ посягательствъ миссіонеровъ). Аналогичный этому союзъ еврейской молодежи въ Вѣнѣ, «Kadimah», еще рѣзче и открытѣе демонстрируетъ свое палестинофильское направленіе. Другой союзъ еврейской молодежи «Ahawat-Zion», въ Вѣнѣ, съ докторомъ Биреромъ во главѣ, имѣетъ спеціальною цѣлью пропагандированіе палестинской идеи и содѣйствіе ея осуществленію. Изъ всѣхъ другихъ палестинскихъ кружковъ, довольно густою сѣтью покрывающихъ западную Европу,

отмѣтимъ здѣсь „Zion", кружокъ евреевъ-студентовъ въ Гейдельбергѣ, организованный извѣстнымъ ученымъ и горячимъ палестинцемъ, доцентомъ Германомъ Шапиро, читающимъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ высшую математику. Кружокъ этотъ задался специальною цѣлью стремиться къ учрежденію еврейскаго высше-учебнаго заведенія въ Ямнѣ или въ какомъ либо центральномъ поселеніи въ Палестинѣ. Наибольшею дѣятельностью отличаются кружки, централизующіеся въ небольшомъ городкѣ восточной Пруссіи, Каттовицѣ. Кружки эти издаютъ спеціальный палестинскій органъ, еженедѣльную газету „Kolonist", о которомъ будетъ рѣчь нѣсколько ниже. Кромѣ того, они устроили въ прошломъ году съѣздъ представителей нѣкоторыхъ палестинскихъ кружковъ, выработавшій проектъ объединенія всѣхъ кружковъ и основанія общаго союза для колонизаціи Палестины. Проектъ этотъ долженъ былъ обсуждаться на проектированномъ каттовицкимъ же кружкомъ общемъ съѣздѣ представителей палестинскихъ обществъ. Здѣсь же надо особенно отмѣтить достойную дѣятельность благороднаго дюркгеймскаго раввина, д-ра Адольфа Сальвенди, который, за послѣднія два десятилѣтія, сталъ, благодаря своей неутомимой энергіи, tacitu consensu omnium,—центромъ, къ которому стекаются всѣ благотворительные сборы на еврейскія дѣла въ Германіи. Сальвенди—одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ борцовъ за палестинское дѣло—открылъ въ своемъ періодически появляющемся „Spenden Verzeichniss" особый отдѣлъ для пожертвованій въ пользу колонизаціи Палестины, и помощью частыхъ и горячихъ воззваній собираетъ на это дѣло довольно значительныя суммы. Что касается отношенія парижскихъ евреевъ къ палестинскому дѣлу, то говорить о немъ—объ этомъ отношеніи—значитъ говорить о парижскомъ Альянсѣ, слабомъ учрежденіи, въ которомъ догораютъ послѣднія искры національнаго чувства не въ мѣру цивилизовавшагося французскаго еврейства. Alliance — этотъ корабль безъвѣтрила, со времени смерти Кремье, относится безусловно отрицательно и даже враждебно къ палестинскому дѣлу; измѣняющееся, какъ будто бы, теперь къ лучшему настроеніе Alliance по этому вопросу принадлежитъ къ числу значительнѣйшихъ побѣдъ палестинской идеи. Съ тѣхъ поръ, какъ одинъ еврейскій филантропъ рѣшилъ взять подъ свое покровительство нѣкоторыя изъ основанныхъ въ Палестинѣ колоній, Alliance сталъ возвращаться къ традиціямъ лучшихъ дней своихъ, тѣхъ дней, когда имъ руко-

водилъ Кремье, закончившій нѣкогда одну изъ своихъ блестящихъ рѣчей словами: „да будетъ воля Господня на то, чтобы возродился Іерусалимъ“. Въ Англіи, гдѣ сэръ Лоренсъ Олифантъ первый возбудилъ палестинскій вопросъ, вопросомъ этимъ наиболѣе интересуются въ высшихъ слояхъ аристократіи. Будто подъ вліяніемъ традицій Биконсфильда, величайшаго изъ палестинцевъ, или изъ подражанія Олифанту, многіе крупные представители тори принимаютъ наибольшее участіе въ основавшемся въ Лондонѣ союзѣ для колонизаціи Палестины. Союзъ этотъ, впрочемъ до сихъ поръ не имѣлъ особаго успѣха, да, вѣроятно, и не будетъ имѣть его, въ виду того, что онъ въ колонизаціи евреями Палестины видитъ, прежде всего, средство для достиженія нѣкоторыхъ миссіонерскихъ цѣлей.

Чрезвычайно усиленной и плодотворной дѣятельности румынскихъ евреевъ на пользу палестинскаго дѣла на страницахъ настоящаго изданія будетъ отведено особое мѣсто. Отъ внѣ-европейскихъ евреевъ дѣло колонизаціи Палестины также получало нѣкоторую помощь, хотя ихъ сочувствіе идеѣ не демонстрировалось еще въ достаточно опредѣленныхъ формахъ. Но въ лѣтописи палестинскаго движенія занесены факты сочувствія и содѣйствія ему со стороны евреевъ такихъ отдаленныхъ угловъ, какъ Суматра. Сочувствіе этой идеѣ американскихъ евреевъ нашло себѣ, между прочимъ, выраженіе въ напечатанномъ въ еврейскихъ газетахъ интересномъ письмѣ извѣстной американско-еврейской поэтессы Эммы Лацарусъ, гдѣ она пишетъ: „Годъ тому назадъ, меня посѣтилъ молодой русскій еврей-эмигрантъ, восторженно развивавшій мнѣ идею колонизаціи Палестины. Я тогда горько сожалѣла этого несчастнаго мечтателя, котораго ждетъ неминуемое разочарованіе. Я не могла себѣ объяснить, какимъ образомъ можетъ взбрести на здравый умъ подобная утопическая мысль. Я стала съ тѣхъ поръ глубже вникать въ судьбу роднаго народа. Я съ замираніемъ сердца прислушивалась съ того времени къ тѣмъ мотивамъ, которые все сильнѣе и громче стали раздаваться во всѣхъ слояхъ роднаго народа; я все болѣе и болѣе убѣждалась въ необходимости отыскать для несчастнаго, гонимаго племени прочное убѣжище,—и вотъ въ моемъ образѣ мыслей произошелъ радикальный переворотъ. Я теперь проникласъ великой идеей и полюбила ее всей душой. Я могу засвидѣтельствовать, что не я одна пережила такой переворотъ. Многочисленные противники этой идеи въ Америкѣ, не мечтатели и утописты, а люди дѣла, прозорливые наблюдатели современной жизни, подобно мнѣ, въ концѣ-

концовъ примкнули къ рядамъ приверженцевъ идеи колонизаціи Палестины. Видали-ли вы крошечное облачко, едва виднѣющееся изъ-за горизонта моря, но медленно, постепенно превращающееся въ громадную тучу, заслоняющую значительную часть небосклона?.. Такова идея колонизаціи Палестины!“

Таковы тѣ органы, въ которыхъ пока функціонируетъ палестинское движеніе въ средѣ евреевъ Западной Европы. Мы здѣсь ограничимся однимъ перечисленіемъ ихъ; исторіи ихъ дѣятельности мы излагать не будемъ. Исторія того зачаточнаго періода, который они переживаютъ, не можетъ намъ дать никакого матеріала для обобщеній и выводовъ, а безъ таковыхъ исторія не имѣетъ ни смысла, ни цѣли. Общій характеръ дѣятельности всѣхъ этихъ учрежденій опредѣляется новизною дѣла, отсутствіемъ сильныхъ духомъ, волею и убѣжденіемъ личностей, которыя могли-бы объединить всѣ эти тысячи слабыхъ попытокъ въ одно могучее дѣло. Людей нѣтъ— такова основная опредѣляющая черта движенія. Но тѣмъ сильнѣе высказывается стихійная сила этого движенія. Если оно безъ особенно талантливыхъ піонеровъ, безъ глубоко убѣжденныхъ и обладающихъ организаторскими дарованіями руководителей съ такою неуклонною поступательностью разливаетъ свои воды, если знамя колонизаціи Палестины, носимое какою-то невидимою рукою, собираетъ вокругъ себя съ каждымъ днемъ все больше и больше приверженцевъ,—то сила его и тайна его побѣды не въ случайныхъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ немъ самомъ, въ его исторической своевременности, въ его логической прочности. Есть что-то неуклонно покоряющее себѣ умъ и сердце въ грандіозной силѣ и первобытной свѣжести палестинской идеи. Среди застоявшихся и мутныхъ водъ общественной жизни европейскихъ евреевъ, среди противорѣчія между ихъ пламенною любовью къ отечеству и жгучею нелюбовью отечества къ нимъ, среди этой безнравственной соціальной вражды, среди тяжелыхъ разочарованій старцевъ въ идеалахъ молодости, юношей—въ ихъ наивныхъ грезахъ, среди пустоты и безсодержательности внутренней жизни этого поколѣнія, очутившагося между двумя берегами, въ водоворотѣ,—одна идея, идея колонизаціи Палестины, обладаетъ достаточною живучестью, свѣжестью и силою, опредѣленностью и увлекательностью, чтобъ среди этой грязи и топи родить живой ключъ, который, разросшись въ могучій и гордый потокъ, оживитъ собою спаленныя зноемъ и оголѣлыя поля.

Высказывать какіе-либо общіе взгляды на отношеніе еврейской

печати къ палестинскому дѣлу было бы здѣсь, послѣ изложеннаго выше, излишне. Мы ограничимся только тѣмъ общимъ замѣчаніемъ, что въ печати палестинское дѣло относительно сильнѣе репрезентовано, чѣмъ въ обществѣ. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, что палестинское настроеніе въ обществѣ распредѣляется неравномѣрно, что въ кругахъ интеллигентныхъ, прикосновенныхъ къ печати, живущихъ вообще духовными интересами, палестинство сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Оба единственные значительные органы древне-еврейской печати заграницею, еженедѣльный „Hamagid" въ Лыкѣ, ежемѣсячный „Haschachar" въ Вѣнѣ, съ образцовою стойкостью и несомнѣннымъ талантомъ пропагандируютъ палестинское дѣло. За этими двумя органами, за ихъ благородными руководителями, Давидомъ Гордономъ и Петромъ Смоленскимъ, должна быть признана та неоцѣнимая заслуга, что они одни изъ первыхъ поняли историческое значеніе палестино-фильства, возвели его на пьедесталъ общенародной мысли, отдали на служеніе ему свои лучшія силы. Имъ выпало на долю сдѣлать изъ палестинской мысли стройную теорію, обнимающую весь еврейскій вопросъ, устанавливающую неуклонную точку зрѣнія, съ которой открываются совершенно новыя, неожиданныя и свѣтлыя перспективы по всѣмъ направленіямъ еврейской жизни. Здѣсь, въ строкахъ этого очерка, пусть зачтется имъ въ заслугу и то, что нерѣдко, съ нѣкоторою долею основательности, ставилось имъ въ упрекъ, что они были слишкомъ ригористичными людьми тенденціи, слишкомъ прямолинейными палестинцами; что они были болѣе горячими, чѣмъ предусмотрительными публицистами. Имъ давало на это нѣкоторое право то обстоятельство, что они писали на древне-еврейскомъ языкѣ и писали съ внушающимъ уваженіе талантомъ. Меньшія права на такую прямолинейность имѣетъ нѣмецкая газета „Colonist", органъ каттовицкихъ палестинскихъ кружковъ. Очень симпатичная и полезная по идеѣ, она далеко не удовлетворительна по исполненію. Еженедѣльно выпускаемый въ свѣтъ листикъ сѣрой бумаги съ жиденькими и фразистыми передовыми статьями, съ скучными и длинными фельетонами на постороннія тэмы, съ слабымъ, бѣдненькимъ, плохо составляемымъ отдѣломъ извѣстій, безъ достаточнаго основанія носитъ въ заголовкѣ своемъ краснорѣчивый титулъ «Organ für Emigration nach Palaestina der unterdrückter Juden». Мы примирились бы съ теперешнимъ „Колонистомъ", если бы мы имѣли основаніе полагать, что онъ только временно такой, что онъ ждетъ только лучшихъ рукъ, болѣе достойныхъ руководителей изъ

среды издающихъ его кружковъ. Къ числу органовъ палестинскаго направленія—чтобы закончить ихъ перечисленія,—надо еще причислить берлинскій „Central-Organ für das orthodoxe Jüdenthum, die Jüdische Presse“, хотя отношеніе этого органа къ палестинскому дѣлу, какъ и вообще отношеніе къ нему ортодоксіи, съ Гильдесгейеромъ во главѣ, слишкомъ туманно и платонично. Въ началѣ, въ самомъ началѣ палестинскаго движенія, газета эта чрезвычайно горячо взялась за пропаганду этой идеи; но у газеты не хватило, видно, достаточно courage de son opinion чтобы остаться твердой и стойкой въ демонстративной палестинской идеѣ, среди идейной прилизанности нынѣшняго берлинскаго еврейства. Все время, когда шла въ палестинской средѣ тихая, но серьезная работа, запуганная „Jüdische Presse“ молчала. Только въ послѣднее время, когда успѣхи палестинства стали явственнѣе, когда оно завоевало себѣ гражданство въ еврейскомъ обществѣ, когда среди звѣзды палестинства внятно загорѣлась надпись: hos signo vinces, газета снова почувствовала въ себѣ достаточно силы заговорить о палестинствѣ устами какого-то своего петербургскаго корреспондента, который, впрочемъ, также дипломатиченъ чуть-ли не до предательства; объ англійскихъ газетахъ, сохраняющихъ по отношенію къ нашему вопросу сочувственный нейтралитетъ, о парижской протокольной «Archives Jsraèlites», вообще неспособной быть органомъ какой-бы то ни было идеи, о магдебургской „Jsraelitische Wochenschrift“, газетѣ мелкихъ извѣстій и романовъ,—не къ чему и говорить. Австро-венгерская „Neuzeit“ достаточно великодушна для того, чтобы кокетничать своимъ *венгро-еврейскимъ* патріотизмомъ! Единственный противникъ палестинской идеи, съ которымъ надо считаться,—это „Allgemeine Zeitung des Judenthums“. Маститый редакторъ этой газеты, г. Филипсонъ, въ молодости своей восторженный вождь мендельсоновскихъ кружковъ, въ 1848 году горячій боецъ за нѣмецкую свободу, пролилъ за сліятельныя идеи слишкомъ много крови, чтобы на закатѣ дней своихъ побороть въ себѣ сладкій обманъ. Богобоязненная мудрость истиннаго нѣмецкаго ученаго наполнила духовный міръ его такимъ свѣтлымъ, примиряющимъ покоемъ, что ему съ высоты не трудно видѣть въ антисемитическихъ дѣлахъ послѣднихъ лѣтъ временное затмѣніе солнца просвѣщенія, не трудно пребыть твердо вѣрующимъ въ неуклонную силу прогресса, въ недалекое торжество правды. Его духовному оку эта правда вѣдь такъ ясна; его душѣ вѣдь такъ близокъ этотъ прогрессъ! Мы съ отмѣн-

нымъ уваженіемъ относимся къ славной дѣятельности Филиппсона; мы уважаемъ въ немъ чрезвычайный умъ, возвышенность стремленій, ясность цѣлей; но мы не можемъ не констатировать въ ней отдаленности отъ водоворота современной еврейской жизни и трансцедентнаго философскаго спокойствія духа. Еврейскій органъ можетъ не сочувствовать палестинской идеѣ, но не резонно игнорировать ее, какъ то дѣлаетъ Филиппсонъ, только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ снисходящій къ докторальному опроверженію ея. Палестинская идея еще молода и слаба,—но ужь не настолько слаба, чтобы ее можно было убить молчаніемъ.

Еще одинъ вопросъ входитъ въ кругозоръ нашего очерка,—вопросъ объ отношеніи къ палестинскому дѣлу не еврейскаго общества и не еврейской печати въ Западной Европѣ. Мы можемъ исчерпать вопросъ констатированіемъ того, что вѣсть объ этомъ новомъ явленіи еврейской жизни не проникла еще въ нееврейскіе круги; имъ почти совсѣмъ не интересуются еще, о немъ почти совсѣмъ не говорятъ и въ печати. Это пока хорошо; идея эта теперь въ стадіи броженія: нобычайное разнообразіе ея элементовъ, ихъ неустановленность и дикость могли бы подать поводъ ко многимъ глубоко-превратнымъ толкованіямъ. Пониманіе этой идеи колеблется пока между взглядомъ на нее, какъ на реформу халуки и мальчишескими играми въ основаніе царствъ; поэтому эта, въ сущности простая и добрая идея постепенной колонизаціи Св. Земли еврейскими земледѣльцами, однимъ кажется вздорной прихотью, другимъ опасною игрою съ огнемъ. Ни того, ни другаго нѣтъ въ дѣйствительности. Но пока идея эта не вошла въ русло спокойнаго, тихаго теченія, тихой работы подготовленія земледѣльцевъ и поселенія ихъ въ колоніяхъ на Св. Землѣ, посторонній глазъ можетъ легко не понять ее и увидѣть въ ней то, чего въ ней нѣтъ и быть не можетъ. Поэтому мы не особенно скорбимъ о томъ, что идея эта пока оставляется наединѣ съ глубиною народнаго разума нашего, съ народною душою и не выносится на улицу, гдѣ слишкомъ много прохожихъ и слишкомъ сильные вѣтры.

В. Б.

Письма изъ Палестины.

Рѣдко въ какой области ожесточеніе враждующихъ партій до такой степени скрывало отъ глазъ посторонняго наблюдателя полную, неприкрашенную истину, какъ въ области того вопроса, которому посвящено настоящее изданіе. Въ теченіи трехъ лѣтъ еврейство всего міра съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за различными перипетіями, такъ называемаго, палестинскаго вопроса. Палестинское движеніе имѣетъ уже свою исторію: въ послѣдніе три года создавались и гибли спеціальныя газеты, появлялись и исчезали въ Летѣ книги и брошюры; много надеждъ и чаяній, предпріятій и начинаній наполнило эти три тяжелыхъ года, но одного они не дали намъ: яснаго, опредѣленнаго знанія фактовъ, полной картины того, что въ дѣйствительности совершалось и совершается въ Палестинѣ. Палестина и то, что въ ней дѣлается—для насъ и теперь, какъ и прежде, совершенная terra incognita. Всякое извѣстіе, которое доходило до насъ, было обязательно прикрашено той, или другой тенденціею. Чѣмъ больше накоплялось этихъ сообщеній, тѣмъ труднѣе становилось пониманіе истиннаго положенія дѣлъ, тѣмъ дальше уходила отъ насъ истина. Внося это изданіе наше въ литературу палестинскаго вопроса, мы отнюдь не хотѣли бы усугублять имъ и безъ того достигшаго геркулесовыхъ столповъ смѣшенія понятій. Мы не дали въ нашемъ сборникѣ детальированной исторіи палестинскаго движенія, потому что имѣющійся въ литературѣ матеріалъ совершенно не пригоденъ для этого; по той же причинѣ мы не скомпилировали этого матеріала въ очеркѣ положенія дѣлъ въ Палестинѣ. Единственно, что мы считали себя вправѣ дѣлать—это открыть столбцы нашего изданія для немногихъ, строго провѣренныхъ сообщеній изъ Палестины, носящихъ чисто фактическій характеръ и принадлежащихъ перу лицъ, которыя зарекомендовали себя искреннею преданностью палестинскому дѣлу и своею объективностью.

Изд.

I.

Колонія «Ришонъ-Леціонъ», $^{30}/_{18}$ *Апрѣля.*

Въ 15-й день мѣсяца Абъ 5642 года пять человѣкъ съ походной палаткой, на ослахъ и мулахъ, двинулись изъ Яффы по главной іерусалимской дорогѣ. На разстояніи полу-часа отъ города они медленно повернули на сѣверъ; болѣе полу-часа продолжался ихъ путь. Справа, почти надъ дорогой, окружала ихъ бѣлая песчаная степь, тянущаяся къ западу вдоль моря; справа, вдали, окутанныя туманомъ, величественно виднѣлись Іудейскія горы, а впереди невѣдомыя равнины съ невѣдомами «страшными» арабами, феллахами, бедуинами, разъѣзжающими то на громадныхъ, чудовищныхъ верблюдахъ, то на маленькихъ осликахъ, то, наконецъ, на дикихъ прекрасныхъ арабскихъ коняхъ. Взобравшись на высокую каменистую гору, заросшую бурьяномъ и кустарникомъ, небольшая группа «путешественниковъ» остановилась. «Здѣсь мы должны положить основаніе нашему дѣлу, пусть это мѣсто отнынѣ называется Ришонъ—Леціонъ», произнесъ взволнованнымъ голосомъ одинъ изъ пяти.

Куплена земля была ровно 9-го дня мѣсяца Авъ (Тишо-бе-овъ) 12-го лицами; болѣе состоятельный изъ нихъ—г. Левонтинъ, купилъ половину всей земли, остальную купили гг. Гейсманъ, бр. Фрайманъ, братья Файнберги, З. Д. Левонтинъ, Айзенбандъ, Ханкинъ, Абрамовичъ, Юделевичъ и Гербертъ. Кромѣ того, изъ своей доли г. Левонтинъ отдѣлилъ 350 дунамъ для шести несостоятельныхъ семействъ съ разсрочкой на пять лѣтъ.

На слѣдующій день явились еще пять человѣкъ съ рогожами, палатками и орудіями, необходимыми на первыхъ порахъ для работы. Распорядителемъ работъ былъ выбранъ г. Ханкинъ. На другое утро приступлено было къ проложенію дороги и копанію колодца. Нѣмцы, прибывшіе изъ сосѣдней колоніи Сароны, увѣряли, что можно добыть въ центрѣ города, на горѣ, воду. Неопытные переселенцы довѣрились кореннымъ поселенцамъ и пошли искать воды въ колоніи. Скоро, однако, они поняли свою ошибку и стали копать у склона горы. Нѣкоторые поселенцы

въ это время занимались исправленіемъ дорогъ, копаніемъ канавы и т. п. Время становилось тяжелое,—при 35—40 градусной жарѣ приходилось сидѣть и выжидать капли воды, которую нужно было привозить изъ ближайшей деревни—Бетъ-Деринъ ($1^1/_2$ часа ѣзды туда и обратно) и изъ земледѣльческой школы «Микве-Израиль» (до 3 часовъ ѣзды). Впродолженіи дня переселенцы были заняты трудной, непривычной работой, ночью-же они должны были беречь скотъ и имущество отъ арабовъ, о которыхъ, кстати сказать, у переселенцевъ было совершенно ложное представленіе. Прошелъ мѣсяцъ-другой, касса, въ которую переселенцы вносили по 1 франку съ дунама для покрытія общественныхъ нуждъ, стала пустѣть. Съ купленнымъ скотомъ не знали, какъ обращаться (куплены были 4 верлюда, 4 лошади, 4 вола и три осла); къ тому же онъ сталъ болѣть. «Общинное» устройство новой колоніи становилось причиною многихъ недоразумѣній, а по временамъ и раздоровъ. Члены, внесшіе третій франкъ, стали роптать; еще болѣе стали падать духомъ менѣе состоятельные члены, у которыхъ средства совершенно истощились. Къ тому-же физическія страданія, спанье на голой землѣ среди всякихъ гадовъ и насѣкомыхъ, отсутствіе воды, жилищъ, порядочной пищи и, наконецъ, приближеніе дождливаго времени стали серьезно пугать колонистовъ; никто не рѣшался приступить къ постройкѣ дома или вызвать свое семейство, такъ какъ никто не увѣренъ былъ въ томъ, что колонія просуществуетъ долго *). Нуженъ былъ одинъ вѣрующій, чтобы ободрить насъ всѣхъ, и этимъ вѣрующимъ явился Ханкинъ, приступившій первый къ постройкѣ дома. Многіе пріободрились; явились послѣдователи—Гейсманъ и Айзенбандъ. Люди эти инстинктивно, можно сказать, чувствовали, что необходимо себя прикрѣпить къ землѣ, иначе искушенія впослѣдствіи будутъ чрезъ-чуръ сильны. Они рѣшили положить здѣсь большую часть своего добра, дабы быть въ состояніи призвать сюда семейства.

Время шло. Колодецъ достигъ глубины 18 метровъ и обрушился, а воды все еще нѣтъ; деньги, внесенныя членами колоніи, были уже израсходованы а между тѣмъ только теперь онѣ и нужны были, такъ какъ настало время посѣвовъ. Менѣе состоятельные остались почти безъ хлѣба; тяжело было питаться дни, недѣли одними арбузами, часто безъ хлѣба и воды; послѣднюю приходилось замѣнять сокомъ, добытымъ изъ раздавленныхъ арбузовъ!... Голоса, обращенные къ русскимъ собратьямъ,

---

*) Одинъ только колонистъ Гербертъ первый рѣшился переѣхать въ палатку съ женою и дочерью своей; за нимъ уже переѣхало семейство г. Гейсмана.

оставались вопіющими въ пустынѣ. Что имъ—нашимъ русскимъ собратьямъ—было до того, что здѣсь нѣсколько человѣкъ пожертвовали своимъ покоемъ, счастьемъ и, кто знаетъ, быть можетъ и жизнью? И вся эта милліонная масса не постыдилась прислать въ такія тяжелыя минуты, когда шесть семействъ умирало почти съ голода, когда колоніи угрожали всевозможныя опасности въ такія минуты все русское еврейство не постыдилось прислать 381 рубль, а еврейство всего міра 621 р. (600 марокъ присланы изъ Германіи д-ромъ Леманомъ). Отъ русскихъ собратьевъ, видно, нельзя было ожидать спасенія, и вотъ опасеніе голодной смерти съ одной стороны и уничтоженіе колоніи—этого дорогаго для всѣхъ дѣтища—съ другой, заставило прибѣгнуть къ нашимъ заграничнымъ собратьямъ. Съ этой цѣлью отправленъ былъ, въ качествѣ делегата, членъ колоніи О. Файнбергъ. Но и онъ, не смотря на все свое краснорѣчіе, на весь жаръ, на всѣ слезы, съ которыми ему приходилось говорить, кромѣ неудачъ, ничего не встрѣчалъ. Франкфуртъ, Мюнхенъ, Майнцъ—эти древнѣйшія еврейскія общины слишкомъ холодно относились ко всѣмъ «затѣямъ» русскихъ евреевъ. Они не знали, или не понимали тѣхъ причинъ, которыя вызвали эти «затѣи» и то серьезное вліяніе, которое онѣ въ состояніи оказать на будущность всего еврейства. Да какъ-же имъ было понять, когда сами-же опозоренные, униженные и оплеванные ихъ собратья относились къ нимъ съ такимъ равнодушіемъ, которое способно было вызвать одно только отчаяніе... Осталась еще одна надежда на Парижъ, и здѣсь-то нашлось одно, не совсѣмъ еще заглохшее еврейское сердце,—одинъ изъ извѣстныхъ парижскихъ еврейскихъ филантроповъ отозвался на плачъ и зовъ несчастныхъ и рѣшился взять колонію подъ свое покровительство, желая самому остаться неизвѣстнымъ. Велика была радость потерявшихъ почти всякую надежду измученныхъ колонистовъ. Чрезъ три недѣли делегатъ вернулся обратно въ колонію съ назначеннымъ изъ Парижа садовникомъ. Непосредственнымъ попечителемъ и распорядителемъ надъ пожертвованными деньгами назначенъ былъ директоръ школы земледѣльческой школы «Микве Израиль», г. Гиршъ, человѣкъ, относящійся къ дѣлу нашему съ сочувствіемъ, достойнымъ самаго завзятаго антисемита. Но не время еще теперь говорить о всѣхъ подвигахъ этого представителя «еврейскаго всемірнаго союза»!..

Какъ было уже упомянуто выше, общинное устройство въ послѣднее время становилось причиной многихъ недоразумѣній среди колонистовъ; имѣвшіе 300—400 дунамовъ земли и долженствующіе вносить третій франкъ, не видя никакихъ результатовъ, стали роптать. Являлись противники общины: дѣло наконецъ, было доведено до того, что рѣшено было

призвать землемѣра для раздѣла земли. Въ ноябрѣ земля была раздѣлена, болѣе состоятельные пріобрѣли себѣ орудія и послѣ перваго дождя каждый вышелъ на поле уже со своимъ плугомъ, своей лошадью; общинное имущество распродано и община со всѣми ея статутами рухнула.—Не вышли на поле одни только шесть бѣдныхъ семействъ, не имѣвшихъ ни лошадей, ни плуговъ, ни сѣмянъ... Сидѣли они и ждали, ждали и дождались... одной пары лошадей. Посѣять турмусъ они уже опоздали; настало время посѣва ячменя, когда явились еще двѣ пары, которыми, впрочемъ, имъ не суждено было долго пользоваться: неизвѣстно, вслѣдствіе чего, двѣнадцать человѣкъ партіи «Bylu», работавшихъ въ «Микве-Израиль», съ согласія г. Гирша перешли въ «Ришонъ-Леціонъ» для обработки взятой ими въ аренду земли у г. Левонтина; неизвѣстно также, почему двѣ вновь купленныя пары лошадей были отняты у шести семействъ и они—эти семейства—были оставлены опять при одной парѣ. Сильно было недовольствіе этихъ послѣднихъ. Явились партіи, выросла политика, а за ней, какъ и повсюду—смутное время, время «комитетовъ», «управленій», «президентовъ» и проч. прелестей. Тяжелое то было время! Не сознавали, въ какую опасную игру играли «политическія» партіи колоніи, не сознавали, что отъ этой-то игры зависитъ участь десятковъ семей, женъ и дѣтей, будущность всего, быть можетъ, нашего дѣла. Каждый продолжалъ настаивать на своемъ. Въ концѣ концовъ мы всѣ раззорились и должны были сдаться г. Гиршу.

Разсказавъ вкратцѣ исторію возникновенія колоніи Ришонъ-Леціонъ, я разсмотрю теперь ея экономическое и географическое положеніе.

Колонія «Ришонъ-Леціонъ» лежитъ на юго востокъ отъ Яффы на часъ ѣзды отъ большой, іерусалимской дороги, на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Бетъ-Деринъ (Бейсъ-Дугонъ), въ мѣстѣ, извѣстномъ у арабовъ подъ названіемъ «Ajun-Kara». Находясь на высотѣ 270 футовъ надъ уровнемъ моря, колонія видна уже на іерусалимской дорогѣ, на небольшомъ разстояніи отъ «Микве Израиль». Экономическое положеніе колоніи одно изъ лучшихъ: съ запада она граничитъ съ большою караванною дорогой, ведущей изъ Яффы въ Гаазу, съ сѣвера и востока она прилегаетъ къ дорогѣ, проходящей чрезъ деревню Сарафентъ и соединяющей хевронскую съ іерусалимской, наконецъ, съ юга съ нею граничитъ земля деревни Бетъ-Деринъ, прорѣзанная, какъ и колонія, дорогой, ведущей въ деревню, лежащую по ту сторону іерусалимской дороги.

Итакъ, имѣя весьма удобныя пути сообщенія, удобныя не только для вьючныхъ животныхъ, но и для европейскихъ возовъ, колонія окружена почти со всѣхъ сторонъ деревнями; такъ, ближайшія къ ней деревни—Сарафендъ (1/4 часа ѣзды), Бетъ-Деринъ (1/2 ч.), Сафріи (1 1/2 ч.), Язуръ (1 ч.); нѣсколько отдаленнѣе, на іерусалимской дорогѣ, древніе города Лудо и Рамле. Имѣя такое хорошее географическое положеніе, колонія располагаетъ еще однимъ благодѣтельнымъ качествомъ—прекраснымъ, здоровымъ во всѣхъ отношеніяхъ климатомъ. Поверхность колоніи холмистая. Расположена она, какъ мы уже сказали на возвышеніи, откуда видны всѣ почти упомянутыя деревни, горы, а вдали на западѣ, за песчаными горами, постоянно серебрится безконечная полоса безбрежнаго моря.

Вотъ почему и воздухъ отличается здѣсь постоянной свѣжестью и чистотою.

Какъ извѣстно годъ въ Палестинѣ рѣзко дѣлится на дождливое и сухое время. Первое начинается въ началѣ «Хешвонъ» (Ноября) и длится почти цѣлый мѣсяцъ; затѣмъ, послѣ мѣсячнаго перерыва, онъ снова начинается въ 20 день «Тевеса» (въ Январѣ) и продолжается до начала «Шватъ» (конца Января). По окончаніи этихъ, такъ называемыхъ, зимнихъ дождей въ Адарѣ (Мартѣ) начинаются послѣдніе, лѣтніе дожди, которые длятся цѣлый мѣсяцъ.

Этимъ оканчивается дождливый періодъ, послѣ котораго настаетъ прекраснѣйшее въ мірѣ время Адаръ, Нисонъ и Іоръ (Мартъ, Апрѣль и Май); вся мѣстность превращается въ роскошный садъ; поля покрываются фіалками, лиліями, тюльпанами; въ бояраxъ (фруктовыхъ садахъ) распространяется ароматъ цвѣтущихъ лимоновъ, апельсиновъ и проч. Температура достигаетъ 18—20° R. Съ этого времени теплота усиливается; за пять лѣтнихъ мѣсяцевъ не выпадаетъ ни капли дождя. Овъ и Элулъ (Августъ и Сентябрь) съ своими 35—40 градусными жарами становятся невыносимыми; въ особенности отъ 10 до 2 часовъ дня, когда вся природа погружается въ глубокій сонъ. Въ это-то время, когда во многихъ мѣстахъ зной становится крайне удушливымъ, въ другихъ, низменныхъ, такъ называемыхъ «бассахъ»—крайне вреднымъ, въ «Ришонъ-Леціонѣ» почти впродолженіи всего лѣта дуютъ морскіе вѣтры, усиливающіеся особенно отъ 10 часовъ утра, отчего воздухъ охлаждается и нѣсколько увлажняется. Насколько воздухъ здѣсь здоровъ, можно видѣть изъ того, что за 12-ти мѣсячное существованіе колоніи здѣсь не было ни одного серьезнаго заболѣванія; мало того, пріѣхавшіе сюда, страдающіе напр. катаромъ желудка, легкихъ, чувствуютъ себя здѣсь вполнѣ здоровыми.

Какъ извѣстно уже изъ краткаго историческаго обзора нашего, колонія много перестрадала вслѣдствіе отсутствія воды, которую приходилось въ боченкахъ возить изъ Микве-Израиля, Бетъ-Дерина и впослѣдствіи изъ открытаго источника у подножья морскихъ дюнъ, такъ называемаго Аюна (1/2 ч. ѣзды туда и обратно). Кончить колодецъ своими средствами не было возможности; волей-неволей приходилось ждать обѣщанной помощи, и, по истеченіи десяти только мѣсяцевъ, показалась, наконецъ, въ колодцѣ на глубинѣ 45 метровъ вода, которую сначала добывали ведрами помощью обыкновеннаго ворота, а затѣмъ полученною изъ Парижа помпою.

Что касается почвы, то, какъ я уже выше сказалъ, представляя собою волнобразную поверхность, она дѣлится на низменную и возвышенную; возвышенная состоитъ большей частью изъ известняка съ тонкимъ покрывающимъ его растительнымъ слоемъ, мѣстами-же изъ глины и суглинка съ примѣсью известковаго щебня и раковинъ. Первыя годны исключительно подъ виноградники, послѣднія—для картофеля, мѣстами для пшеницы.

Почва низменная представляетъ собою супесокъ, въ одной сторонѣ, и суглинокъ—въ другой, съ тяжелыми глинистыми или известковыми подпочвами. Кромѣ винограда и картофеля, земля пригодна еще для турмуса (люпина), симсима (родъ льна, изъ котораго выдѣлывается масло, такъ называемое «ширисъ»), баштановъ (арбузовъ) и мѣстами пшеницы и ячменя.

Вслѣдствіе отсутствія орудій для обработки и сѣмянъ для посѣва, въ 81—82 урожайномъ году обработано было не болѣе половины всей земли. Изъ полевыхъ растеній посѣяны были: турмусъ, ячмень, пшеница, картофель, арбузы и симсимъ; изъ огородныхъ: — фасоль, горохъ, капуста, помидоры, огурцы и проч. мелкія овощи. Но какъ на поляхъ, такъ и на огородахъ урожай былъ далеко не блистательный, благодаря средней доброкачественности земли, незнакомству колонистовъ съ мѣстными условіями, со временемъ и способомъ посѣва и т. п.

Недоброкачественность земли возможно быдл исправить, стоило только удобрить поля навозомъ изъ сосѣднихъ деревень (Бетъ-Деринъ и Сарафендъ). Арабы, живущіе въ этихъ деревняхъ, очень довольны тѣмъ, что такимъ способомъ имъ очищаютъ грязныя, тѣсныя ихъ селенія. Въ средній рабочій день успѣваютъ привозить четыре воза навоза; слѣдовательно, считая въ возу среднимъ числомъ 20 пудовъ въ день возможно перевезти 80 пудовъ, а въ мѣсяцъ, т. е. 26 рабочихъ дней—2,080 пуд., что до-

ставитъ удобреніе на 25 дунамъ (считая удобреніе среднимъ). Свободнаго отъ работы времени имѣется четыре мѣсяца, да еще два мѣсяца въ дождливый періодъ, когда нельзя ни пахать, ни сѣять, т. е. всего 6 мѣсяцевъ въ году, въ продолженіи которыхъ можно удобрить до 150 дунамъ; если такъ удобрять поля впродолженіи 2—3 лѣтъ, то безъ сомнѣнія, они превратятся въ плодородныя нивы, подобныя тѣмъ, которыя имѣютъ теперь нѣмецкіе колонисты (въ Саронѣ). Вѣдь не нужно забывать, что только усиленнымъ трудомъ и энергіею колонистамъ-нѣмцамъ удалось превратить безплодныя земли Сароны въ плодородныя.

Безъ сомнѣнія если только раціональная поддержка будетъ оказана колонія вполнѣ обезпечена. «Силы», безъ которыхъ невозможно осуществленіе нашего св. дѣла, имѣются въ колоніи, а это самое главное, и въ Св. Землѣ не повсюду можно найти, здоровыхъ, свѣжихъ, здраво понимающихъ цѣль нашего предпріятія.

Все населеніе состоитъ изъ 150 душъ (29 семействъ); изъ нихъ 98 взрослыхъ и 52 малолѣтнихъ; по полу оно дѣлится на 52 мужскаго и 46 женскаго; холостыхъ 19, незамужнихъ 11. По возрасту имѣется до 13 лѣтъ 52, отъ 13 до 20 л.—24; отъ 21 до 50—65 душъ; наконецъ отъ 50 до 70—9.

По занятіямъ населеніе колоніи дѣлится: на 1 кузнеца, 5 столяровъ, 1 печника, 1 портного, 30 занимающихся торговлей и разными свободными занятіями, 1 жестяника, 1 технолога, 1 агронома, 1 провизора*), 1 помощника провизора, 2 студентовъ, бывшихъ на медицинскомъ факультетѣ, 1 ветеринара и 6 бывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ женскаго пола 6 посѣщало среднія учебныя заведенія и 1 высшее.

По отношенію къ землевладѣнію 29 семействъ въ колоніи дѣлятся на 17 собственниковъ-колонистовъ, 2 служащихъ и 10 ремесленниковъ осѣдлыхъ и временныхъ.

Изъ 17 семействъ колонистовъ 14 изъ Новороссіи и Малороссіи, 1 изъ Петербургской губерніи, 1 изъ Царства Польскаго и 1 изъ Румыніи.

Все населеніе колоніи помѣщается въ настоящее время въ 22 каменныхъ **) постройкахъ и двухъ (временныхъ) деревянныхъ; изъ нихъ 11

---

*) Занимаетъ теперь мѣсто врача въ колоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ отпускаетъ медикаменты изъ аптеки, устроенной на средства покровителя колоніи.

**) Камень добывается тутъ-же на мѣстѣ.

принадлежатъ колонистамъ остальные 13 выстроены протекторомъ колоніи. Домовъ двухъэтажныхъ 7 (по 4 — 5 комнатъ) и одноэтажныхъ 17 (по 3 комнаты); къ каждому дому согласно общему плану, прилегаетъ дворъ съ огородомъ въ 6 дунамовъ. Вообще, мѣсто селенія представляетъ правильный четыреугольникъ, раздѣленный на двѣ улицы: главную и перпендикулярную къ ней—второстепенную. По обѣимъ сторонамъ главной, къ югу и сѣверу, построены дома (по 10 въ ряду) съ огородами; во второй улицѣ по 12 домовъ съ огородами по каждой сторонѣ. Такимъ образомъ, по плану имѣется всего 44 мѣста. Вообще, раздѣлъ земли произведенъ такимъ образомъ, что она вся раздѣлена была на три категоріи: полевую, боярную и городскую; на каждые 100 дунамовъ общей земли приходится 6 дунамовъ городской, почти 3 дунама боярной и 91 дунамъ полевой.

Размѣръ землевладѣнія простирается отъ 60 до 400 дунамовъ (исключая Левонтина, имѣющаго еще непроданной до 1000 дунамовъ и 12 человѣкъ партіи «Bylu», оставшихся въ колоніи и получившихъ «пока» всѣ вмѣстѣ 300 дунамовъ). Многіе успѣли уже обзавестись виноградниками и какъ только выроютъ колодецъ, приступятъ къ закладкѣ бояръ.

Обработка полей совершается какъ арабскими, такъ и европейскими орудіями. Не буду говорить здѣсь о мѣстной культурѣ вообще, упомяну только о количествѣ живаго и мертваго инвентаря, которымъ колонія располагаетъ: лошадей собственныхъ имѣется 10, пожертвованныхъ 6; муловъ собственныхъ—4; коровъ—2 и нѣсколько козъ. Возовъ—5 двуконныхъ и 5 одноконныхъ (тачекъ), плуговъ европейскихъ и арабскихъ, а также и боронъ, имѣется у каждаго колониста-собственника.

Причиною разгара «политическихъ» страстей въ Ришонъ-Леціонѣ была невозможность получить кушаны, такъ какъ земля была тогда заложена въ банкѣ и не было возможности выкупить ее. Всѣ колонисты признали это единогласно; не разъ указывали на эту губительную причину протектору колоніи, но все оставалось тщетно, и положеніе колоніи, вслѣдствіе обостренныхъ взаимныхъ отношеній колонистовъ, было въ большой опасности. Далѣе, желая поддержать прибывшихъ 15 человѣкъ отъ партіи «Bylu», г. Гиршъ далъ имъ 2 плуга, отнятыхъ отъ 6 бѣдныхъ семействъ. Но и изъ этихъ двухъ одинъ отнимали 3 раза въ недѣлю для одного изъ колонистовъ. Какъ странно было слышать, что сегодня, напр., очередь за Ш., завтра за П. и т. д. День въ недѣлю работать! И это въ самомъ разгарѣ работъ. Какъ тяжело стано-

вилось за участь бѣдныхъ тружениковъ! А г. Гиршъ, въ руки котораго попала несчастная судьба несчастныхъ колонистовъ, посмѣивался надъ «глупцами», предсказывая имъ съ улыбкой на устахъ голодную смерть. А вѣдь зналъ-же онъ, что 2 мѣшка картофеля, два мѣшка пшеницы и, главное, одинъ плугъ недостаточны ни для 15 человѣкъ, ни для 6 семействъ; зналъ-же онъ, что однимъ возомъ, назначеннымъ для всей колоніи, не свозить ни кучки навоза для своихъ полей; зналъ-же онъ, что человѣкъ долженъ ѣсть и въ день субботній и въ день, когда работать, вслѣдствіе дождей, нѣтъ возможности, зналъ онъ это, и, все таки, лишилъ ихъ въ первое время назначенныхъ имъ франковъ; зналъ онъ все это, видѣлъ отчаянное положеніе колонистовъ и, все-таки, продолжалъ дѣйствовать по своему, забравъ еще въ свои руки присланнаго садовника, г. Дегюра.

Отъ души хотѣлось-бы вѣрить, что глубоко-уважаемый протекторъ колоніи не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о положеніи ея, о способѣ распоряженія тѣми деньгами, которыя онъ такъ охотно жертвовалъ, ибо бѣдные, нуждающіеся колонисты молчали, молчали боясь г. Гирша, готоваго всегда «закупить сколько нужно судовъ для изгнанія всѣхъ русскихъ евреевъ изъ Палестины»...

Теперь насталъ новый земледѣльческій годъ; еще цѣлыхъ 12 мѣсяцевъ нужно ждать до слѣдующей жатвы; большая часть колонистовъ не имѣетъ хлѣба, многіе лишены платья и обуви. Не смотря на построенные 13 домовъ, положеніе въ общемъ то же, что за шесть мѣсяцевъ; правда, ежедневно выдается холостымъ за рабочіе дни по франку, а семейнымъ по 10—12 франковъ, но перреспектива отъ этого нисколько не кажется лучшею. Два мѣсяца прошло, какъ повсюду унаваживаютъ поля, а въ колонію ни одно изъ бѣдныхъ семействъ не привезло ни одного воза навоза, въ то время, когда въ конюшнѣ стоятъ 6 лошадей и, кромѣ того, есть еще возможность работать шестью другими лошадьми, оставленными въ распоряженіи г. директора уѣхавшимъ на время г. Левонтинымъ. Правда, ячмень въ настоящемъ году дорогъ, но правильно-ли разсужденіе ваше, г. директоръ, что «на тѣ деньги, которыя потребуются на прокормленіе лошадей, мы прокормимъ лучше колонистовъ?»

Нѣтъ, не вѣрны ваши разсчеты,—колонисты не разбѣгутся не только чрезъ 6 мѣсяцевъ, какъ вы теперь говорите, но и чрезъ 3 года, какъ вы прежде говорили; ни колонисты, ни члены партіи «Bylu» не подпишутъ также за 50 франковъ обязательства не вернуться никогда больше въ Палестину.

Нѣтъ, не поможетъ вамъ все это, ибо мы вѣримъ, что во имя святаго нашего дѣла, во имя процвѣтанія колоніи, гдѣ перестрадало столько человѣческихъ душъ, гдѣ потрачено было столько крови, высокопоставленный протекторъ колоніи не будетъ прибѣгать къ полумѣрамъ, отъ которыхъ можетъ погибнуть много страдальцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то дѣло, которому онъ первый явился на помощь.

Менаше-бенъ-Цви.

2.

Яффа, $^{20}/_{8}$ *мая.*

Мы въ краткихъ чертахъ постараемся нарисовать въ этой корреспонденціи физіономію экономической и умственной жизни нѣсколькихъ, наиболѣе важныхъ, колоній въ Палестинѣ.

Пять колоній расположились на Св. Землѣ въ трехъ важныхъ центрахъ. По времени эти колоніи возникли въ слѣдующемъ порядкѣ: «Песахъ Тиква», «Ришонъ-Леціонъ», «Рошъ Пина», «Самаринъ» и «Акронъ».

1-я, 2-я и 5-я находятся возлѣ Яффы, 3-я возлѣ Цафета, 4-я возлѣ Хаифы.

Кромѣ названныхъ колоній, можно еще указать на одинъ участокъ, въ которомъ находится земледѣльческая школа Alliance'а «Микве Израиль» гдѣ обучаются около 70 дѣтей, отстоящая на полъ-часа ѣзды отъ Яффы.

Колоніи «Ришонъ-Леціонъ», «Рошъ Пина», «Самаринъ» и «Акронъ» составляютъ въ настоящее время собственность лица, извѣстнаго всему еврейскому міру. [Для завѣдыванія дѣлами въ колоніяхъ «Рошъ Пина» и «Самаринъ» пріѣхалъ въ Палестину нѣсколько времени тому назадъ делегатъ отъ вышеназваннаго лица, г-нъ Шаидъ].

Вотъ въ краткихъ чертахъ внѣшняя физіономія вышеназванныхъ колоній.

«Песахъ Тиква» обладаетъ 157 участками весьма плодородной земли. въ 14,000 дунамовъ. Поля «Песахъ Тиквы» раздѣлены участки. Земля участковъ троякаго качества: лучшая, годная для разведенія садовъ, средняя для посѣвовъ, худшая для виноградныхъ и тутовыхъ деревьевъ. Поле занимаетъ пространство верстъ въ 8. По краю поля протекаетъ рѣка Негаръ-эль-Одже, послѣ Іордана вторая по обилію воды; берега рѣки болотисты. Лѣтомъ испаренія причиняютъ лихорадку, что и вызвало нѣсколько лѣтъ тому назадъ распаденіе перваго поселенія колоніи. Крупнѣйшій недостатокъ колоніи—отдаленность поселенія отъ поля. Лучшая земля въ полѣ находится на разстояніи 2-хъ часовъ отъ поселенія. По-

селеніе-же на полѣ, вслѣдствіе испареній, совершенно невозможно. Эти-же испаренія затрудняютъ разведеніе садовъ.

Вредное вліяніе этихъ испареній, по мнѣнію свѣдущихъ людей, можно было-бы парализировать насажденіемъ галиктуса—средствомъ, примѣненнымъ съ большимъ успѣхомъ въ «Микве Израилѣ» и нѣмецкой колоніи «Сарона».

Въ этой колоніи выстроены 10 каменныхъ домовъ на мѣстѣ, отстоящемъ отъ полей на разстояніи одного часа ходьбы.

Въ составъ членовъ колоніи входятъ еврейскія семейства изъ Россіи и Австро-Венгріи. Послѣднія живутъ уже издавна въ Палестинѣ и составляютъ около 8 семействъ; русско-еврейскихъ семействъ 20. Въ общей сложности въ колоніи живетъ около 110 человѣкъ, изъ которыхъ «рабочими» въ буквальномъ смыслѣ слова могутъ считаться только 20. Преобладающій элементъ составляютъ, такъ-называемые, ортодоксы, не занимающіеся никакимъ производительнымъ трудомъ. Въ «Песахъ Тиква» имѣются два колодца, изъ которыхъ одинъ на мѣстѣ поселенія—глубиною въ 48 метровъ, другой-же на мѣстѣ полей—глубиною въ 26 метровъ. Для перваго колодца предполагаютъ пріобрѣсть паровую машину для снабженія водою всѣхъ будущихъ бояръ. Колонія орошается рѣчкой. 7-го ноября (по новому стилю) начались полевыя работы, въ которыхъ, кромѣ 20 евреевъ, принимаютъ участіе еще около 10 арабовъ. Первые получаютъ за каждый рабочій день отъ 1-го до 2-хъ франковъ, вторые-же получатъ 20% съ будущаго урожая. Въ скоромъ времени въ колоніи должна возникнуть талмудъ-тора. Недавно въ члены «Песахъ Тиква» принятъ нѣкій Юда, жившій въ колоніи въ первое время ея зарожденія, хорошо знакомый съ предметомъ земледѣлія, и прекрасно владѣющій мѣстнымъ языкомъ. Съ его появленіемъ работа на поляхъ и нивахъ закипѣла.

Колонія «Ришонъ-Леціонъ», находящаяся на разстояніи 3-хъ часовъ ѣзды отъ Яффы, обладаетъ 3,300 дунамовъ земли, принадлежащихъ 22 семействамъ изъ русскихъ евреевъ (125 душъ). Нѣсколько человѣкъ этой колоніи прежде состояли членами нашего общества. Земледѣліемъ въ «Ришонъ-Леціонѣ» занимаются только 30% всѣхъ членовъ.

Въ колоніи 23 дома и колодецъ глубиною въ 46 метровъ. Земля въ ней нехорошаго качества. Но усердіе колонистовъ можетъ, въ нѣкоторой степени, вознаградить этотъ недостатокъ. Интеллектуальный уровень колоніи выше средняго.

Колонія «Рошъ Пина», съ сѣвера граничащая съ Меромскимъ озеромъ

и расположенная вблизи Сафета, занимаетъ 2,200 дунамовъ весьма плодородной земли, принадлежащей 28 семействамъ, преимущественно изъ румынскихъ евреевъ, числомъ въ 120 душъ. Колонія лежитъ въ равнинѣ. Вода получается изъ источника. Воздухъ здоровый и чистый.

Въ ней построены 23 дома, составляющихъ вмѣстѣ съ имѣющимися тамъ 20 арабскими, одно поселеніе. Носится слухъ, что 13 еврейскихъ семействъ города Межирѣчья, желаютъ пріобрѣсть для себя участокъ земли, прилегающій къ этой колоніи, такъ что въ ближайшемъ будущемъ послѣдняя значительно расширится.

Жизнь «Самарина», какъ колоніи, находится еще in embrione. Хозяйственно-экономическое положеніе колонистовъ «Самарина» самое плачевное. Въ этой колоніи раньше насчитывалось больше 70 семействъ; въ настоящее же время ихъ небольше 40. Количество земли «Самарина» не превышаетъ 3,000 дунамовъ.

«Акронъ» занимаетъ пространство въ 3,750 дунамовъ превосходной, по мнѣнію компетентныхъ арабовъ, земли, купленной вмѣстѣ съ 15 быками, 2 верблюдами, 2 мулали и 3 ослами. Въ составъ членовъ этой колоніи входятъ 11 семействъ въ 120 душъ изъ колонистовъ ружанскаго уѣзда, гродненской губерніи, присланныхъ сюда извѣстнымъ лицомъ еще годъ тому назадъ, а также нѣсколько молодыхъ людей изъ румынскихъ и русскихъ евреевъ, работающихъ въ настоящее время въ «Микве Израилѣ». Принимая во вниманіе отмѣнное качество земли и заселеніе ея опытными земледѣльцами по профессіи, мы смѣло и безошибочно можемъ предсказать этой колоніи весьма счастливую будущность. Земледѣльческая школа «Микве Израиль» расположена въ роскошной мѣстности, занимающей около 2,500 дунамовъ весьма плодородной земли. До 2,000 дунамовъ отдается подъ распашку арабамъ съ выручкой 50% съ урожая. Остальные 500 дунамовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: одна часть идетъ подъ бояры, огороды и виноградники; другая-же—меньшая часть—подъ полевые посѣвы. Послѣднія двѣ части обрабатываются частью арабами, частью-же,—за исключеніемъ вышесказанныхъ нѣсколькихъ молодыхъ людей—будущихъ колонистовъ Акрона—членами нашего общества.

Въ земледѣльческой школѣ обучаются 38 мальчиковъ изъ присланныхъ сюда года два тому назадъ покойнымъ Карломъ Неттеромъ.

Послѣднихъ было въ прошломъ году около 60. Значительная часть изъ нихъ уѣхала отсюда въ Америку, гдѣ въ настоящее время обрѣтаются ихъ родители, русско-еврейскіе эмигранты. До сихъ поръ воспитанниковъ названной школы, по крайней мѣрѣ, часть ихъ, отсылали по

окончаніи образованія въ Парижъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. Теперь-же носится слухъ, что ихъ болѣе не будутъ посылать туда, а будутъ размѣщать по образовавшимся и имѣющимъ образоваться еврейскимъ колоніямъ на Св. Землѣ.

Перейдемъ къ изложенію, въ краткихъ чертахъ, положенія нашего общества, программы его дѣятельности, его цѣлей и надеждъ. Для этого мы считаемъ необходимымъ сдѣлать маленькое отступленіе отъ главной нити нашей корреспонденціи и слегка коснуться нѣсколькихъ прошедшихъ моментовъ изъ жизни нашего общества.

Послѣ смерти Карла Неттера, обѣщавшаго сдѣлать весьма многое въ пользу нашего общества, и отъ внезапной кончины котораго весьма значительно пострадала успѣшность реализаціи колонизаціоннаго дѣла, члены нашего общества перешли изъ «Микве Израиль» въ колонію «Ришонъ Леціонъ», въ созиданіи которой они принимали весьма дѣятельное участіе. Они копали колодецъ, прокладывали дороги, сажали деревья, работали на виноградникахъ, поляхъ и огородахъ.

По истеченіи нѣкотораго времени, среди билуйцевъ началось нѣкоторое движеніе. Одни слишкомъ пристрастились къ жизни въ колоніи, полюбили ея безмятежное спокойствіе, совершенно позабывъ о своей первоначальной миссіи, о своемъ призваніи и о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ нашей великой идеѣ. Другіе-же въ своемъ поселеніи въ «Ришонъ Леціонѣ» видѣли чуть-ли не совершенное разрушеніе своихъ идеаловъ.

Это движеніе окончилось распаденіемъ нашего общества на двѣ половины, изъ которыхъ одна осталась въ «Ришонъ Леціонѣ», другая-же, порвавъ всякую съ первой партійную связь, забравъ съ собою всѣ свои пожитки, оставила «Ришонъ Леціонъ», бодро вышла на большую іерусалимскую дорогу и вступила въ тонущія въ зелени мѣстности «Микве Израиль». Тамъ работаетъ она и по настоящее время, получая по $1^1/_2$ франка за каждый рабочій день. Живетъ она въ прекрасной арабской боярѣ, отстоящей отъ мѣста работы на разстояніи 20 минутъ ходьбы. Работа обыкновенно начинается ежедневно въ $6^1/_2$ часовъ утра и кончается въ 6 вечера. Отъ 12 до часу время отдыха. По пятницамъ работа продолжается $^3/_4$ дня. Наступленіе дождливыхъ, зимнихъ дней вызвало усиленную дѣятельность въ боярахъ и виноградникахъ. И тутъ, и тамъ работаютъ наши билуйцы. Одни засыпаютъ ямки вокругъ апельсиновыхъ, лимонныхъ деревьевъ, а также и райскихъ яблокъ для предохраненія ихъ отъ слишкомъ обильной влаги; другіе-же занимаются распешиваніемъ земли виноградниковъ.

Такимъ образомъ, мы уже свыше 17 мѣсяцевъ работаемъ безропотно на нашей родной землѣ, не теряя бодрости духа, силы воли и первоначальной энергіи. Возлагая надежду на Бога и на силы своихъ рукъ, мы носимъ въ своихъ сердцахъ вѣру въ достиженіе нашей цѣли.

Мы уже успѣли акклиматизироваться съ мѣстомъ нашего пребыванія, нѣсколько ознакомились съ его условіями въ почвенномъ, агрикультурномъ и климатическомъ отношеніяхъ и изучили нравы и обычаи нашихъ туземныхъ сосѣдей. Теперь для насъ путь открытъ, и мы можемъ смѣло дѣйствовать.

Лестные отзывы о нашей земледѣльческой работѣ въ «Микве Израиль», дошедшіе до нашихъ братьевъ Западной Европы, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказали послѣднимъ, что даже интеллигентный молодой человѣкъ, при доброй волѣ, способенъ къ тяжелому труду земледѣльца.

N. *).

---

*) Корреспонденція эта доставлена намъ нѣкоторыми членами партія «Bylu». Изд.

3.

Яффа, $^{20}/_{8}$ *апрѣля.*

Палестина вообще гориста; за Іорданомъ преобладаетъ равнина. Земля обрабатывается въ долинахъ, между горами; поверхность обрабатываемой земли доходитъ до 14% (за эту цифру я не ручаюсь). Но смѣло можно сказать, что вся земля, какъ горы, такъ и долины, въ запустѣніи. На каждомъ шагу вы встрѣчаете слѣды того грандіознаго и плодотворнаго труда и той кипучей дѣятельности, которою нѣкогда эта маленькая страна отличалась и вслѣдствіе которыхъ она текла медомъ и млекомъ. Васъ поразятъ гигантскіе бассейны, построенные съ удивительнымъ искусствомъ и элегантностью; остатки водопроводовъ, тянущихся на нѣсколько миль, вамъ укажутъ на высокую степень совершенства, котораго достигла система орошенія. Вы будете изумлены искусственными пещерами, высѣченными въ скалахъ и прочими остатками, свидѣтельствующими о древнемъ величіи Палестины. Теперь все запущено. Мнѣ говорили, что горы въ Палестинѣ заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ различные металлы. Цѣлебныя воды Тиверіады не уступаютъ самымъ лучшимъ богемскимъ водамъ; я увѣренъ, что здѣсь, въ Яффѣ, можно было-бы устроить морскія купанья, которыя привлекали-бы гораздо болѣе купающихся, чѣмъ какія-бы-то ни было купальни Европы. Во всей Палестинѣ нѣтъ ни одной фабрики; есть только нѣсколько паровыхъ мельницъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что этой странѣ предстоитъ блестящая будущность, если только еврейскій народъ посвятитъ ей свой умъ, духъ и выносливость. Именно потому, что здѣсь еще ничего нѣтъ, еврейской творческой силѣ открывается широкое поле дѣятельности. Почва Палестины весьма хороша и плодородна. Показывая землю Песахъ Тиква, одинъ агрономъ (кончившій александрійское землед. учил., близъ Варшавы) говорилъ мнѣ, что самый лучшій русскій черноземъ значительно хуже этой земли. И Песахъ Тиква не единственная колонія, имѣющая хорошую землю. Колоніи Акронъ, Рошъ-Пина, Самаринъ и будущія колоніи Атра и около Мэ-

Маримъ обладаютъ землею, если не лучшей, то, по крайней мѣрѣ, не худшей, чѣмъ Песахъ Тиква. Кромѣ того, Палестина имѣетъ еще ту особенность, что если какая-нибудь часть ея земли не производитъ хлѣба, то она производитъ что-нибудь другое. Укажу на слѣдующіе примѣры: Хевронъ находится среди скалистыхъ горъ и о земледѣліи тамъ не можетъ быть и рѣчи, но за то нигдѣ въ Палестинѣ нѣтъ такого винограда, какъ въ Хевронѣ. Бутылка хевронскаго вина, стоящая здѣсь въ Яффѣ 1/2 франка, продавалась-бы во Франціи не менѣе чѣмъ по 5—7 франковъ, смотря по выдѣлкѣ. Яффа, какъ извѣстно, окружена садами, совокупная цѣнность которыхъ равна милліардамъ, прибрежная-же полоса Средиземнаго моря, особенно около Яффы, вся песчаная. Колонія Ришонъ Леціонъ, не далеко отстоящая отъ моря, имѣетъ самую плохую землю въ Палестинѣ; вся земля песчаная, не способная давать даже средняго урожая; но на той-же почвѣ можно разводить богатѣйшіе виноградники, самые роскошные сады, можно съ успѣхомъ разводить масличныя и тутовыя деревья и на послѣднихъ воспитывать шелковичнаго червя. Бѣда только въ томъ, что сады требуютъ много воды, что въ Ришонъ Леціонѣ находятъ ее только на глубинѣ 50-ти метровъ, такъ что садоводство тамъ очень трудно пока развивать; что-же касается виноградниковъ, масличныхъ и тутовыхъ деревьевъ, то разведеніемъ ихъ колонисты теперь и заняты, и отъ успѣха этого дѣла зависитъ даже судьба колоніи. Благодаря климату, почва здѣсь постоянно родитъ и лѣтомъ, и зимою; она отдыхаетъ только разъ въ семь лѣтъ. Хлѣбъ имѣетъ здѣсь одну жатву; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ неглубоко, находятъ воду и гдѣ, слѣдовательно, бываетъ искусственное орошеніе, садятъ 4 раза въ году овощи, такъ что во всей Палестинѣ вы имѣете круглый годъ свѣжія овощи.

Въ Палестинѣ бываетъ собственно 2 времени года: лѣто и зима. Въ лѣтнее время года, продолжающееся 6 мѣсяцевъ, не падаетъ дождей. Это объясняется тѣмъ, что весьма сильно накаленный воздухъ держитъ всю атмосферную влагу въ парообразномъ состояніи и не даетъ водянымъ парамъ сгущаться въ капли. По ночамъ-же лѣтомъ бываетъ обильная роса, содѣйствующая произрастанію многихъ хлѣбныхъ растеній и нѣкоторыхъ родовъ деревьевъ и винограду; что-же касается огородныхъ растеній (овощей и стручков. раст.) и садоводства (подъ этимъ словомъ здѣсь разумѣютъ, главнымъ образомъ, культивированіе апельсиновъ, лимоновъ, райскихъ яблоковъ etc.), то они нуждаются въ искусственномъ орошеніи. Зима—дождливое время года; здѣсь бываетъ извѣстное число дождей, въ извѣстное время почти періодически; дождь продолжается нѣсколько дней, иногда до недѣли, льетъ какъ изъ ведра и

сопровождается громомъ и молніею. Но какъ только дождь перестаетъ, сейчасъ-же показывается солнце и становится тепло, какъ лѣтомъ въ средней Россіи; впрочемъ, зимою и здѣсь бываютъ пасмурные дни. Въ Яффѣ снѣга никогда не бываетъ; но на возвышенныхъ мѣстахъ зимою выпадаетъ и снѣгъ, который держится нѣсколько дней; въ Іерусалимѣ снѣгъ не рѣдкость. Зимою здѣсь растетъ все то, что лѣтомъ въ средней Россіи. Но главную свою производительную силу палестинская почва проявляетъ лѣтомъ. Кромѣ тѣхъ растеній, которыя я вамъ выше уже вычислилъ, здѣсь лѣтомъ растетъ: дура или турецкая пшеница (это не тотъ родъ турецкаго пшена, который въ Россіи зовется кукурузой), сумсумъ, изъ котораго приготовляется масло, называемое Sesomool, oleum sesami. Производство обоихъ этихъ растеніій весьма прибыльно. Гранатовое дерево и кактусъ служатъ здѣсь огородами для садовъ: здѣсь также растетъ финиковая пальма и сахарный тростникъ, хотя они не достигаютъ здѣсь той роскоши и полной зрѣлости, какъ это бываетъ въ болѣе жаркомъ климатѣ, напримѣръ, въ Египтѣ. Кромѣ того, здѣсь еще растетъ много растеній, именъ которыхъ я не знаю. Почва Палестины также въ состояніи производить массу растеній, которыхъ, по своей небрежности, туземцы не культивируютъ. Укажу для примѣра на розу, изъ которой можно выдѣлывать розовое масло. Одинъ садовникъ въ Ришонъ Леціонѣ, дѣйствительно, хотѣлъ засадить розу съ этой цѣлью и онъ-бы это сдѣлалъ, еслибы не былъ вынужденъ оставить свое мѣсто, по нѣкоторымъ причинамъ. Если вы взглянете на карту Палестины, то увидите, что она не такъ бѣдна водою, какъ обыкновенно изображаютъ: Іорданъ со своими многочисленными притоками, не высыхающими лѣтомъ, затопляетъ за-іорданскую долину и играетъ для послѣдней ту-же роль, что Нилъ для Египта. Кромѣ Іордана, есть еще нѣсколько рѣкъ, впадающихъ въ Средиземное море. Одна изъ нихъ, находящаяся недалеко отъ Яффы (къ сѣверу) протекаетъ черезъ Песахъ-Тиквинскія земли; это рѣка Nahr el-Odje, изобилующая рыбой. Въ Палестинѣ есть степи, тянущіяся на нѣсколько верстъ, есть рѣки замѣчательной длины, есть пустыни около берега моря, есть и лѣса; но въ Палестинѣ лѣсъ не занимаетъ больше десятины. О лѣсахъ на горахъ Ливана я не говорю: это не Палестина. Здѣсь растетъ въ лѣсахъ дубъ, кедръ, пальма и тутъ. Хвойныхъ лѣсовъ нѣтъ не только въ жаркомъ, но и въ болѣе, чѣмъ умѣренномъ климатѣ. Во всей Палестинѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ, песчаныхъ мѣстъ, къ которымъ принадлежитъ колонія Ришонъ Леціонъ, находятъ воду на нѣсколько метровъ глубины. Вода вездѣ хорошая, большею частью на

глубинѣ 14—15 метр. и рѣдко приходится добывать ее изъ глубины 30 метр. Климатъ во всей Палестинѣ здоровый. Обильная, роскошная, но постоянно гніющая растительность, вызываетъ здѣсь перемежающіяся лихорадки; лѣтомъ, кромѣ того, встрѣчается дизентерія, вслѣдствіе неумѣренности въ овощной пищѣ употребленіи. Іерусалимъ, какъ городъ, построенный на развалинахъ и на кучахъ мусора, не имѣющій ключевой воды, а собирающій воду въ бассейнахъ на круглый годъ отъ дождей, падающихъ зимою, не отличается своимъ климатомъ; поэтому здѣсь распространены многія болѣзни. Теперь свирѣпствуетъ въ Яффѣ и его окрестностяхъ, въ Газѣ и Хевронѣ, оспа. Вслѣдствіе недостаточности и небрежности санитарныхъ мѣропріятій, если вспыхнетъ здѣсь какая-нибудь эпидемія, какъ оспа, корь etc., то она не такъ легко утихнетъ.

Докторъ М. Штейнъ.

4.

Іерусалимъ, 25/13 *апрѣля*.

Зима, или, лучше сказать, дождливое время года есть самая рабочая пора для палестинскаго земледѣльца. Дожди, которые прекращаются въ мѣсяцѣ Нисонъ, снова появляются въ мѣсяцѣ Хешвонъ. Сначала появляются небольшіе, такъ сказать, вступительные дожди. Эти дожди подготовляютъ землю къ посѣву. Зимній посѣвъ продолжается около двухъ мѣсяцевъ. Всѣ хлѣба должны быть засѣяны въ слѣдующемъ порядкѣ по времени: ячмень, турмусъ, чечевица, пшеница и др. Впрочемъ, порядокъ этотъ не соблюдается строго. Послѣ первыхъ дождей сѣется ячмень, а затѣмъ уже соображаются съ погодой. Пшеница сѣется послѣднею. Изъ названныхъ мною предметовъ незнакомымъ вамъ является турмусъ. Это имя арабское и еврейское; по-русски это растеніе называется волчьи бобы (Wolfs, bohnen, lupins по фр.). Растетъ оно на всякой почвѣ, даже на сильно песчаной, даетъ обильный урожай. Изъ бобовъ добывается хорошая краска различныхъ цвѣтовъ. Ячмень и пшеница, особенно вторая, требуютъ черноземной или суглинковой почвы, и чѣмъ земля болѣе выработана, тѣмъ большіе урожаи она даетъ. Обыкновенно эти злаки сѣются на, такъ называемомъ, «крабѣ», т. е. на землѣ, на которой въ предыдущемъ году былъ лѣтній посѣвъ, слѣдовательно, земля болѣе выработана, такъ какъ къ лѣтнему посѣву земля пашется три раза. Если-же приходится сѣять пшеницу на цѣлинѣ, на нови или, по здѣшнему, на «бурѣ», то она обыкновенно дважды перепахивается. Чѣмъ раньше поля засѣваются, тѣмъ лучше. Всегда нужно спѣшить, чтобы засѣять до продолжительныхъ зимнихъ дождей. Наоборотъ, жатвой не приходится особенно торопиться, такъ какъ въ бездождное лѣто хлѣбъ можетъ долго оставаться на полѣ. Встаемъ мы обыкновенно за два, за три часа до разсвѣта. Даемъ корму лошадямъ, поимъ, чистимъ, запрягаемъ ихъ, пьемъ чай, завтракаемъ и за полчаса, и даже за часъ до восхода солнца, выѣзжаемъ въ поле. Восходъ солнца застаетъ насъ уже за работой. Работаемъ,

почти не отдыхая, до полудня или до часа дня, затѣмъ пріѣзжаемъ домой отдохнуть и пообѣдать, а также чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Дома остаемся небольше, чѣмъ часъ или полтора и опять отправляемся въ поле, гдѣ работаемъ до вечера. Иногда возвращаемся домой при звѣздахъ. Работаемъ среднимъ числомъ девять часовъ въ день: до обѣда отъ шести до двѣнадцати часовъ, а послѣ обѣда отъ двухъ до пяти. Если при этомъ считать работу при уходѣ за лошадью, время для переѣзда изъ колоніи въ поле и обратно, то выходитъ, что цѣлый день и часть вечера уходитъ въ безпрерывной работѣ. Вечеромъ пріѣзжаемъ мы домой совершенно усталые и спѣшимъ рано ложиться спать, чтобы успѣть достаточно отдохнуть. Такъ проходитъ вся недѣля вплоть до субботы. Въ этотъ день мы отдыхаемъ, и вмѣсто гулянья по бульварамъ, мы уходимъ гулять по полямъ, посмотрѣть на недѣльную работу, посмотрѣть, что послалъ Господь за труды людямъ. Вечеромъ собираемся куда-нибудь потолковать о томъ, о семъ. Очень часто собираемся мы въ субботу вечеромъ въ домъ одного колониста, гдѣ имѣется единственное въ Ришонъ Леціонѣ фортепіано. Сознаніе того, что въ воскресенье придется рано встать, не даетъ намъ и въ этотъ свободный вечеръ много развлечься. Не смотря на такую трудовую жизнь, всѣ веселы, бодры и здоровы. Съ молитвой начинаемъ работу, съ пѣсней кончаемъ ее. Если-бы не постороннія обстоятельства, какъ напримѣръ, отношеніе къ колонистамъ администраціи колоніи съ господиномъ Гиршемъ во главѣ, колонисты чувствовали-бы себя счастливѣйшими людьми въ мірѣ. Само собою разумѣется, что постороннія занятія, какъ серьезное чтеніе и корреспонденцію, приходится отложить. По субботамъ только читаемъ получаемые у насъ еврейскіе органы. По окончаніи зимняго посѣва приступаютъ къ приготовленію земли для лѣтняго посѣва, приступаютъ къ посадкѣ деревьеъ, виноградниковъ и др. Земля Ришонъ Леціона особенно удобна для разведенія виноградниковъ, подъ которые занято уже больше двухъ сотъ дунамовъ земли. Садоводство тоже выгодно. Апельсинныя, лимонныя и нѣкоторыя др. деревья требуютъ лѣтомъ искусственнаго орошенія; а такъ какъ въ Ришонъ Леціонѣ воды мало (всего одинъ колодезь въ 40 метровъ глубины), то эти деревья не разводятся. За то, въ этой колоніи очень выгодны деревья: масличныя, тутовыя, фиговыя, персиковыя, абрикосовыя, гранатовыя, миндальныя и др.

Къ такъ называемому лѣтнему посѣву относятся: картофель, арбузы, тыквы, дыни, сумсумъ, дурра и др. Картофель сѣется въ февралѣ мѣсяцѣ, остальные сѣются тогда, когда дожди начинаютъ уже прекращаться, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ. Лѣтнія растенія, кромѣ картофеля, для своего

произростанія довольствуются только обильной лѣтней росою, поэтому должно такъ разрыхлять землю, чтобы корни растеній могли получать влагу отъ росы для чего земля перепахивается три раза, и такая земля называется «крабъ». Масло сумсума совершенно замѣняетъ собою мясо, жиръ и годно для употребленія въ сыромъ видѣ и съ нимъ варятся всѣ кушанія. Требуетъ онъ хорошей земли и даетъ большіе урожаи. Сѣется обыкновенно послѣ Пасхи и снимается въ мѣсяцѣ Абъ. Земля въ Палестинѣ никогда не гуляетъ, стоитъ только сохранить слѣдующій сѣвооборотъ: на крабѣ сѣется ячмень, пшеница и т. д. Такимъ образомъ, одинъ годъ на землѣ сѣется лѣтній посѣвъ, а другой зимній, и почва никогда не истощается. Арабы своихъ полей не навозятъ, а только пасутъ на нихъ свой скотъ. Плугъ арабскій крайне несовершенный. Еслибы завести раціональное хозяйство: работать европейскими плугами и унаваживать свои поля, то можно было-бы достичь блестящихъ результатовъ. Колонисты такъ и дѣлаютъ, но у нихъ нѣтъ необходимыхъ средствъ для хорошаго хозяйства.

Въ ряду причинъ, обусловливающихъ собою бѣдственное хозяйственное положеніе колонистовъ, надо отмѣтить отношеніе къ нимъ г. Гирша. То, что вамъ извѣстно изъ немногихъ корреспонденцій въ «Русскомъ Евреѣ», есть меньше, чѣмъ сотая доля того, что мы вытерпѣли въ продолженіи послѣдняго года отъ г. Гирша и его компаніи. Въ прошломъ году г. Эрланжеръ именемъ барона Ротшильда обѣщалъ дать полное устройство всѣмъ колонистамъ, дабы они могли совершенно отдаться своему дѣлу. «Въ домахъ барона», сказалъ онъ: «не будетъ ни голода, ни холода», и колонисты не могли этому не радоваться. Эрланжеръ уѣхалъ и все дѣло оставилъ г. Гиршу, извѣстному врагу Палестины и русскихъ евреевъ. Поздней осенью, когда всѣ земледѣльцы уже работали, многіе колонисты не имѣли ни лошадей, ни инструментовъ. Мы рѣшились писать протестъ въ Парижъ. Но тамъ, по доносу Гирша, насъ сочли бунтовщиками, а молодыхъ людей—нигилистами. За нашъ протестъ насъ всю зиму морили голодомъ и грозили совершенно оставить колонію безъ помощи, если они не заявятъ полной покорности и сами не прогонятъ виновныхъ. «Виновный», несмотря на то, что колонисты и слышать не хотѣли объ этомъ, счелъ необходимымъ самъ отказаться отъ помощи барона Ротшильда. Это, конечно, радикально колоніи не помогло. Въ то время, когда наше положеніе не такъ еще обострилось, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, среди такъ называемой интеллигенціи колоніи, возникла мысль издавать гектографическій листокъ на древне еврейскомъ и русскомъ языкахъ для ознакомленія съ Палестиной редакторовъ еврейскихъ газетъ, палестин-

скихъ кружковъ и всѣхъ, интересующихся положеніемъ дѣлъ въ Палестинѣ. За это дѣло взялись гг. Шварцъ, Файнбергъ, Meеровичъ и вашъ покорный слуга. Первый изъ нихъ—студентъ вѣнскаго университета, пріѣхавшій сюда лѣтомъ и находившійся все время въ Ришонъ-л'Ціонѣ. Изъ всѣхъ редакторовъ онъ одинъ имѣлъ достаточно времени, чтобы отдаться этому дѣлу. Впослѣдствіи пришлось отказаться отъ этой мысли за неимѣніемъ средствъ. Это побудило г. Шварца перенести редакцію въ Іерусалимъ.

И. Белькиндъ.

5.

Самаринъ, 1-го мая.

Самаринъ расположенъ на горѣ Кармель, тамъ, гдѣ нѣкогда былъ городъ Бетаръ. Онъ занимаетъ 6,000 дунамовъ: 3,000 дунамовъ пахатной земли и 3,000 дунамовъ лѣсу, состоящаго изъ масличныхъ, фиговыхъ и другихъ деревьевъ. Самаринъ находится у моря и со временемъ здѣсь возможно будетъ заложить гавань. Земля Самарина была куплена для румынскихъ эмигрантовъ банкиромъ Франкомъ, съ разрѣшенія центральнаго комитета въ Галацѣ, за 40,000 франковъ. Страна эта, по истинѣ, течетъ молокомъ и медомъ; жаль только, что она находится въ ненадлежащихъ рукахъ. Торговля могла-бы здѣсь процвѣтать, еслибъ жители умѣли пользоваться всѣми выгодами своего положенія. Есть въ Самаринѣ нѣчто въ родѣ маленькой гавани. Но какое отсутствіе всего, къ чему привыкъ глазъ европейца! Нѣтъ ни одной кофейни, гостинницы, ни одной порядочной лавки, нѣтъ даже мельницы, чтобы смолоть рожь. Жизненные припасы: хлѣбъ, мясо, яйца здѣсь очень дешевы; фиги, апельсины и рожки валяются на улицахъ. Почва, хотя и камменистая, но чрезвычайно плодородная. Вообще, песчаная почва производитъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ у насъ черноземъ.

Если мы года два тому назадъ могли считать себя болѣе, или менѣе обезпеченными, благодаря вниманію къ намъ центральнаго галацкаго комитета, то въ настоящую минуту наше положеніе болѣе, чѣмъ плачевно. Населеніе колоніи постоянно рѣдѣетъ и съ 1882 года оно уменьшилось на половину. Въ Самаринѣ 16 жилыхъ помѣщеній; одно изъ нихъ занято администраціей колоніи, два взяты подъ магазины и восемь заняты арабами. Климатъ въ Самаринѣ, безъ преувеличенія, можетъ быть названъ райскимъ. Ни Іерусалимъ, ни Яффа, ни Хаифа не обладаютъ такой водой, какъ нашъ Самаринъ. Она, безъ сомнѣнія, обладаетъ цѣлебными свойствами.

Прежде доступъ въ Самаринъ былъ очень труденъ, такъ какъ онъ лежитъ на горѣ, и не было даже мало-мальски сносной дороги. Для про-

ложенья проѣзжаго пути мы намѣрены были въ свое время пригласить инженера, но такое приглашеніе стоило-бы намъ нѣсколько сотъ франковъ. Мы рѣшили сами сдѣлать эту работу, и теперь мы съ гордостью можемъ сказать, что исполнили ее и исполнили, кажется, хорошо. И все это мы сдѣлали въ 19 дней. Возвышенности были нами сравнены, улицы вымощены и теперь по нимъ можно ѣхать, не рискуя споткнуться или очутиться въ какой-нибудь рытвинѣ. Инженеръ не исполнилъ-бы этой работы лучше.

Земля обрабатывается сообща; съ 13-ти лѣтъ каждый колонистъ долженъ участвовать въ работѣ, какъ только наступаетъ его очередь. Здѣсь существуетъ порядокъ, по которому за трехъ-недѣльной работой въ колоніи слѣдуетъ недѣля отдыха въ Хаифѣ. До настоящаго времени еще немного земли обработано, такъ какъ чувствуется недостатокъ въ орудіяхъ; колонисты изъ Берлады и Карши могли обработать гораздо болѣе земли, такъ какъ они привезли съ собой изъ Румыніи орудія и лошадей. У нихъ до 16 лошадей: эти колонисты богаты и ничего общаго съ остальными колонистами не имѣютъ. Вообще, между колонистами незамѣтно особеннаго единства, въ чемъ виноваты, преимущественно, колонисты изъ Бакау.

Лѣсъ при Самаринѣ состоитъ изъ 40 масличныхъ и нѣсколькихъ фиговыхъ пальмъ; въ немъ ростетъ очень много дикихъ, сладкихъ рожковъ. Воздухъ въ Самаринѣ очень хорошъ.

Въ Хаифѣ находится учрежденная комитетомъ школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, въ которой преподаются еврейскій, арабскій и французскій языки.

Жизнь въ колоніи нѣсколько похожа на казарменную. Трубой даются сигналы къ обѣду, работѣ, сну и т. д. Сторожа расхаживаютъ у границы колоніи съ оружіемъ и арабы питаютъ къ намъ уваженіе.

По дорогѣ въ Самаринъ лежитъ древній городъ Бетаръ. По близости отъ Самарина находится нѣсколько плодородныхъ колоній: Sabarin, Tabadin и Ladeh-Beh; послѣдняя граничитъ съ нашей колоніей, но такъ какъ она не имѣетъ пастбища, то мѣстные колонисты уже нѣсколько разъ выгоняли свой скотъ пастись на наши пастбища. Владѣльцы этого скота уже нѣсколько разъ платили намъ штрафъ за потраву.

Г.

Палестина, ея географическое положеніе, климатъ, флора, фауна и экономическое положеніе *).

Древнее названіе Палестины—„Ханаанъ"; подъ нимъ разумѣли только цисъ-іорданскую Палестину. „Ханаанъ" происходитъ отъ древнееврейскаго слова „спа", что означаетъ „низкій" и какъ бы указываетъ на низменное положеніе этой страны, въ противоположность возвышенному положенію Сиріи и Ливанскаго плоскогорья, составлявшихъ первоначальное мѣсто жительства ханаанскихъ народовъ.

Послѣ переселенія въ Ханаанъ Авраама и его семейства эта страна стала извѣстна уже подъ именемъ „земли Евреевъ" (Erez hoiwrim); послѣ же завоеванія Палестины это имя тоже пропадаетъ и мы уже встрѣчаемся съ наименованіями: „страна Израиля" (Erez isroel), „Земля Израильская" (Admos isroel), „Наслѣдіе Израиля" (Nachlas isroel), „Страна сыновей Израилевыхъ" (Erez bnei isroel), впослѣдствіи также и „Страна Создателя" (Admos hachem), „Святая Земля" (Admos Kodisch), и „Удѣлъ Бога" (Erez achouses haschem). Послѣ раздѣленія еврейскаго царства между потомками Rheabeam'а, названіе страны опять измѣнилось: подъ „Страной Израиля" разумѣли государство 10 колѣнъ, а подъ „Страной Іудейской"—остальную половину царства, владѣнія колѣнъ Іуды и Веніамина и только послѣ перваго изгнанія вся страна опять получаетъ одно общее названіе „Страны Іудейской" или „Страны Израильской". Названіе-же „Палестина", которымъ обозначалась сначала только полоса земли между Кармелемъ и египетской границей, а потомъ пространство между Средиземнымъ моремъ, Іорданомъ и Ливаномъ (слѣдовательно, ошибочно также при-

---

*) Hamburger, Real Encyklopaedie für Bibel und Thalund.—Badeker, Syrien und Palästina.—Mevassereth Zion.—Luncz, Serusalem.—Schweiger, von Lerchenfeld. Orient. etc.

числяли къ Палестинѣ Финикію, Сирію и Идумею) встрѣчается только у грековъ и римлянъ въ послѣднюю половину существованія 2-го храма. Именемъ „Сирійская Палестина" называли всю страну между Ливаномъ и Синайскимъ полуостровомъ. На ряду съ этими именами употреблялись также и библейскія названія: „Страна Іудеевъ" (ἡ ἑβραίων χώρα), „Святая земля" (ἡ ἁγία γῆ), „Обѣтованная земля" и т. д. Въ талмудѣ также встрѣчается названіе „Палестина". У вавилонскихъ евреевъ Палестина обозначалась сокращенно словомъ „Западъ" (Marowo) или же просто словомъ „тамъ".

По положенію своему на границѣ между Азіей, Африкой и Европой, въ центрѣ стараго свѣта, между египетской рѣкой (Нилომъ) и вавилонской (Ефратомъ), Палестина имѣла весьма важное значеніе. Она простирается отъ 31 до $33^1/_2$ градуса сѣверной широты и отъ 52 до $54^1/_2$ градус. восточной долготы, такъ что съ сѣвера на югъ она занимаетъ 122 географическихъ или $30^1/_2$ нѣмецкихъ миль, съ востока до запада 94 географическихъ или $23^1/_2$ нѣмецкихъ миль, а вся поверхность среднимъ числомъ занимаетъ пространство въ 465 квадр. мил. Во время существованія израильскаго царства Палестина то увеличивалась, то уменьшалась, какъ это мы увидимъ, изъ описанія границъ. По устройству поверхности Палестина переходная страна между возвышенной Азіей и Средиземнымъ моремъ. Глубокой долиной Хоръ она дѣлится на двѣ части: восточную и западную, изъ которыхъ восточная—меньшая—простирается отъ подошвы горы Хермонъ до подошвы Арнона и раньше составляла владѣніе царей Сіона Гесбонскаго и Ога Басанскаго подъ названіемъ „Гилеадъ и Вазанъ", или просто „Гильядъ", западная-же большая-часть, составляла собственно Ханаанъ и простиралась отъ Ливана до Аравійской пустыни и отъ Средиземнаго моря до Іордана.

По своимъ границамъ Палестина также имѣетъ весьма важныя преимущества предъ другими странами, такъ какъ со всѣхъ сторонъ она отдѣлена отъ своихъ сосѣдей естественными укрѣпленіями: на сѣверѣ—Ливаномъ и Гермономъ (Антиливаномъ), на востокѣ сирійскою, восточно-іорданскою пустынею и на югѣ Синайскимъ полуостровомъ. Въ разныхъ мѣстахъ библіи мы встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія границъ Палестины: съ сѣвера на югъ „отъ рѣки Египетской до великой рѣки Ефрата", „отъ Ефрата до Западнаго моря" и „отъ пустыни и Ливана до великой рѣки

Ефрата“; а въ 4 кн. 3 гл. 4 § пятикниж. Моисея сѣверною границею указанъ не Ефратъ, а Горъ-Гагоръ; во 2 кн. 23 гл. §§ 30, 31 пятикниж. Моисея пространство будущихъ завоеваній предполагается „отъ Чермнаго моря до Филистимскаго и отъ пустыни до рѣки“; о границахъ палестины при Соломонѣ говорится, что „онъ царствовалъ по сю сторону рѣки“, т. е. отъ Ефрата до Средиземнаго моря. Точно также разсказывается о Давидѣ, что онъ подчинилъ себѣ сосѣднихъ Аммонитянъ, Амаликовъ, Филистимлянъ, Эдомитянъ и Сиріянъ отъ Дамаска до Цобы. Указанія на границы Палестины во время ея завоеванія и дѣленія гласятъ, что она простиралась „отъ пустыни Цинъ до начала Гемафа“ или „отъ горы Сербизъ до горы Хермонъ“, также „отъ Дана до Берзебы“ или „отъ Берзебы до Дана“. При сравненіи всѣхъ этихъ данныхъ съ извѣстными границами Іудейскаго царства, восточно-іорданскихъ провинцій и др., мы въ общемъ должны признать слѣдующія границы:

На западѣ Средиземное море, называемое „море“, „великое море“, „западное море“, „море Филистимлянское“ или точнѣе „отъ Египетской рѣки Вады-эль-Арджъ до юга“. Сѣверная граница: полоса отъ Сидона до горы Оръ, оттуда до Хермона, до Дежебель-эс-Сейка и далѣе полоса къ Гамату до деревни Кнанъ, слѣдовательно: отъ моря около Сидона, или немного сѣвернѣе этого, противъ Хермона, отсюда черезъ Целезію граница идетъ сѣвернѣе вокругъ Антиливана, вдоль восточной его отлогости, къ югу до владѣній Дамаска. Восточную границу составляетъ: Восточноіорданская область, т. е. линія отъ деревни Кнанъ, владѣнія Дамаска по направленію къ озеру Тиберію и все теченіе Іордана до южной границы Мертваго моря. Южную границу Палестины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Трансіорданской области составляетъ: Арнонъ, т. е. Вади-Маджибъ, а Цисіорданской области—цѣпь скалистыхъ горъ, обращенная на югъ къ Мертвому морю, тянущаяся въ пустынѣ Цинъ черезъ Кадышъ-Барнея до устья Египетской рѣки, немного южнѣе Мертваго моря по направленію къ Скорпіонскимъ высотамъ. По описанію талмуда, границы Палестины меньше въ сравненіи съ границами, указанными въ завѣтахъ Авраама и Моисея, но талмудъ разсматриваетъ современную ему Палестину, жители которой составляли евреи-поселенцы, возвратившіеся изъ Вавилонскаго плѣна, поэтому, по словамъ талмуда, сѣверная граница Палестины Хезибъ нынѣшній Джибъ, который находится

„въ 3 часахъ сѣвернѣе Акко“, а сѣверная граница древней Палестины проходитъ далѣе Хезиба до рѣки и горы Амана. Въ другомъ мѣстѣ сѣверною границею указана покатость горы Амана. Разнообразныя подраздѣленія Палестины были установлены только примѣнительно къ существовавшимъ въ ней поземельнымъ налогамъ — десятины, первыхъ плодовъ, субботняго года и т. д., что, естественно, не могло относиться къ пограничнымъ землямъ, населеннымъ язычниками, хотя онѣ и не были исключены изъ границъ Палестины; наоборотъ о нихъ ясно упомянуто, что: „пограничные города, напр. Аскаломъ и др., хотя и не обязаны десятиннымъ и т. п. налогами, принадлежатъ, однако, Палестинѣ и т. д.“. При бракчныхъ разводахъ и т. д. даже Палестинскіе города, населенные язычниками, разсматривались, какъ иностранные. Такимъ образомъ, Палестина по толкованію талмуда имѣла своими границами: на Сѣверѣ Сирію, на Востокѣ Гилеадъ, на С.-В. Соленое озеро, на С.-З. рѣку Зихоръ и на Западѣ Средиземное море.

Сообразно устройству поверхности страны Палестина дѣлилась на три части: Восточно-іорданскую область, Горъ и Западно-іорданскую область.

а) Восточно-іорданская область иначе называлась „къ восходу“, „Гилеадъ и Базамъ“, или даже просто „Гилеадъ“, а впослѣдствіи и „Перея“.

Она представляетъ собою плоскогоріе въ 1200—2000 фут. высоты надъ уровнемъ моря, простирающееся далеко на востокъ и теряющееся въ Ефратской степи. На югѣ это плоскогоріе становится уже, а на западѣ оно ниспадаетъ крутыми горными стѣнками отъ 2—3000 ф. въ Іорданскую долину.

Она орошается нѣсколькими большими рѣками, какъ Гіеромаксъ (Ярмукъ), Ябокъ (Церка), Арнанъ (Мадша), малымъ Вадисомъ и др. р., впадающими въ Іорданъ и Мертвое море и дѣлится на слѣдующія главныя части: равнина Мишоръ, Гилеадъ и Базанъ. Равнина Мишоръ простирается на югѣ отъ Джебель Джелада до Вади Мадшиба, т. е. простирается немного далѣе Керака, до рѣки Эль-Эши. Область Базанъ состоитъ изъ Сѣвернаго Хермонскаго плоскогорія, (съ Гермона до Гіеромакса), область Гилеадъ — представляетъ гористую мѣстность отъ Гіерамакса до Джебль-Джелада включительно. Въ эпоху завоеванія этой страны евреями на югѣ отъ Гилеада царствовалъ король Сіонъ Гесбонскій, а на сѣверѣ: въ одной части Гилеада и въ Базани—король Огъ Базанскій, Асто-

рофскій и Эдрейскій. По завоеваніи страны, королевство Ога получило въ удѣлъ полъ колѣна Манасія королевство Сіонъ — колѣна Рувима и Гада. Замѣчательнѣйшими городами королевства Ога были: Яирсъ, Гессуръ, Мааха, Аргобъ, а Сіонскаго королевства — Ябесъ-Рамофъ, и Яазаръ. Въ періодъ существованія 2-го храма подъ названіемъ „Гилеадъ“ разумѣли всю Восточно-іорданскую область; въ ней были тогда замѣчательные города: Арамата, Ариману, Ябизосъ или Ябистусъ, Тесбаны и мн. др. Древній Базанъ распался на 5 областей: Верхній Галанитесъ съ гор. Сагана и нижній—съ гор. Гамалой; Отурея—на восточномъ склонѣ Джебель-Гейша, Авронитисъ — на югѣ его—нынѣшнее Иранское плоскогоріе, Трахонитисъ—въ восточной части Иранскаго плоскогорія и, наконецъ, Батанея—въ нынѣшнемъ Джебель-Иранѣ. в) Іорданская долина—на библейскомъ языкѣ: „окрестность Іордана“, или просто „окрестность“, или равнина „Араба“, обнимаетъ собою долину, извѣстную теперь подъ именемъ „Эль-Горъ“, расположенную по обѣимъ сторонамъ рѣки Іордана отъ озера Генезарета до Мертваго моря. Она начинается при истокѣ Іордана у подошвы Гермона, простирается оттуда почти въ прямомъ направленіи къ югу, окруженная скалами по обѣимъ сторонамъ, все болѣе понижаясь къ уровню Средиземнаго моря. У южнаго берега Мертваго моря она имѣетъ въ ширину разстояніе отъ 2 до 4 часовъ ходьбы, у Ерихона — до 3 часовъ, а у Бетзена — до 2 часовъ, далѣе она тянется, слегка понижаясь, до Алматскаго залива. Климатъ настоящій тропическій, и это потому что мѣстность эта по обѣимъ сторонамъ окружена горами, которыя, накопляя теплоту, не допускаютъ охлажденія атмосферы, а потому плоды здѣсь зрѣютъ на цѣлый мѣсяцъ раньше обыкновеннаго. Западно-іорданская область въ библіи извѣстна подъ названіемъ: „страна по ту сторону Іордана“, „къ вечеру“, „къ заходу солнца“, и состоитъ изъ возвышенной, узкой прибрежной полосы у Средиземнаго моря, только къ югу расширяющейся. Сѣверную часть ея составляютъ Верхняя и Нижняя Галилея, которыя расположены на возвышенности съ дикими горными скалами, какъ Джебель — Зейфадъ и Нафтолійскія горы, подымающейся до 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря, обхватывающей бассейнъ озера Меронъ, и затѣмъ круто спускающейся въ Назаретскія горы, образующія сѣверную границу Эздрельонской равнины. Сѣверная, или Верхняя Галилея — высокая, волнообразная горная страна съ плодо-

носной почвой и часто смѣняющими другъ друга, густо поросшими горами и плодоносными долинами, напротивъ Южная или Нижняя Галилея, расположенная между озеромъ Генезаретомъ и бухтой Акре, составляетъ обширное плоскогоріе, которое у Тиберіанскаго озера постепенно переходитъ въ широкую равнину. Къ ней причисляется также и равнина Себулунъ, составляющая переходъ къ долинѣ Іезреель, которая отдѣляетъ Галилею отъ Самаріи. Долина Іезреель орошается ручьемъ Кизонъ и представляетъ одну изъ благодатнѣйшихъ и обширнѣйшихъ равнинъ на востокѣ Гильбоаскихъ горъ. Она простирается на значительное пространство отъ Ю.В. къ С.З. до моря и оканчивается у бухты Акко, а къ югу она граничитъ съ отраслью горъ Кармеля. Южную часть Іорданской области составляютъ Самарія и Іудея.

Восточно-іорданская область между 12 колѣнами дѣлилась иначе: еще при Моисеѣ она была раздѣлена между $2^1/_2$ колѣнами Іудеевъ, при чемъ колѣно Рувима получило въ удѣлъ часть къ югу отъ Арнона до Вады—Сеира, Гадъ—часть немного сѣвернѣе, а $^1/_2$ колѣна Менасія часть къ востоку отъ Арнона. Заподноіорданская область дѣлилась между остальными $9^1/_2$ колѣнами, при чемъ колѣна Іуды и Симона получили южную часть, колѣно Нафтолія,—сѣверную, владѣнія колѣна Ашеръ простирались къ западу отъ нихъ, $^1/_2$ колѣна Менасія расположилось къ югу отъ послѣдняго, а колѣно Исашоръ— въ восточной части; къ югу отъ Іордана до Средиземнаго моря простирались владѣнія колѣна Эфраима, къ западу отъ него находились владѣнія колѣна Данъ, а къ востоку—Веніамина. Въ послѣднюю эпоху существованія 2-го храма Палестина дѣлилась на Іудею, Самарію, Галилею и Перею, а въ началѣ 5 столѣтія она дѣлилась на слѣдующія части: 1) Палестина prima, къ которой причислялась сѣверная часть Іудеи съ Іерусалимомъ, Самарія, и весь филистимлянскій берегъ. 2) Палестина secunda, которая обнимала Галилею и сѣверную часть Переи съ г.г. Цезарея и 3) Палестина tertia (салутарисъ) — занимавшая всю окрестность Мертваго моря, т. е. южную часть Іудеи, южную Перею и часть Аравіи petracae съ г.г. Спитополисъ (впослѣдствіи Назаретъ). Въ періодъ крестовыхъ походовъ вновь основанное Іерусалимское царство дѣлилось на нѣсколько небольшихъ феодальныхъ, или ленныхъ владѣній. Позднѣйшее раздѣленіе Палестины произошло въ 1832 году, когда она на короткое время подпала подъ власть Египта и раздѣлилась на Восточно-іорданскую и Западно-іорданскую области.

а) Къ восточно-іорданской области причислялись: Ель-Гаце, Ель-Калилъ, Эль-Кудсъ, Лудъ и Яффа, Набулусъ, Хаифа, Насирей, Тебаріе, Спафедъ, Эсъ-Сергуръ, Эль-Джебель, Акко, Беладъ, Бешара, Беладъ-эс-Секифъ и округъ Вади-эт-Теймъ. б) Восточно-іорданская область дѣлилась на округи: Джедуръ—на сѣверѣ великаго плоскогорія Джебель-Гейшъ, Дшоланъ—къ югу отъ послѣдняго до Серіатъ-Эль-Мандура, Батинъ и Эцвейтъ. Къ ней еще причисляются: Гауранъ, т. е. часть плоскогорія къ востоку отъ Ботина и Эцвейта, которая простирается до кряжа холмовъ Джебель Казвей по направленію Джебель-Гаурана; Джебель-Адшлунъ занимаетъ все плоскогоріе къ востоку отъ Іордана между рѣками Серіатъ-Эль-Мандуръ и Церка. Къ югу отъ него находится провинція Эль-Белка—страна между Вади-Церкою и Вади-Маджибъ.

Въ талмудѣ мы находимъ другое дѣленіе Палестины на Іудею, Галилею и Восточно-іорданскую область, Самарія-же встрѣчается только какъ граница, отдѣляющая Іудею отъ Галилеи.

Каждая изъ этихъ частей Палестины составляла самостоятельную провинцію, управляемую своими собственными законами и въ отношеніи къ ней остальныя провинціи имѣли значеніе иностранныхъ. Главную роль между ними играла Іудея, которая и считалась собственно Палестиной. Въ ней опредѣлялось начало новолунія, посвящались первосвященники; тутъ именно еврейскій языкъ сохранился во всей своей чистотѣ и къ ней-же обращались за толкованіями законовъ Моисеевыхъ. Только впослѣдствіи, когда евреи стали вслѣдствіе преслѣдованій переселяться изъ Іудеи, она уже теряетъ свое первенствующее значеніе, и Галилея начинаетъ соперничать съ нею. Ниже стояла Восточно-іорданская область, о которой поэтому и говорится, что она не достойна быть мѣстомъ откровенія Божьяго

Климатъ. Климатъ Палестины по положенію ея подъ 32° широты можетъ, вообще, быть названъ умѣренно-теплымъ и измѣняется сообразно устройству поверхности страны. Вершина Джебель Сейка покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, а у подошвы этой-же горы раположена плодносная долина Дшоламъ, украшенная вѣчною зеленью. Въ долинѣ Горъ и Мертваго моря, вслѣдствіе низкаго положенія своего, между окаймляющихъ ихъ со всѣхъ сторонъ высокихъ и крупныхъ горъ, не пропускающихъ влаги западныхъ вѣтровъ, господствуетъ такая жара, что растенія тамъ увядаютъ. Вообще можно сказать,

что на возвышенностяхъ климатъ холоднѣе и суровѣе, а въ низменностяхъ—жарче.

Вслѣдствіе не ровной поверхности отдѣльныя части Сиріи имѣютъ совершенно различный климатъ.

Жители Сиріи знаютъ только 2 времени года: дождливое и время полнѣйшей засухи (отсутствіе дождей). Весна, самое пріятное время года, продолжается отъ половины марта до половины мая. Отъ начала мая почти до конца октября небо совершенно чисто и не покрыто никакими облаками. Громъ и дождь во время жатвы пшеницы составляютъ тогда рѣдкое явленіе. Въ маѣ еще бываютъ иногда грозы и легкіе дожди. Къ лѣту показываются въ горахъ туманы, но въ серединѣ лѣта они окончательно исчезаютъ и атмосфера становится замѣчательно ясной и чистой; особенно въ вечерніе часы это замѣтно по блеску мѣсяца и звѣздъ. Ночью лѣтомъ появляется роса, иногда даже довольно обильная. Въ Палестинѣ дуетъ постоянно въ продолженіи 60 дней западный вѣтеръ, впродолженіи 40 дней югозападный вѣтеръ и впродолженіи 100 дней сѣверозападный. Восточные и южные вѣтры оказываютъ гибельное вліяніе на страну, такъ какъ они дуютъ изъ жаркихъ, совершенно безводныхъ странъ. Восточный вѣтеръ, по преимуществу, устанавливается во второй половинѣ мая передъ началомъ дождливаго времени. Онъ высасываетъ всю влагу и если онъ попадаетъ на хлѣбные злаки до времени ихъ полнаго созрѣванія, то можетъ разрушить всѣ надежды на урожай. Онъ продолжается иногда нѣсколько дней сряду и поднимаютъ температуру до 40° С, а иногда и выше. По временамъ онъ дуетъ бурными порывами; атмосфера въ это время какъ бы окутана въ какой то покровъ. Людямъ вѣтеръ этотъ причиняетъ головную боль и безсонницу. Восточному вѣтру (сирокко) родствененъ египетскій хамсинъ, (южный вѣтеръ), называемый такъ потому, что дуетъ въ продолженіи 50 (хамсинъ) дней на Востокъ. Вслѣдствіе отсутствія дождей природа теряетъ всю свою прелесть и прекрасна только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Дамаскѣ, есть достаточное количество воды, которой можно искусственно орошать землю. Почва пустыни тогда покрывается сухими кустарниками; источники и ключи все болѣе и болѣе изсякаютъ. Многіе люди спятъ лѣтомъ на крышахъ домовъ.

Время жатвы различно; во внутри лежащихъ мѣстностяхъ жатва пшеницы начинается въ маѣ, а въ болѣе отдаленныхъ—въ первой половинѣ іюня. Жатва ячменя начинается часто еще въ апрѣлѣ.

Къ концу октября начинаютъ надвигаться облака и дождливое время начинаетъ проявляться рѣдкими грозами. Совершенно высохшая земля становится вслѣдствіе этого настолько рыхлой, что земледѣльцы уже могутъ пахать. Югозападный и южный вѣтеръ приносятъ съ собой проливные дожди, которые обыкновено продолжаются одинъ, или нѣсколько дней. Въ промежуткахъ сѣверозападный вѣтеръ приноситъ съ собой прекрасную погоду на нѣсколько дней. Ноябрь очень часто въ Сиріи еще относится къ такъ-называемому старому лѣту, но природа уже почти окончательно замираетъ къ тому времени. Декабрь болѣе бурный мѣсяцъ; январь и февраль, въ большинствѣ случаевъ, холодны и дождливы; на высокихъ горахъ выпадаетъ въ январѣ снѣгъ. Позднѣе дожди бываютъ въ мартѣ и апрѣлѣ и ускоряютъ время жатвы. Бездождіе или незначительные дожди имѣютъ вредное вліяніе и нерѣдко порождаютъ въ странѣ голодъ, такъ какъ пути сообщенія находятся въ это время въ невозможно-плохомъ состояніи, къ тому же стада не имѣютъ тогда никакихъ пастбищъ. Въ Сиріи, собственно говоря, не падаетъ много дождя. Частые проливные дожди иногда разрушаютъ глиняныя хижины; вообще тамошніе проливные дожди болѣе бурны, чѣмъ наши. Въ Бейрутѣ падаетъ больше дождя, чѣмъ въ Іерусалимѣ, а въ болѣе высо ихъ мѣстностяхъ у Іордана — меньше.

Различія въ температурѣ Сиріи значительны; внутри страны, въ пустынѣ и, несмотря па высоту мѣста, въ палестинскихъ, расположенныхъ на горахъ мѣстностяхъ, термометръ иногда показываетъ ниже 0. Особенно степной климатъ мѣстностей, къ востоку отъ Іордана и Сиріи, вообще, подверженъ колебаніямъ въ температурѣ. Термометръ можетъ здѣсь еще въ мартѣ показывать ночью ниже 0, а въ обѣденное время 25° С. Въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Алеппо ежегодно почти выпадаетъ снѣгъ, но онъ не держится болѣе одного дня; въ мѣстахъ къ Востоку отъ Іордана онъ лежитъ иногда нѣсколько дней, а на Ливанѣ цѣлый годъ. Самая высокая температура, какую Барклай нашелъ въ Іерусалимѣ— 33° С., самая низкая— 2,3°.; средняя температура—17° С. Эти указанія должны бы имѣть значеніе и для возвышенныхъ мѣстъ. Жара въ Дамаскѣ, Алеппо, а также и въ пустынѣ еще значительнѣе, такъ какъ высокія горы на сѣверо-западѣ задерживаютъ морской прохладный вѣтеръ. Температура морского берега въ общемъ выше температуры сосѣднихъ странъ; все таки жара сноснѣе, бла-

годаря морскому вѣтру. Исключая дней, когда дуетъ сирокко, здѣсь, въ Дамаскѣ, дуютъ по вечерамъ правильные вѣтры.

Совершенно своеобразный климатъ въ Iорданской долинѣ. Уже первое озеро, въ которое впадатъ Iорданъ, трехъугольная Hûle, находится на растоянiи 83 миль отъ Средиземнаго моря. Недалеко отъ этого Iорданъ углубляется въ ущелье подъ уровнемъ моря. Вся полоса земли по теченiю Iордана до Мертваго моря (394 мили) называется по арабски el-Shör, (спускомъ). Климатъ сходенъ съ климатомъ Египта, но далеко не такъ здоровъ. Жара лѣтомъ ужасна. Американецъ Линхъ наблюдалъ 8-го мая 43° С. въ тѣни. Время жатвы въ el-Gôr'ѣ начинается раньше, чѣмъ въ остальной Сирiи, а именно въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая.

О плодородiи Палестины библiя выражается слѣдующимъ образомъ: «это страна текущая молокомъ и медомъ», въ ней «питаются медомъ изъ камня, елеемъ изъ скалы кремнистой», это „страна пшеницы, ячменя, вина, винныхъ ягодъ, гранатовъ, сливъ, елея и меда". То-же воспѣвается о Палестинѣ еврейскими писателями позднѣйшаго времени. Самыми замѣчательными по своему плодородiю мѣстностями были—вся приморская равнина отъ Газа до Кармеля, равнина Эздрельонъ, Генезаретская и т. д. Въ нихъ производились: a) *хлѣбныя растенiя*: пшеница, ячмень, просо, чечевица, бобы, ленъ, хлопокъ; b) *овощи*: лукъ, чеснокъ, огурцы, дыни, капуста и т. д.; c) *коренья:* тминъ, каляндра (кишнецъ), мята, укропъ, горчица и т. д.; d) *цвѣты*: лилiя, нарциссъ, роза, шафранъ; и т. д. e) *травы:* лебеда, полынь, колдунова трава, орокъ, кипарисъ, бальзамъ, стиракосовое дерево (смола) и т. д.; f) *деревья*: 1. *лѣсныя:* кедръ, кипарисъ, дубъ, грецкiй орѣхъ, мирта, ива, береза и нѣкоторыя другiя; 2. *плодовыя*: виноградъ, оливковое дерево, финиковая пальма, смоковница, яблоня, гранатовое дерево и нѣкоторыя другiя. Своимъ плодородiемъ особенно славилась Галилея, гдѣ воздѣлыванiе елея служило неисчерпаемымъ источникомъ всеобщаго благосостоянiя и съѣстные припасы были тамъ въ такомъ изобилiи, что они даже вывозились въ Iудею. Окрестности Ципары были богаты и славились хлѣбными деревьями и растенiями. Окрестности Гисхалы славились масличными деревьями, Хорацина и Капернаума—своею прекрасною пшеницею и Сеганы—своимъ виномъ. Благодатнѣйшими мѣстами, считались окрестности Генезарета, въ которыхъ, вслѣдствiе жаркаго климата, плоды созрѣвали мѣсяцемъ раньше. Произраставшiя здѣсь лимоны, финики, оливы, миндали, дыни и

и т. д. считались лучшими въ Палестинѣ. Кромѣ того, жители занимались скотоводствомъ и другими выгодными въ то время промыслами. Іудея, жители которой, вслѣдствіе плодородной почвы, занимались скотоводствомъ и выдѣлкой овечьей шерсти, также играла весьма видную роль. Вообще, сложилась поговорка: «въ Палестинѣ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, даже перецъ здѣсь есть, ибо сказано: „тебѣ здѣсь не будетъ ни въ чемъ недостатка». Это изобиліе плодовъ въ Палестинѣ прославляли еще учителя 2-го столѣтія: Ребъ-Мейеръ, Ребъ-Іонатанъ, Ребъ-Іозе, Ребъ-Іуда и мн. др., но съ выселеніемъ изъ этой страны евреевъ, этихъ прилежнѣйшихъ и искуснѣйшихъ тогда земледѣльцевъ, земледѣліе въ ней падаетъ, о чемъ талмудъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „пока Палестину населяли евреи—въ ней было просторно, теперь же она стала тѣсною". „Прежде въ Іудеѣ былъ хлѣбъ, въ Галилеѣ солома, а въ Восточно-іорданской области мякина, теперь-же въ Іудеѣ и Галилеѣ только мякина, а въ Восточно-іорданской области ничего".

Еще и теперь большая равнина Гаурана, такъ называемая Nukia, служитъ житницей для всей сѣверной Аравіи. Главные пункты для вывоза хлѣба—Яффа, Акка и Бейрутъ. Кромѣ пшеницы, разводится burghul, обыкновенная пища сирійскихъ крестьянъ; его приготовляютъ изъ закваски и сушатъ на солнцѣ. Изъ ячменя приготовляютъ хлѣбъ; въ большинствѣ случаевъ ячмень служитъ кормомъ для скота. Овесъ растетъ въ Сиріи только въ дикомъ состояніи и въ неупотребительныхъ видахъ. Кромѣ пшеницы и ячменя разводится также Dohân – пшеница (Holcus Sorghum); рожь, маисъ, фасоль, горохъ и чечевица встрѣчаются въ ихъ собственныхъ видахъ. Анисъ и укропъ разводятся въ Дамаскѣ; лакрица встрѣчается преимущественно въ сѣверной Сиріи (ежегодно вывозится 2,600 центнеровъ); также попадаются въ торговлѣ розовыя листья. Весьма важна торговля сухими абрикосами (mischmisch), которая ведется Дамаскомъ; они сушатся на солнцѣ и ежегодно приготовляется ихъ отъ 60,000—75,000 центнеровъ; косточки абрикосовъ составляютъ совершенно отдѣльный предметъ торговли, которыхъ ежегодно обращается въ торговлѣ отъ 8,800—10,000 центнеровъ. Въ окрестностяхъ Дамаска добывается ежегодно 2,500 центнеровъ изюма лучшаго сорта и отъ 40—50 тысячъ центн. худшаго; изъ изюма приготовляется вино и водка; только въ новѣйшее, время, преимущественно въ окрестностяхъ Іерусалима, пытались приготовить вино

европейскимъ способомъ изъ винограда и достигли прекрасныхъ результатовъ. Вино Ливана славится, какъ „Vino d'oro".

Орѣхи (djoz) прибываютъ преимущественно изъ Средней Сиріи; ежегодно собираютъ почти 12,000 центнеровъ; фисташковые орѣхи (fustuk) получаются изъ сѣверной Сиріи (Алеппо) ежегодно въ размѣрѣ отъ 7,500—10,000 центн. Сирія—родина оливковаго дерева; еще теперь оливки (zêtûn) составляютъ главный продуктъ страны; въ большинствѣ случаевъ они употребляются въ самой странѣ и служатъ для производства мыла. Вокругъ Дамаска собирается ежегодно 3,150 центнеровъ зеленыхъ оливъ и 4,000 худшихъ, черныхъ. Многія изъ нихъ съѣдаются; масло, добываемое изъ нихъ, не очищается хорошо и имѣетъ, поэтому, непріятный вкусъ. Разведеніе оливковыхъ деревьевъ постоянно увеличивается, особенно на берегу Триполи и Саида. Ежегодно производится въ Сиріи около 15,000 центнеровъ оливы. Для приготовленія оливы служитъ также кунжутъ, который разводится на сѣверѣ всей Сиріи, начиная отъ Дамаска (также встрѣчается на Іедреелѣ) ежегодно отъ 50—400 центнеровъ. Въ средней Сиріи разводится, кромѣ того, много alizari (коренья морены для красокъ) ежегодно около 3,750 центн.

Сирія славится своимъ табакомъ. Производство его въ 1872 г. доходило до 25,000 центн., изъ которыхъ $^4/_5$ вывозится.

Въ пустыняхъ у Дамаска, къ Востоку отъ Іордана, а также въ Джбель-Адилунѣ и Белкѣ, добывается изъ соляныхъ пластовъ кали, ежегодно 12,500 центнеровъ. Кали употребляется на мыловаренныхъ заводахъ внутри страны. Почти ежегодно приготовляется 50,000 центнеровъ мыла для собственнаго употребленія, преимущдственно въ большихъ городахъ.

Одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли сѣверной Сиріи составляютъ чернильные орѣшки, продуктъ мѣстныхъ дубовъ; они употребляются для красокъ и въ большихъ размѣрахъ вывозится въ Европу. Кора гранатовыхъ деревьевъ составляетъ важный предметъ для кожевенныхъ заводовъ. На склонахъ Антиливана растутъ кожевенныя деревья, доставляющія кожу, но въ не значительномъ количествѣ. Занятіе ловлей губки на сирійскомъ берегу, сѣвернѣе Бейрута, значительно и даетъ работу многимъ людямъ. Въ 1882 году было произведено 280 центн. трута, стоимостью въ 560,000 франковъ; добываемое количество не всегда одинаково.

Хлопчатая бумага разводилась и выдѣлывалась еще древними евреями. Эта отрасль промышленности славилась еще въ средніе

вѣка, но она много потерпѣла отъ конкурренціи иностранныхъ товаровъ. Еще и теперь приготовляются на первобытныхъ станкахъ куски грубой, но прочной ткани и, въ большинствѣ случаевъ, употребляются внутри страны. Въ 1869 году количество вывезенной хлопчатой бумаги въ сыромъ видѣ достигало 42,000 центнеровъ. Самый большой транспортъ хлопчатой бумаги идетъ въ Мерсину, страну, лежащую внѣ Сиріи.

Въ большомъ количествѣ разводится шелковица съ бѣлыми плодами (Morus alba), служащая для производства шелка. Она посажена только въ царствованіе Юстиніана въ Сиріи. Шелковичные черви были перенесены изъ Средней Азіи и быстро распространились лись въ окрестностяхъ Бейрута и Тира. Извѣстно, что во время крестовыхъ походовъ уже производился въ Сиріи шелкъ. Во всемъ Ливанѣ тутовое дерево (шелковица) занимаетъ въ садахъ первое мѣсто; оно нуждается въ хорошемъ орошеніи и удобреніи и почва къ тому должна быть рыхла. Производство принесло въ 1872 году 50,000 центн. коконовъ. 10 лѣтъ тому назадъ сѣмена были опять привезены изъ Япана, такъ какъ сирійскіе черви погибли отъ повальной болѣзни. Въ новѣйшее время яички шелковичныхъ червей сдѣлались важнымъ предметомъ торговли на европейскихъ рынкахъ; впослѣдствіи начали производить для европейскихъ рынковъ шелкъ въ сыромъ видѣ. Какъ при хлопчатой бумагѣ, такъ и при шелкѣ внутренняя промышленность сравнительно съ прежними временами потерпѣла убытки. Онъ—шелкъ—выдѣлывается только для внутренняго потребленія, а не для заграничныхъ рынковъ. Въ Бейрутѣ, Дамаскѣ, въ отдѣльныхъ частяхъ Ливана, Антіохіи и Алеппо, выдѣлываются на первобытныхъ станкахъ шелковыя матеріи.

Кромѣ названныхъ растительныхъ матеріаловъ, въ Сиріи встрѣчается еще множество другихъ, но только на внутреннихъ рынкахъ. Сюда же относится ленъ. Сахарный тростникъ встрѣчался въ прежнія времена впродолженіе многихъ столѣтій разводился у Триполи и Антіохіи, а въ новѣйшее время— у Акки и Яффы. Финиковая пальма ростетъ только на южныхъ береговыхъ полосахъ Палестины и въ дикомъ состояніи (безъ плодовъ), въ ущельяхъ на восточномъ берегу Мертваго моря; кромѣ того, онъ попадается внутри страны.

Изъ деревьевъ, растущихъ въ Сиріи, слѣдуетъ, прежде всего, назвать кедръ, который теперь, какъ и кипарисъ, встрѣчается тамъ,

однако, очень рѣдко. Напротивъ, пинія (южная сосна) еще очень распространена на западныхъ склонахъ Ливанона. Въ Іорданской долинѣ встрѣчается тамаринъ и тополь. Что касается дуба, то на сѣверѣ и востокѣ Палестины преобладаетъ фаланійскій дубъ, а южнѣе Кармила — каменный дубъ. Теребинта тоже растетъ въ большомъ количествѣ. Бѣлый, или серебряный тополь разводится вокругъ Дамаска и служитъ преимущественно строевымъ матеріаломъ; въ большомъ количествѣвстрѣчается хлѣбное дерево (caroubier= арабски charrûb); его плоды служатъ пищей для болѣе бѣднаго класса жителей.

Сирія обладаетъ громаднымъ выборомъ фруктовыхъ деревьевъ; виноградная лоза распространена по всей странѣ; она не поддерживается палками, но вьется по землѣ, или по деревьямъ. Весьма распространено фиговое дерево; свѣжія или сухія фиги служатъ въ пищу, а потому большую часть года можно даже и на каменистой почвѣ встрѣчать эти деревья и срывать съ нихъ плоды. Фиговое дерево въ дикомъ видѣ встрѣчается спорадически. Глубокимъ лѣтомъ кактусъ, образующій въ болѣе теплыхъ мѣстахъ непроходимые колючки, даетъ очень сладкіе плоды, замѣчательные по своимъ косточкамъ. Груши и яблоки очень рѣдки; гранаты не имѣютъ того вкуса, какой они имѣютъ въ Египтѣ и Багдадѣ. Яффа славится своими апельсинами, которые тамъ ростутъ въ большомъ количествѣ и вывозятся оттуда; также встрѣчаются и лимоны; изъ фруктовъ тамъ попадаются персики и миндаль.

Въ Сиріи весьма высоко цѣнятъ огурцы; они потребляются жителями въ сыромъ видѣ; длинные, зеленые огурцы съ бугорчатой скорлупой самые сочные. Также пользуются и латукомъ. Лукъ служитъ въ большинствѣ случаевъ приправой къ пищѣ; самый лучшій лукъ растетъ на песчаной почвѣ вокругъ Аскалона. Маланы ростутъ въ различныхъ видахъ и бываютъ весьма велики. Изъ зелени, кромѣ цвѣтной капусты, заслуживаетъ вниманія яичное растеніе (Meeongena badindjân) и Bâmiyla (tibiscus esculentus); артишокъ и спаржа ростутъ въ дикомъ видѣ, какъ и весьма дорогіе трюфели, въ пустынѣ.

Картофель разводится въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ, у Ябруса, на разстояніи двухъ дней ѣзды къ сѣверу отъ Дамаска и у Іерусалима.

VII. Древнее населеніе Палестины составляло сильное племя великановъ (Рефаимы), которые жили въ разныхъ мѣстахъ этой

страны, подъ разными названіями: 1) Въ Восточно-іордаоской области, иначе называемый страной Рафаимовъ, гдѣ надъ Ханаанскимъ племенемъ Эморитянъ царствовалъ Огъ Базанскій. 2) Емимами они назывались въ странѣ Моавитянъ, и состояли изъ жителей равнины Киріафаима. 3) Энаковъ. 4) Замзумимами назывались жители страны, подчиненные Моавитянамъ, и 5) Аффимами они назывались въ странѣ Филистимлянъ. Впослѣдствіи въ Палестинѣ поселились Филистимляне, затѣмъ Ханаанитяне и позже евреи. Выгодное положеніе Палестины у Средиземнаго моря, между Ефратомъ и Ниломъ, ея плодородная почва, прекрасное орошеніе и множество покрытыхъ густыми лѣсами горъ, постоянно возбуждало привязанность и любовь ея жителей къ своей родинѣ, такъ что объ этомъ сложились изрѣченія: „Это земля, о которой Господь Богъ твой постоянно печется, Его око обращено на нее съ начала до конца года“, „земля, въ которой безъ скудости будешь ѣсть хлѣбъ и ни въ чемъ не будешь имѣть недостатка; земля, камни которой—желѣзо, и изъ горъ которой ты будешь высѣкать мѣдь“, „земля потоковъ, источниковъ и озеръ какъ въ долинахъ, такъ и на горахъ“. Палестина имѣетъ для евревъ еще и духовное значеніе: это обѣтованная земля, мѣсто славныхъ сраженій и чрезвычайныхъ историческихъ событій, мѣсто, гдѣ пророки и талмудисты повѣдали міру столь божественное ученіе о добродѣтели, счастіи народовъ, мѣсто, гдѣ впервые былъ воздвигнутъ храмъ во славу чистой идеи о единомъ Богѣ. Поэтому не удивительно, если еврей цѣлыя столѣтія послѣ разрушенія храма съ горячей любовью вспоминаетъ о странѣ, гдѣ похоронено его былое величіе. Въ талмудѣ встрѣчаемъ много изрѣченій учителей 4-хъ первыхъ столѣтій послѣ разрушенія храма, выражающихъ горячую тоску тогдашнихъ евреевъ по Палестинѣ. И чѣмъ тяжелѣе для нихъ становятся жизнь въ Палестинѣ, чѣмъ ужаснѣе становятся преслѣдованія Римлянъ, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ любовь евреевъ къ странѣ, съ лица которой ихъ хотятъ стереть. Палестина пріобрѣла славу „Святой земли“, жизнь въ кототорой считалось величайщимъ счастьемъ.

Такъ учителя 2 столѣтія, изгнанные Адріаномъ, говорили: „Жить въ Палестинѣ равносильно исполненію всѣхъ заповѣдей Божьихъ“, „кто, училъ Ребъ-Мейеръ, имѣетъ постоянное пребываніе въ Палестинѣ, пріиметъ участіе въ будущей жизни“. „Три награды получаетъ еврей за страданія: Палестину, знаніе и будущую жизнь“. Еще сильнѣе увѣщеванія учителей 3 и 4 сто-

лѣтія о вторичномъ засѣленіи Палестины. „Откровеніе Божественнаго величія— только въ Палестинѣ“, „кто живетъ въ Палестинѣ безгрѣшенъ“.

Царство животное очень разнообразно въ Палестинѣ. Разсмотримъ его по слѣдующимъ категоріямъ.

Млекопитающіяся. 1) Домашнія животныя. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на овцу; еще въ древности стада овецъ составляли значительную часть владѣній. Пустыни и горы страны доставляютъ этимъ скромнымъ животнымъ богатыя пастбища; особенно благопріятно для разведнія овецъ область Белки (восточная часть Іордана). Кочевники пустынь владѣютъ большимъ количествомъ овецъ. Самая обыкновенная порода овецъ это тучныя овцы. Теперь мясо овецъ почти единственное, которое употребляется въ Сиріи: ежегодно доставляются на рынки около 15,000 бараньихъ кожъ. Страна эта не можетъ потребить такой массы, а потому много ягнятъ выгоняются изъ Курдистана. Кишки ихъ употребляются на производство струнъ, а потому вывозятся въ Европу. Овечье молоко высоко цѣнится въ Сиріи и оно, дѣйствительно, прелестно. Изъ Дамаска вывозится ежегодно около 13,000 центн. шерсти. Шерсть Сѣверной Сиріи тоньше, а Алеппо славится, какъ рынокъ для сбыта шерсти (ежегодно произв. около 20,000 ц.).

Козы содержатся только ради молока; козье мясо употребляютъ въ пищу только бѣднѣйшіе классы. Почти каждая деревня Сиріи имѣетъ свои пастбища для козъ. Порода рогатаго скота Сиріи очень невелика. Въ Іорданской долинѣ попадается индійскій буйволъ, который въ Египтѣ встрѣчается въ громадномъ количествѣ. Рогатый скотъ употребляется въ Сиріи преимущественно за плугомъ и убивается только въ Ливанѣ, вслѣдствіе чего изъ Бейрута вывозится большое количество бычачьей кожи.

Верблюдъ попадается почти исключительно въ пустынѣ у бродячаго населенія. Онъ служитъ для верховой ѣзды, переноски тяжестей, а также и для плуга; шерсть его идетъ въ обрабатывающую промышленность. Крестьяне имѣютъ мало верблюдовъ; они одалживаютъ верблюдовъ у бедуиновъ ко времени обработки земли. Навозъ этихъ животныхъ служитъ во многихъ мѣстахъ Сиріи отопительнымъ матеріаломъ.

Лошади употребляются во всей Сиріи, какъ самое удобное средство для перевозки. До времени царей Израильтяне владѣли незначительнымъ количествомъ лошадей. Самыя нѣжныя арабскія

лошади находятся въ рукахъ бедуиновъ, они продаютъ своихъ лошадей неохотно и только по принужденію. Иногда эти нѣжныя животныя составляютъ общую собственность нѣсколькихъ лицъ. Арабская лошадь питается главнымъ образомъ ячменемъ.

Восточный оселъ очень похожъ на дикаго осла; онъ гораздо живѣе европейскаго. Въ Сиріи ослы еще встрѣчаются въ большомъ количествѣ, хотя не въ такомъ, какъ въ Египтѣ; болѣе всего цѣнятся большіе, бѣлые ослы, которые водятся въ сирійской пустынѣ у бедуиновъ. Въ восточн. Сиріи встрѣчаются и дикіе ослы.

Собака и кошка представляютъ на Востокѣ переходъ къ дикимъ животнымъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ есть масса никому не принадлежащихъ собакъ; если ихъ не дразнить, то онѣ только лаютъ, но не кусаютъ. Бѣшенныя собаки вовсе не встрѣчаются на Востокѣ. Никому не принадлежащія собаки сопровождаютъ иногда караваны, если ихъ только кормятъ и могутъ быть по ночамъ полезными, благодаря своей бдительности. На улицахъ городовъ собаки сопровождаютъ санитарную полицію, и уничтожаютъ весьма быстро всякую падаль. На Востокѣ положитеьно невозможно имѣть домашней собаки, потому что другія обыкновенно нападаютъ на нее на улицахъ. Тѣмъ не менѣе часто попадаются прекрасныя охотничьи собаки; туземная порода ихъ обладаетъ замѣчательной красотой.

За собаками слѣдуютъ шакалы (арабски wâwi), которыхъ вой можно часто слышать послѣ захода солнца; они ютятся въ развалинахъ и часто бѣгаютъ цѣлыми сворами. Библейское названіе „лисицы“, вѣроятно, относится къ шакаламъ. Въ Ливанѣ также нерѣдкое явленіе волкъ (арабски dîb). Гіена иногда доходитъ до воротъ Іерусалима, но для человѣка она не особенно опасна.

Домашняя кошка рѣдко встрѣчается на Востокѣ совсѣмъ прирученной, иногда попадаются въ домахъ красивыя длинноволосыя, ангорскія кошки. Дикихъ кошекъ много породъ, тѣмъ не менѣе рѣдко видишь ихъ. Изъ большихъ породъ кошекъ можно назвать леопарда (ар. nimr), который уже почти всюду истребленъ; гепардъ, или охотничьій леопардъ, который теперь довольно рѣдко встрѣчается. Левъ, такъ часто упоминаемый вь библіи, уже давно окончательно вывелся.

Изъ другихъ, хищныхъ животныхъ можно назвать медвѣдя, который иногда попадается въ Ливанѣ; часто встрѣчаются бар-

сукъ и ежъ, причемъ послѣдній встрѣчается, кромѣ европейской породы, еще и въ другой.

Изъ животныхъ, порхающихъ въ Палестинѣ, водится много породъ летучихъ мышей въ трещинахъ Колкской горы. Обезьянъ въ Сиріи вовсе нѣтъ; грызуны водятся въ изобиліи, начиная отъ бѣлки до слѣпца, который очень часто смѣшивается съ кротомъ. Полевыхъ и домашнихъ крысъ—масса; а въ сѣверныхъ поляхъ хомяки, прекрасные скакуны и дикобразы. Зайцы встрѣчаются въ четырехъ породахъ; кроликовъ въ Палестинѣ вовсе нѣтъ, а этимъ именемъ обыкновенно называетъ басыка (Nurrc suriacus), wabr арабовъ, который встрѣчается въ ущельяхъ скалъ; начиная отъ Мертваго моря вплоть до Синая.

Изъ многокопытныхъ—назовемъ свинью; дикая свинья распространена по всей Сиріи. Прирученныя свиньи встрѣчаются только на церковныхъ дворахъ. Но даже нѣкоторые изъ туземныхъ христіанъ не ѣдятъ свинины; лѣтомъ она можетъ очень легко оказаться вредной и гибельной для здоровья.

Наконецъ, животныя, пережевывающія жвачку, попадаются по всей странѣ. Лани распространены по всей Сиріи, какъ по равнинамъ, такъ и по горамъ; въ Восточной Сиріи на нихъ охотятся крестьяне, при чемъ ихъ, какъ и въ Центральной Африкѣ, загоняютъ въ силки; ихъ мясо имѣетъ очень пріятный запахъ. Животныя прекрасно сложены и быстро умираютъ въ неволѣ; бедуины и крестьяне часто привозятъ молодыхъ ланей въ города для продажи. Въ южной Палестинѣ водится козерогъ, преимущественно, въ горныхъ ущельяхъ по берегамъ Мертваго моря.

Изъ *птицъ* попадается въ большомъ количествѣ курица, какъ домашнее животное, но она весьма мала. Утки водятся только въ дикомъ видѣ въ низменности Іордана. На холмахъ всей Сиріи распространена особая порода красивыхъ, большихъ куропатокъ (Caecabis saxatilis); близъ Мортваго моря водятся маленькіе, сѣрые дикіе пѣтухи (Ammaper dix layi). Перепела водятся на всѣхъ поляхъ. Дикіе голуби попадаются преимущественно въ Либанонѣ, гдѣ строятъ для нихъ голубятни. Аисты, журавли и бекасы водятся на равнинахъ Іезреели большими стаями. Изъ хищныхъ птицъ попадаются орлы и коршуны; первыхъ можно встрѣтить массами въ пустыняхъ у Мертваго моря и въ Литани. Воронъ въ Палестинѣ семь различныхъ породъ. Пѣвчихъ птицъ мало; изъ нихъ, преимущественно, попадаются, такъ называемые, палестинскіе соловьи (ар. bulbul), по-

хожіе на дроздовъ. Въ началѣ и концѣ зимы появляются стаи перелетныхъ птицъ, которыя улетаютъ въ Египетъ и южнѣе.

Пресмыкающіяся животныя попадаются массами путешественникамъ. Уже въ своемъ домѣ. путешественникъ узнаетъ по звуку (чикъ, чикъ) ночью геко, животное совершенно безвредное. Въ южныхъ полосахъ поподается въ большемъ количествѣ хамелеонъ; на горахъ арабскій харданъ съ колючимъ хвостомъ и спиною, а въ садахъ прекрасныя пестрыя ящерицы, которыя имѣютъ сходство съ нашими. Крокодилъ попадается въ Палестинѣ чрезвычайно рѣдко; змѣй въ Палестинѣ много и нѣкоторыя ядовиты, тѣмъ не менѣе никогда не слышно про несчастія онъ уязвленій змѣями. Изъ раковинъ попадаются обыкновенныя раковины и рѣдко—маленькія хвостообразвыя раковины.

Рыбой еще и теперь переполненъ Іорданъ и Тибрское озеро. Онѣ плавоютъ противъ, или по теченію, смотря по времени года. Отдѣльныя породы рыбъ можно находить почти въ любой рѣчкѣ. Рыбная ловля въ морѣ значительна и производится обыкновенно при помощи большихъ сѣтей. Въ гадахъ всякаго рода на Востокѣ нѣтъ недостатка. Кромѣ клоповъ и вшей, блохи весьма надоѣдаютъ путешественнику. Мухи (moscіti) въ Палестинѣ не особенно надоѣдливы; никакой опасности не представляютъ также осы и шмели, являвшіяся иногда союзниками избраннаго народа во времена Іисуса Навина.

Ихъ ближайшіе родичи,—пчелы, довольно полезны въ настоящее время. Гнѣзда сихъ послѣднихъ встрѣчаются очень часто въ расщелинахъ скалъ, медъ на Востокѣ употребляется во многихъ блюдахъ, требующихъ большей или меньшей сладости. Медъ, иногда, замѣняется, такъ называемымъ, dibs, родомъ сиропа, приготовляющагося изъ винограда, винныхъ ягодъ, или другихъ какихъ-либо фруктовъ.

Невыразимое мученіе доставляютъ саранчи, уничтожающія очень часто всю жатву. Необозримыми массами прилетаютъ онѣ изъ Центральной Аравіи, мгновенно накидываются на поля, пожираютъ всю зелень, оставляя обнаженными даже деревья и кусты. Бедуины сушатъ саранчей, собираютъ ихъ въ мѣшкахъ и затѣмъ ѣдятъ ихъ, прибавляя нѣсколько соли, сырыми или же вареными; извѣстный путешественникъ, Бэдекеръ увѣряетъ, что это далеко не дурное блюдо. Обойдя молчаніемъ жуковъ и бабочекъ, какъ насѣкомыхъ, представляющихъ интересъ исключительно для собирателей, мы упо-

мянемъ только о скорпіонѣ, который находится вездѣ подъ камнями и даже въ домахъ; уколъ его не смертеленъ, но за то мучителенъ.

Изъ другихъ классовъ низшихъ животныхъ можно, между прочимъ, упомянуть о чрезвычайно красивыхъ ступяхъ и улиткахъ, и изъ морскихъ мягкотѣлыхъ животныхъ—багрянокъ, которыхъ находятъ еще на морскомъ берегу Тира.

Монеты. Бумажныя деньги введены въ Турціи только съ недавняго времени; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ остерегатся ихъ употребленія. Путешественнику, пріѣзжающему изъ Египта, слѣдуетъ всѣ египетскія деньги, а также и мѣдную монету обмѣнять на европейскія деньги; египетскія деньги вовсе не обращаются въ Сиріи. Напротивъ, вмѣстѣ съ турецкими монетами находятся въ обращеніи французскія, англійскія, австрійскія и русскія.

Деньги имѣютъ двоякій курсъ: 1) въ правительственныхъ кассахъ (Sägh) 2) въ торговлѣ (schuruk), кромѣ того австрійская почта оцѣниваетъ нѣкоторыя монеты различно. Слѣдуетъ всегда спрашивать у банкировъ о курсѣ золота и, по возможности, не мѣнять его на базарахъ, въ гостинныхъ дворахъ или у дригомана. Отправляясь во внутрь страны, необходимо запасаться какъ можно большимъ количествомъ мелкой монеты ($^1/_2$, 1, 2 серебр. піастр.). Въ деревняхъ очень часто отказываются размѣнять талеръ и, такимъ образомъ, можно очутиться въ самомъ скверномъ положеніи. Крестьяне и бедуины весьма неохотно принимаютъ монеты съ нѣсколько стертой надписью; они любятъ только хорошія монеты. Въ золотыхъ монетахъ (пфундахъ и дукатахъ) они главное вниманіе обращаютъ на хорошій звукъ при бросаніи на камень. Монеты, нехорошо звучащія, если даже причиною этого бываетъ незамѣтная трещина, обыкновенно возвращаются обратно.

Монетная единица въ Сиріи—піастръ (арабск. Kirsch или irsch, множ. ч. (K) urusch—40 паръ). Также обращаются маленькія мѣдныя монеты въ 5, 10 и 20 паръ; биллинскія монеты по 20 паръ (арабск. Ramerî, въ городахъ 'amerî), а также и по 1, $2^1/_2$ и 5 піастровъ. Послѣднія по объему равны талеру; ихъ называютъ beschlik (отъ турецк. besch=5); 6 піастровъ—alteik (отъ турецк. alty=6). Затѣмъ есть серебрянныя монеты въ $^1/_2$, 1, 2, 5 и 10 піастровъ; монеты въ 5 піастровъ равны по объему почти маркѣ. Турецкій талеръ (по курсу правительственому=20 піастрамъ) называется Medjîdi (по имени султана Abdul-

Medjid'a). Цѣну обращающихся монетъ въ піастрахъ (=18 нѣмецк. пфенигамъ) и парахъ показываетъ слѣдующія таблица:

	Іерусалимъ.	Байрутъ Яффа.	Турецк. правительство.	Австрійская почта.
Англійскій Зоферейгенъ (lîra inglirye). . .	120	126,10 (1/4)	110	118
Турецкій пфундъ (lîra osmanlîye)	109	115	100	108
Русскій имперіалъ (lîra moskowue).	97	102	90	96
Напалеондоръ (20 фр.) (lîra fransawîye) . . .	95	100	86 (1/4)	94
Дукаты	56	58 3/4—59 1/2	52	55
Испанскій килонвато (Säulenthaler). . . .	25	26—26 1/2	—	25
Медиди (Medjîdi). . .	21 1/2—21 3/4	22,30 (3/4)	20	21
Рубль.	18,20 (1/2)	19,35 (7/8)	17,20 (1/2)	18
Талеръ	17,35 (7/8)	18,10 (1/4)	—	18
Австрскій гульденъ. .	12	12,20 (1/2)	11	12
Алтликъ.	6,10 (1/4)	6,20 (1/2)	6	6
Англійскій шиллингъ .	5,10 (1/4)	6 1/4		
Бешликъ.	5 3/4—6	5,20 (1/2)	5	5
Франкъ	4 3/4—5			
20 копѣекъ	3	3,15 (3/8)		
15 копѣекъ.	2,10 (1/4)	2,20 (1/2)		
10 копѣекъ.	1,20 (1/2)	1,25 (5/8)		
1/2 Medjîdi	10,30 (3/4)	11,15 (3/8)	10	10 1/2
1/4 Medjîdi	5,15 (3/8)	5,25 (5/8)	5	5

Кромѣ того, въ Бейрутѣ употребляются: Mariatheresienthaler-ы по 25 піастровъ и монеты въ 5 франковъ по 25 піастровъ. Мѣстное населеніе употребляетъ еще монеты слѣдующихъ названій: fânas=20 паромъ, zâlata=30 паромъ, baraghût=1 піастру, laghfût=(plur. saghûfît)=5 паромъ и т. далѣе.

Курсъ на монеты подверженъ страшнымъ колебаніямъ. Онъ мѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внутри страны и въ Сѣверной Сиріи. Вышеприведенный списокъ достаточенъ для обыкновеннаго употребленія.

Такъ какъ на Востокѣ существуетъ обычай, по которому женщины носятъ на шеѣ, или на головѣ ожерелье изъ монетъ, то

очень часто встрѣчается монеты съ дырками; путешественику слѣдуетъ обращать вниманіе на объемъ дырки, такъ какъ иногда такія монеты не принимаются. Между прочимъ, путешественнику слѣдуетъ пріучить себя къ счету по піастрамъ и просить, чтобы цѣны ему назначались въ піастрахъ, такъ какъ этотъ счетъ несравненно удобнѣе и лучше, чѣмъ во франкахъ.

Мѣры. Единицы вѣса въ Сиріи—окка ($2^1/_2$ фунта); она содержитъ 4000 dram (драхмъ) или $5^1/_3$ okkîye; 1 okkîye=75 dram (32 dram=100 граммамъ); 1 Rotl=24 okk.=12 okkîye=900 dram; 44 okken=1 kantar (центнеръ)=112 дюймовымъ фунтамъ=56 килограмамъ. Жидкости, по преимуществу, вино въ большинствѣ случаевъ продается на вѣсъ.

Аршинъ, употребляющійся въ Сиріи=$67^3/_4$ центиметра, а въ Алеппо 79 цент.

Что касается торговли, то успѣхъ ея вполнѣ зависитъ въ Палестинѣ отъ дождя. При обильныхъ и своевременныхъ дождяхъ, страну ожидаетъ урожайный годъ, въ противномъ-же случаѣ является неизбѣжно дороговизна, имѣющая въ результатѣ обѣдненіе всего края. Однако, не смотря на то, что въ 1862 г. были частые, своевременные дожди и продукты земли уродились повсюду, какъ нельзя лучше, предметы первой потребности все-таки достигали небывалыхъ цѣнъ. Причиною этому была война въ Египтѣ и, вслѣдствіе этого, значительный вывозъ пшеницы изъ Палестины. Вмѣстѣ съ этимъ вздорожала заработная плата и земля также повысилась въ своей цѣнности. Въ теченіе всего года не вывозили скота изъ Палестины, вслѣдствіе запрещенія со стороны правительства вывозить какой-либо родъ скота во время войны.

Доходы округа Палестины съ одной пошлины составляли въ этомъ году сто тысячъ турецкихъ лиръ (лира—двадцать пять франковъ). Изъ этихъ денегъ послана была часть въ Стамбулъ, часть въ Дамаскъ, главный городъ этого края въ военномъ отношеніи. Остальныя деньги употреблены были для покрытія расходовъ по округу. Пошлина, полученная правительствомъ отъ возовъ, проѣзжающихъ по дорогѣ, ведущей отъ Іерусалима до Яффы, достигла въ этомъ году 1,750 лиръ. Часть этихъ денегъ употреблена была правительствомъ для ремонта дороги, которая все-таки очень плоха.

Достойно замѣчанія то, что дѣла Іерусалима въ матеріальномъ отношеніи идутъ все лучше и лучше. Жители продолжаютъ при-

лежно строить новые дома и починять старые. Всякій, желающій строить новый домъ или починять старый, обязанъ получить на это разрѣшеніе. Въ продолженіе семи мѣсяцевъ (съ мѣсяца Ниссанъ до мѣсяца Тишрэ) получены были слѣдующія разрѣшенія: а) въ центрѣ города: тринадцать разрѣшеній на ремонтировку, пятнадцать—на разныя пристройки и четырнадцать на новыя постройки; b) за чертою города: два разрѣшенія на ремонтировку, тринадцать на пристройки и пятьдесятъ одно на новыя постройки. Всего получено было разрѣшеній: пятнадцать на ремонтировку, шестьдесятъ три на пристройки и шестьдесятъ пять на новыя постройки. Но есть такіе, которые строятъ много домовъ въ компаніи: одна стѣна принадлежитъ двумъ домамъ и одна крыша надъ ними. Такимъ образомъ, достаточно одного разрѣшенія на постройку многихъ домовъ. Число домовъ, выстроенныхъ въ продолженіе этого года, больше шестидесяти пяти. Двѣ третьихъ этихъ разрѣшеній получены евреями. Многіе изъ этихъ домовъ выстроены на деньги, полученныя изъ-за границы для облегченія участи бѣдныхъ іерусалимскихъ евреевъ. Но есть и такіе дома, которые выстроены богатыми евреями, ведущими въ Палестинѣ торговлю разными товарами и нажившими значительные капиталы.

Однимъ словомъ, Іерусалимъ значительно расширился въ послѣднія десять лѣтъ. Начиная съ 1875 до 1877 г., городъ перемѣнился значительно къ лучшему, сталъ красивѣе и расширился за это время. Въ немъ много маленькихъ, красивыхъ домовъ, а также много большихъ роскошныхъ садовъ съ тѣнистыми деревьями. Предмѣстье представляетъ пріятный и заманчивый видъ. Пять лѣтъ тому назадъ всѣ эти мѣста были еще голы и скалисты. Это достаточно ясно доказываетъ, что весьма многое можно сдѣлать въ этой странѣ.

Въ теченіе этого года не вывозили много товаровъ изъ Палестины по причинѣ войны въ Египтѣ, но и число ввозимыхъ товаровъ было въ этомъ-же году незначительно по той-же самой причинѣ. Жители Іерусалима и всего округа постоянно опасались быть ограбленными. Всего привезено было товара сюда изъ Америки на 3,000 долларовъ.

Отправлено было изъ Палестины въ 1883 году:

Огородныхъ произведеній 6.673,500 бушелей (бушель=36,35

литрамъ) въ Англію, Францію, Египетъ и Австрію на сумму 765,500 дол.

Въ Египетъ отправлено было яицъ 300,000 на сумму 1,800 долларовъ и куръ на сумму 2,000 долларовъ.

Во всѣ страны свѣта:

Садовыхъ продуктовъ разныхъ сортовъ въ Австрію, Англію, Египетъ и Турцію на сумму 50,000 долларовъ.

Овецъ 5,000 въ Египетъ и Турцію на 28,000 далларовъ.

Шерсти 114,000 мѣшковъ въ Англію и Францію.

Мыло въ Египетъ и Турцію на 568,000 долларовъ.

Рогожъ въ Египетъ и Турцію на 4,000.

Тряпокъ въ Англію и Францію на 18,000 долларовъ.

Разныхъ разностей во всѣ страны свѣта на 190,0 0 доллар.

Прибыло:

Американскихъ товаровъ на сумму 600 долларовъ.

Нефти 18,000 тоннъ изъ Америки на сумму 28,000 дол.

Каменный уголь изъ Англіи и Франціи на 5,400 долларовъ.

Изъ Египта, Франціи и Австріи 3,500 мѣшковъ кофе на 37,800 долларовъ.

Изъ Англіи, Австріи, Франціи и Индіи разные сорта пряностей на сумму 7,000 долларовъ.

Изъ Австріи и Франціи стеклянныхъ издѣлій на 7,000 дол.

Изъ Англіи и Бельгіи 650 тоннъ желѣза на 32,500 доллар.

Изъ Англіи и Бельгіи 50 тоннъ гвоздей на 3,000 дол.

Изъ Франціи и Германіи выдѣланной кожи на сумму въ 14,000 долларовъ.

Изъ Англіи, Франціи и Германіи шерстяныхъ, хлопчато-бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій на 284,000 долларовъ.

Изъ Турціи 200 тоннъ луку на 3,600 дол.

Изъ Австріи и Франціи бумаги на 7,000 долларовъ.

Изъ Турціи, Австріи и Франціи 3,000 мѣшковъ картофеля на 9,000 долларовъ.

Изъ Египта, Италіи и Англіи кедроваго лѣсу на 140,000 долларовъ.

Изъ Триполиса и Турціи 70 тоннъ соли на 14,000 дол.

Изъ Турціи и Египта разныхъ сортовъ сельдей на 12,000 долларовъ.

Изъ Австріи и Франціи 7,500 бочекъ сахару на 127,500 долларовъ.

Изъ Персіи и Турціи табакъ и сигары на 25,000 дол.

Изъ Греціи, острова Корфу у Франціи вино, пиво, разные другіе напитки и проч. на сумму 50,700 долларовъ.

Изъ Турціи, Румыніи и Австріи дровъ на сумму 100,000 дол.

Изъ всѣхъ странъ свѣта различные товары на сумму 60,000 долларовъ.

К. В.

Письмо изъ Румыніи.

Румынія—одинъ изъ тѣхъ угловъ Европы, гдѣ евреи находятся въ особенно печальномъ положеніи. Это печальное положеніе не разъ побуждало насъ искать себѣ спасенія гдѣ-нибудь за предѣлами нашего отечества, гдѣ средневѣковые предразсудки и невѣжество еще слишкомъ сильны, чтобы мы могли разсчитывать на скорое торжество права и справедливости. Ежегодно Румынія лишается не одного десятка евреевъ. Въ эмиграціи мы усматриваемъ одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для улучшенія экономическаго положенія тѣхъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые здѣсь, въ Румыніи, вынуждены сидѣть безъ дѣла. Въ послѣднее пятилѣтіе румынскіе евреи эмигрировали преимущественно въ Палестину. Въ краткихъ чертахъ я постараюсь дать вамъ, согласно обѣщанію, отчетъ обо всемъ томъ, что у насъ было сдѣлано въ пользу палестинскаго дѣла, т. е. колонизаціи Палестины евреями. Полагая, что вы уже знакомы съ этимъ дѣломъ по тѣмъ довольно полнымъ свѣдѣніямъ, которыя были въ разное время сообщаемы отсюда въ русско-еврейскіе органы, я, повторяю, ограничусь только краткимъ резюмированіемъ всего мнѣ извѣстнаго.

Румынія покрыта въ настоящее время цѣлою сѣтью палестинскихъ кружковъ, во главѣ которыхъ стоитъ галацкій центральный комитетъ. Составъ комитета былъ избранъ въ началѣ 1882 года на общемъ съѣздѣ палестинскихъ кружковъ въ Румыніи. Оберъ-секретаремъ состоитъ г. Пинесъ, вице-президентомъ г. Іосифъ Абелесъ, президентомъ г. Лебель, кассиромъ Яковъ Неймоцъ (банкиръ въ Галацѣ). Дѣятельность комитета началась при самыхъ свѣтлыхъ ожиданіяхъ и надеждахъ. Разсчитывали, что на колонизацію Палестины каждая румыно-еврейская семья будетъ жертвовать minimum по франку въ мѣсяцъ. Общее собраніе разошлось послѣ рѣчи избраннаго представителя центральнаго комитета. Однако, дѣятельность комитета уже на первыхъ порахъ была заторможена враждою «хассидовъ» къ новому движенію. Плохо отзывается также на успѣхахъ дѣла не особенно удачный выборъ эмигрантовъ, но болѣе всего

комитетъ былъ обманутъ ложными обѣщаніями румыно-еврейскихъ богачей, которые готовы всегда сдѣлать все, чтобы только оправдать слова псалма: «не полагайтесь на князей золота». Первоначально богачи обѣщались вносить ежегодно по 40,000 фр., но сдержали-ли они свое слово—мы увидимъ ниже. Въ первое время комитетъ положилъ тратить по 6 фр. въ недѣлю на семейство, не считая расходовъ на муку, маисъ, фасоль и картофель, которые высылались колонистамъ комитетомъ въ количествѣ, достаточномъ на 3—4 мѣсяца. По разсчетамъ комитета, ему нужно было для 61 семейства около 1,500 фр. ежемѣсячно и 500 фр. на наемъ квартиръ—всего, слѣдовательно, 2,000 фр. въ мѣсяцъ.

Послѣ пасхи перваго года комитетъ разсчитывалъ, собравъ суммы, подписанныя богачами, взяться за устройство колоній; до того времени уполномоченный комитета, г. Франкъ, въ Бейрутѣ, закупалъ нужный рогатый скотъ и земледѣльческія орудія. Г. Франкъ былъ съ самой лучшей стороны отрекомендованъ комитету всѣми лицами, знавшими его на Востокѣ и въ Парижѣ, между прочимъ и г. Венеціаномъ; администраторомъ этой колоніи Франкъ назначилъ г. Бразейра, человѣка знакомаго съ мѣстными языками и нравами. Все шло хорошо до апрѣля. Но неудачный выборъ колонистовъ привелъ вскорѣ ко всевозможнымъ распрямъ и пререканіямъ. Колонисты были недовольны назначеннымъ имъ 6-ью, а впослѣдствіи 12 фр. въ недѣлю. Расходъ вскорѣ возросъ отъ 2,000 фр. въ мѣсяцъ до 8,000, а въ мѣсяцъ Пасхи и до 10,000 фр. Для поправки положенія своей кассы комитетъ вступилъ въ оживленную переписку съ нынѣ покойнымъ раввиномъ Ландсбергомъ, обществомъ Bne Brith въ Каттовицѣ, Achwath Zion въ Вѣнѣ, г. Сальвенди въ Дюркгеймѣ, редакціами Hamagid'a и Jewisch Chronicle и Alliance'омъ.

Въ маѣ 1882 года члены комитета имѣли въ Яссахъ свиданіе съ Олифантомъ. Олифантъ заявилъ, что султанъ обѣщалъ ему даровую землю для еврейскихъ колонистовъ и что англичане доставятъ для этой цѣли въ десять разъ большую сумму денегъ противъ той, которую соберетъ комитетъ. Ободренный этимъ заявленіемъ, комитетъ отправилъ въ Палестину первую группу эмигрантовъ. Скоро, послѣ начала возстанія въ Египтѣ, Олифантъ просилъ комитетъ не высылать ему больше колонистовъ; но было уже поздно. Не было рѣшительно никакой возможности остановить эмиграціонное теченіе. Первая партія колонистовъ, семействъ въ двѣсти, нашла себѣ вблизи Цефата прекрасный участокъ земли, который и былъ купленъ 20-ю семействами группы Мойнести (нынѣшняя Рошъ-Пина). Здѣсь же была пріобрѣтена комитетомъ мѣстность Самаринъ въ области Кармеля съ полосой земли противъ Тактуры

на морскомъ берегу, въ двадцати километровъ къ сѣверу отъ Хаифы; мѣстность эта весьма богата лѣсами, источниками и т. д. Въ Самаринѣ могли быть поселены только 50 семействъ; но, несмотря на всѣ протесты комитета, туда отправилось 70 семействъ; для этого избытка комитетъ разсчитывалъ пріобрѣсти участокъ земли вблизи Самарина. Сверхъ этихъ 70 семействъ, около 100 семействъ (большинство изъ нихъ ремесленники) углубились во внутрь страны и теперь разсѣяны по всѣмъ городамъ и портамъ Востока. Первыя двѣ партіи, высланныя комитетомъ, прибыли туда безъ всякихъ приключеній. Третья партія, стоившая комитету 9,000 фр., встрѣтила при высадкѣ своей на территорію Турціи большія препятствія. Власти турецкія стали недружелюбно относиться къ новымъ эмигрантамъ и дѣлать затрудненія при высадкѣ. Агенты комитета добились совѣщанія съ мѣстными властями; кое-какъ они выяснили имъ настоящій характеръ и смыслъ движенія, разсѣяли невѣжественныя подозрѣнія, выставили имъ на видъ ту пользу, которую принесутъ запущенной странѣ новые поселенцы. Такимъ образомъ это препятствіе было устранено и колонисты поселились въ Самаринѣ, прекрасномъ владѣніи, въ двадцати километрахъ отъ Хаифы, въ прекрасномъ и здоровомъ ущельи Кармеля, простирающемся до моря. Такъ какъ нѣкоторые изъ колонистовъ были свѣдущи въ земледѣліи, то тогда же посѣяно было немного пшеницы, въ видѣ опыта. Домовъ въ то время еще невозможно было строить и пришлось семейства колонистовъ помѣстить въ Хаифѣ, мужчины $^3/_4$ мѣсяца проводили въ работѣ въ Самаринѣ. Въ небольшой промежутокъ времени громадное пространство земли было обработано, очищено отъ кустарниковъ и непроходимаго бурьяна, колодцы были вычищены и проложена была одна дорога отъ источника въ деревню и другая, подлиннѣе, съ горы въ равнину. Въ Тантурѣ былъ разведенъ большой огородъ для картофеля и капусты. Весною посѣяли маисъ и дуру, развели 34,000 виноградныхъ лозъ, много лимонныхъ деревьевъ. Нѣсколько семействъ выстроили себѣ избы (на румынскомъ нарѣчіи бардалъ), 10 или 15 семействъ заняли дома, находившіеся въ Самаринѣ при пріобрѣтеніи его. Въ колоніи имѣлись свой кузнецъ, каретникъ, плотникъ; кромѣ того, въ колоніи имѣлось тогда 20 воловъ, 16 лошадей, 10 телѣгъ и 8 плуговъ. Заготовлено было много камней и извести для постройки домовъ. Устроенъ былъ резервуаръ для стока воды изъ часто разливающейся рѣки.

Въ это же время комитетъ успѣлъ на свои средства издать нѣсколько брошюръ по палестинскому вопросу. Онъ-же делегировалъ одного изъ своихъ членовъ, доктора Липпе, черезъ Каттовицъ и Дюркгеймъ въ Па-

рижъ, чтобы сговориться съ представителями Алліанса, который не переставалъ утверждать, что дѣло эмиграціи выходитъ изъ сферы его дѣятельность. Алліансъ обѣщалъ г-ну Липпе заняться этимъ вопросомъ и, если не совершенно направить дѣятельность на это дѣло, то, по крайней мѣрѣ, побудить нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ сдѣлать что-либо въ его пользу. Алліансъ тогда-же отправилъ въ колонію Самаринъ нѣсколько человѣкъ для полученія точныхъ свѣдѣній о положеніи колоніи. Около того-же времени колоніи посѣтилъ г. Гольдсмидъ изъ Лондона и доложилъ Anglo Jewisch Association о прекрасномъ впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ нихъ. Однако, это время было самое критическое для нашего дѣла. Еслибы комитетъ тогда имѣлъ 2.000 фр., необходимыхъ на постройку домовъ, то наша колонія была бы обезпечена. Колонисты, не имѣя домовъ, смотрѣли на себя, какъ на временныхъ поселенцевъ Палестины и теряли довѣріе къ дѣлу. Это содѣйствовало, конечно, появленію въ колоніи духа недовольства. Нѣкоторые наиболѣе буйные эмигранты изъ Бакау явились въ колоніи, должно быть, единственно для того, чтобы возбуждать неудовольствіе другихъ колонистовъ. Колонія въ это время порвала совершенно сношенія съ комитетомъ. Въ іюлѣ прибылъ въ колонію г. Венеціяни. На запросъ г. Венеціяни, комитетъ отвѣтилъ, что разсчитываетъ въ теченіи 1 мѣсяца собрать тѣ 4,000 фр., которые нужны для окончательнаго устройства румынской колоніи. Въ теченіи слѣдующаго мѣсяца въ Букарестѣ происходили совѣщанія, въ которыхъ принимали участіе г. Венеціани, представитель Галацкаго комитета, Гальфокъ, Фархъ и Розенталь. Поѣздка членовъ комитета по Румыніи, предпринятая по рѣшенію этого совѣщанія, увѣнчалась, благодаря нѣкоторымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, чрезвычайно плохими результатами. Комитетъ не имѣлъ возможности взяться за устройство колоніи. Въ августѣ комитетъ получилъ письмо отъ г. Венеціани изъ Парижа, въ которомъ онъ сообщалъ, что ему удалось склонить къ помощи колоніямъ одно изъ выдающихся лицъ французскаго еврейства и еврейства вообще. Лицо это желаетъ всецѣло взять на себя устройство колоніи, но съ тѣмъ, чтобы оно было полнымъ ея хозяиномъ. Читателямъ вашимъ, вѣроятно, извѣстно, что колонія была отдана подъ полное попеченіе парижскаго благотворителя. Общее матеріальное положеніе колоніи, конечно, было обезпечено этимъ, но зато она—колонія—страдаетъ отъ деспотическаго хозяйничанья г. Гирша, уполномоченнаго представителя собственника колоніи. Галацкій комитетъ, пристроивъ колонію Самаринъ, взялся за новые сборы денегъ. За послѣдній годъ комитетъ потерялъ двухъ своихъ дѣятельныхъ членовъ—Исаака Лебеля и Марка Шейна.

Въ ряду вспомогательныхъ мѣстныхъ комитетовъ, составляющихъ какъ бы отдѣленія центральнаго комитета, главное мѣсто занимаютъ кружки Azil Bne Isroel, Benoth Ieruscholajim, Benoth Yisrael и Oliphant, которые соединились съ центральнымъ комитетомъ въ февралѣ 1883 г. Кружки эти, при присоединеніи своемъ, внесли въ кассу центральнаго комитета 20,000 фр. Кромѣ того, существуетъ еще въ Румыніи женскій союзъ Benoth Zion, задавшійся спеціальною цѣлью открыть въ первой румынской колоніи школу для дѣвочекъ и мальчиковъ. Члены союза свои ежемѣсячныя сбереженія вносятъ въ кассу общества. Вотъ, собственно, въ краткихъ чертахъ все то, что мнѣ извѣстно о ходѣ и положеніи дѣла колонизаціи Палестины румынскими евреями. Къ сожалѣнію, мы въ настоящую минуту не располагаемъ никакими статистическими данными о количествѣ эмигрировавшихъ въ Палестину. Однако, мы полагаемъ, что число это должно быть очень внушительнымъ. Идея колонизаціи Палестины пустила у насъ довольно глубокіе корни. Къ несчастью, наша «масса» въ своей наивности полагала, что «князья золота» будутъ оказывать ей помощь и содѣйствіе. Вышло не такъ. Будемъ, однако, надѣяться, что это «маленькое» обстоятельство не будетъ имѣть серьезнаго вліянія на общее положеніе «палестинскаго дѣла».

Л. А.

Алліансъ и Палестина.

Письмо изъ Парижа.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что „Alliance Israélite Universelle“ самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ не перестаетъ высказываться противъ колонизаціи Палестины. Еще въ 1881 г., въ самомъ разгарѣ южнорусскихъ погромовъ, когда такъ называемый палестинскій вопросъ, занимавшій до этого только немногихъ теоретиковъ, силою роковыхъ обстоятельствъ, сталъ проникать въ массу и искать какого-нибудь практическаго выхода,—этотъ, „Всемірный союзъ евреевъ“ немедленно же и безъ всякихъ околичностей объявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ содѣйствовать успѣху какой-то безплодной фантазіи.

Съ тѣхъ поръ Alliance не только довольно упорно и крѣпко стоитъ на своемъ, но даже употребляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое вліяніе, чтобы ослабить частную дѣятельность и иниціативу „палестинцевъ“.

Аргументы, приводимые имъ для доказательства своихъ мнѣній, нисколько по сути не отличаются отъ аргументовъ всѣхъ вообще „разсудительныхъ людей“, когда передъ ними вдругъ выростаетъ какой-нибудь общественный вопросъ, для разрѣшенія котораго требуются широкій и смѣлый полетъ мысли, искренняя преданность своимъ убѣжденіямъ, самоотверженность, альтруизмъ. „Палестина—страна бѣдная, дикая, не имѣетъ ни промышленности, ни торговли и пр. и пр.; евреи же неспособны къ земледѣлію“, на разные лады повторяютъ заправители алліанса въ унисонъ со всѣми „умѣренными“ и основательными людьми. Но—неужели кто нибудь думаетъ, что самый ярый палестинецъ не видитъ всѣхъ препятствій и трудностей, которыя стоятъ на пути къ осуществленію колонизаціоннаго дѣла? Нѣтъ—онъ знаетъ эти препятствія,

но онъ *хочетъ* бороться съ ними, ибо онъ *вѣритъ* въ возможность побѣды.

Альянсъ, указывая на печальное положеніе колонистовъ, не безъ внутренняго удовлетворенія и самодовольства торжественно говоритъ: „вотъ посмотрите на эти жалкія колоніи, на блѣдныя и истощенныя лица несчастныхъ колонистовъ! Развѣ мы не тысячу разъ правы были, когда утверждали, что дѣло колонизаціи Палестины—химера и ребячество! Развѣ мы не предсказывали, что результатомъ этого будутъ бѣдствія и страданія тѣхъ самыхъ людей, которыхъ повидимому, желали спасти?“ Конечно, все это онъ говорилъ и предсказывалъ, никто этого отрицать не станетъ: но, выражаясь вульгарно, еще не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, да и всѣ указываемыя имъ неудачи еще ничего, собственно, не доказываютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, употребляя такую одностороннюю и легкую аргументацію, можно только убѣдить, правильнѣе, убаюкать самаго себя и, стало быть, доказать все, что угодно, что черное—бѣло и пр. Еслибы стоящія во главѣ Альянса лица пожелали не отдѣлаться красными фразами, а серьезно и толково вникнуть въ дѣло, они бы, безпорно, нашли кое что, говорящее и въ пользу колонизаціи Палестины. Они бы тогда увидѣли, что причины неуспѣха уже основанныхъ колоній кроются нестолько въ бѣдности края, дикости почвы—вѣдь вездѣ земля сама ничего не даетъ, а требуетъ долгой и упорной обработки — и въ неспособности колонистовъ къ земледѣлію — вѣдь это просто избитое общее мѣсто, — сколько въ чисто внѣшнихъ и искусственныхъ обстоятельствахъ, въ полнѣйшемъ отсутствіи какой-бы то ни было *организаціи колонизаціоннаго дѣла*, въ бѣдности и безпомощности самихъ колонистовъ, въ противодѣйствіи однихъ и въ равнодушіи другихъ. Но дѣло въ томъ, что они этого знать не хотятъ. Они не хотятъ знать, что колонисты, которыхъ они такъ охотно обвиняютъ въ разныхъ напраслинахъ, не удовольствія же ради покинули свои родины и безстрашно бросились на новое и трудное дѣло,—не хотятъ знать, что стоитъ только *съ добрымъ желаніемъ* взяться за дѣло, чтобы непремѣнно успѣть. Они затыкаютъ уши, когда имъ говорятъ: „попробуйте хоть разъ устроить, какъ слѣдуетъ, одну или двѣ колоніи, вѣдь все, что вы говорите, одни только слова, основанныя на разныхъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ, догадкахъ и предположеніяхъ, вѣдь вы же, собственно, ничего тутъ не

испытали; успѣли же вы въ Микве-Израилѣ, почему же вамъ не успѣть при устройствѣ простой колоніи?"

Не смотря на все это, нѣкоторыя колоніи все-таки цѣпко держатся и даже обѣщаютъ процвѣтать въ будущемъ. Агитируя противъ заселенія евреями Палестины, противодѣйствуя колонизаціонному дѣлу, Alliance все-таки ревностно старается захватить въ свои руки управленіе уже существующими колоніями,—онъ хочетъ быть хозяиномъ quande même.

Существующимъ колоніямъ Alliance оказываетъ поддержку, но эта поддержка не систематичная и, почти всегда, ничтожная— не только не даетъ колонистамъ возможности выбиться изъ печальнаго положенія, но еще больше ухудшаетъ его.

Стѣснительная опека Alliance'а подчасъ убиваетъ начатое колонистами дѣло, которое, при иныхъ условіяхъ, могло бы разсчитывать на большой успѣхъ. Такова, повидимому, излюбленная тактика альянса; по крайней мѣрѣ, въ такомъ именно родѣ и духѣ она проявлялась во все время несчастной эмиграціи, когда „опекаемыхъ" отправляли и переправляли, по распоряженію свыше, оставляя ихъ въ полномъ невѣдѣніи относительно ихъ дальнѣйшей судьбы и намѣреній „опекуновъ".

Послѣдствія такого отношенія Alliance'а къ интересующему насъ дѣлу оказываются весьма печальными и вредными. Но спрашивается, почему, съ одной стороны, альянсъ такъ рѣшительно и энергически ратуетъ противъ колонизаціи Палестины, вообще? Почему онъ, съ другой стороны, все-таки старается опекать уже образовавшіяся колоніи?

Практическая важность поставленныхъ нами вопросовъ очевидна сама собою. Въ настоящей нашей статьѣ мы постараемся разсмотрѣть и оцѣнить ихъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ.

Предварительно, однако, мы считаемъ нужнымъ коснуться вкратцѣ исторіи и дѣятельности альянса за все время его существованія. Это разъяснитъ намъ очень многое, дастъ намъ вѣрную точку опоры для дальнѣйшихъ разсужденій и заключеній; притомъ, въ виду тѣхъ очень неясныхъ и преувеличенныхъ мнѣній, которыя все еще упорно продолжаютъ циркулировать среди русскихъ и другихъ евреевъ насчетъ значенія и намѣреній альянса и которыя нерѣдко приводятъ къ очень грустнымъ послѣдствіямъ, все это очень интересно само по себѣ.

„Всемірный Еврейскій Союзъ“ формально былъ основанъ въ 1860 г.; но, собственно говоря, моральное его начало было положено въ 1840 г., когда разыгралось страшное дѣло въ Дамаскѣ и знаменитый Кремье явился туда уполномоченнымъ представителемъ почти всего европейскаго еврейства. Тогда особенно стало ясно, что для лучшаго и скорѣйшаго достиженія своихъ общечеловѣческихъ правъ евреи всего міра должны соединиться вмѣстѣ, чтобы имѣть общій планъ и центръ дѣйствія. Общность религіи, одна только, да и то очень плохо, по традиціи связывавшая евреевъ, оказывалась совершенно недостаточной; духъ и нужды новаго времени требовали совсѣмъ иного рода объединенія Израиля. Цѣлый рядъ послѣдующихъ событій еще болѣе долженъ былъ укрѣпить въ еврействѣ мысль о безотлагательной необходимости союза евреевъ всѣхъ странъ для защиты отъ преслѣдованій и гоненій и для завоеванія себѣ гражданскихъ и политическихъ правъ.

Словомъ, недоставало только, чтобы какая-нибудь группа лицъ энергически взялась за практическое осуществленіе такого великаго дѣла, значеніе и важность котораго сознавались всѣми образованными евреями. Это и было сдѣлано въ іюлѣ 1860 г. нѣсколькими молодыми французскими евреями *). Парижъ и на этотъ разъ явился иниціаторомъ и руководителемъ великаго и благотворнаго дѣла, и, какъ все, что исходитъ изъ Франціи, новорожденный еврейскій союзъ сразу получилъ всемірное значеніе и скоро сталъ извѣстенъ всему разсѣянному и гонимому Израилю, предвѣщая эру освобожденія и конецъ долговѣчнымъ страданіямъ. Успѣхъ его, поэтому, былъ блестящій, какого даже не смѣли ожидать первые его основатели, полные глубокой вѣры въ свое дѣло.

Основная цѣль алліанса, какъ это выражено въ его уставѣ, слѣдующая: „1) работать вездѣ въ пользу эмансипаціи и моральнаго прогресса евреевъ; 2) оказывать имъ помощь и поддержку; 3) поддерживать изданія, способныя содѣйствовать желательному результату“. „Въ какой-бы странѣ еврей ни терпѣлъ преслѣдованія, говорится въ прекрасномъ воззваніи алліанса за 1863 г., пусть обратится къ намъ, и мы громко возвысимъ нашъ голосъ. Нашъ

---

*) Ихъ было всего 18 человѣкъ. Они выбрали изъ своей среды организаціонный комитетъ изъ 6 человѣкъ: Шарль Неттеръ (ему-то главнымъ образомъ принадлежитъ иниціатива), Нарсисъ Левенъ (адвокатъ и муниципальный совѣтникъ Парижа), Исидоръ Когенъ (редакторъ «Archives Israélites»), Эженъ Манюэль и еще двое, именъ которыхъ мы въ настоящую минуту не можемъ припомнить.

голосъ требуетъ справедливости даже тогда, когда религіознымъ гоненіямъ подвергаются сектанты другаго культа".

И въ первые годы своего существованія альянсъ, дѣйствительно, очень горячо и дѣятельно сталъ осуществлять свою благородную эмансипаторскую цѣль. Да и нужно было дѣйствовать рѣшительно и безостановочно, такъ какъ работы было страшно много. Почти вездѣ положеніе евреевъ было самое плачевное и жалкое. Со всѣхъ сторонъ раздавались горестныя жалобы и отчаянные крики о помощи:—то въ Мароко, то въ Тунисѣ, то въ Ѳиріи, Египтѣ и пр. евреи подвергались самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ. Даже въ самой „просвѣщенной" Европѣ то тамъ, то сямъ происходили дикіе взрывы варварства. Нелѣпые и невѣжественные предразсудки противъ Израиля еще всевластно и всесильно господствовали надъ умами и чувствами, какъ это, впрочемъ, имѣетъ еще, къ несчастію, до сихъ поръ мѣсто. Въ самой просвѣщенной Англіи евреи только въ 1860 г. получили окончательно право гражданства послѣ 30-ти лѣтъ медленной и упорной борьбы; въ Италіи—въ 1870 г., когда папа лишился своихъ свѣтскихъ владѣній, а въ Германіи евреи и до днесь *фактически* еще не равноправны. Въ Румыніи-же, Сербіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ еще долго придется работать прежде, чѣмъ евреи будутъ признаны равноправными съ другими народностями.

Куда, словомъ, ни посмотришь — вездѣ избранный народъ страдалъ и стоналъ отъ грубыхъ и безчеловѣчныхъ насилій. Требовались огромныя усилія, чтобы вездѣ поспѣть на помощь, и, къ великой чести первыхъ основателей альянса, они сдѣлали все возможное, чтобы оправдать надежды, которыя на нихъ возлагались. Они употребляли всевозможныя средства для проведенія своей цѣли, не пропускали почти ни одного важнаго случая, чтобы не заявлять о своемъ существованіи и не хлопотать. Они обращались то къ тому, то къ другому правительству, прося о заступничествѣ, посылали адресы правителямъ и королямъ, старались дѣлать запросы въ парламентахъ (запросы Гольдсмита и Вормса въ англійскомъ парламентѣ), выясняли и разъясняли разныя дѣла, которыя нарочно запутывались и искажались врагами еврейства, и нерѣдко очень энергически протестовали во имя попираемыхъ священныхъ правъ человѣка.

Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ Кремье, этотъ неутомимый и горячій защитникъ еврейства за все время своей дол-

гой и благотворной жизни. Начиная съ 1863 г., когда онъ сталъ оффиціальнымъ и неизмѣннымъ президентомъ „All. Isr.“, онъ былъ душою и тѣломъ всего того, что дѣлалось и предпринималось въ защиту гонимыхъ евреевъ. Благодаря своимъ благороднымъ личнымъ качествамъ и своему высокому политическому положенію, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ во всѣхъ сферахъ. Куда онъ ни обращался—его вездѣ охотно и внимательно выслушивали. Наполеонъ III ему любезно давалъ аудіенціи, а французскіе министры принимали его на правахъ стараго коллеги (такъ, онъ между прочимъ выхлопоталъ, чтобы Франція, когда она въ 1863 г. возобновила свои коммерческіе трактаты съ Швейцаріей, Бельгіей и Голландіей, вычеркнула имѣвшіяся еще ограничительныя статьи относительно евреевъ, чего французская консисторія не переставала требовать съ 1833 г.). Въ Румыніи, въ 1866 г., когда мнимые либералы еще совѣстились окончательно сбросить свои маски, ему устроили такой торжественный и почетный пріемъ, какой рѣдко приходится на долю политическаго дѣятеля въ чужой странѣ *). Алжирскіе-же евреи цѣликомъ обязаны ему тѣмъ, что они теперь, на основаніи декрета 24 октября 1870 г. (Кремье тогда былъ членомъ правительства Національной Защиты; декретъ этотъ былъ еще поддержанъ Гамбеттой), пользуются всѣми правами французскаго гражданства, тогда какъ арабы все еще считаются только французскими подданными (sujets), а не гражданами (citoyens), т. е. они лишены права вота. Этотъ-же декретъ ему пришлось защищать, когда реакціонная версальская палата вздумала оспаривать его легальность и своевременность. Словомъ, Кремье былъ во всѣхъ отношеніяхъ неоцѣнимый и незамѣнимый человѣкъ и для всего еврейства, и особенно для „All. Isr.“.

*) Интересно припомнить обстоятельства этого знаменательнаго событія. Въ то время разбиралась и вотировалась новая и якобы либеральная конституція. Дѣло шло о 6-й ея статьѣ, по которой евреи должны были сдѣлаться полноправными румынскими гражданами и которая сдѣлалась предметомъ сильной агитаціи въ странѣ. Чтобы лучше повліять на депутатовъ, евреи Букарешта призвали Кремье, бывшаго тогда въ Константинополѣ по дѣламъ еврейскимъ. Когда онъ прибылъ, палата нарочно собралась, чтобы выслушать знаменитаго адвоката и демократа. Онъ былъ встрѣченъ восторженно и рѣчь его была часто прерываема бурными рукоплесканіями. Но въ ту же ночь, какъ онъ уѣхалъ, враги евреевъ устроили настоящій бунтъ. Грубая толпа окружила палату, бросала камни въ окна и угрожала депутатамъ. Депутаты, боясь не быть вновь избранными, имѣли слабость уступить, и съ этого роковаго момента начался тотъ страшный и отвратительный рядъ всяческихъ преслѣдованій, который, къ несчастію, продолжается и по сію пору, даже послѣ пресловутаго Берлинскаго конгресса.

Но мы-бы еще долго не кончили, еслибы мы захотѣли перечислить даже главное изъ того, что было сдѣлано алліансомъ вообще и Кремье въ частности *). Мы только отмѣтимъ здѣсь два факта, имѣющіе особенное значеніе для насъ. Это, во-первыхъ, протестъ алліанса, когда въ Испаніи нѣсколько протестантовъ были осуждены на галеры за религіозную пропаганду (Гренадское дѣло); во-вторыхъ, денежная помощь и выраженіе сочувствія сирійскимъ христіанамъ (Дамаска и Либана), когда они въ 1860 г. сдѣлались, въ свою очередь, жертвами мусульманскаго насилія и фанатизма. Въ этихъ двухъ случаяхъ алліансъ проявилъ очень много энергіи и Кремье вправѣ былъ воскликнуть въ своей замѣчательной рѣчи на общемъ собраніи алліанса въ 1864 г.: „Кто говоритъ: *еврейскій* союзъ, тотъ говоритъ: *всемірный*. Идемъ смѣло и рѣшительно по начертанному намъ пути. Я приглашаю въ члены алліанса всѣхъ нашихъ братьевъ; пусть они придутъ къ намъ, пусть они окажутъ свое содѣйствіе великому дѣлу цивилизаціи и безконечнаго прогресса. Пусть они придутъ къ намъ,—съ какой горячей готовностью мы пойдемъ имъ на встрѣчу? Когда я имѣлъ счастливую мысль призвать на помощь христіанъ Либана евреевъ всего міра, съ какимъ усердіемъ они, бѣдные и богатые, отвѣтили на мой призывъ своими пожертвованіями! И эти лепты были предназначены христіанамъ Дамаска и Либана, христіанамъ того города, той мѣстности, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ поднялась противъ евреевъ нелѣпая и отвратительная клевета объ употребленіи ими христіанской крови!..“

Къ крайнему сожалѣнію, это только были два частныхъ случая; по крайней мѣрѣ, мы больше таковыхъ не знаемъ. Вообще-же, съ теченіемъ времени, заботы и главное вниманіе алліанса все болѣе направлялись на основаніе школъ среди восточныхъ евреевъ. „Школы, школы! вотъ крикъ нашего времени съ одного конца міра до другого... *Дитя* будетъ спасеніемъ этихъ обездоленныхъ массъ, говорится въ воззваніи алліанса за 1865 г., въ которомъ мрачными красками описывается несчастное и невѣжественное состояніе евреевъ Востока и еврейство призывается содѣйствовать всѣми силами образованію среди нихъ достаточнаго числа школъ. Это опять была иниціатива Кремье, который еще въ 1840 г., въ

*) Желающіе ближе ознакомиться съ исторіей и дѣятельностью «All. Isr.» могутъ найти богатый матеріалъ въ полугодичныхъ его бюллетеняхъ, н французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

свою бытность въ Египтѣ, положилъ тамъ начало устройству школъ. Въ нѣсколько лѣтъ были основаны прекрасныя школы въ Константинополѣ, Смирнѣ, Салоникахъ, Тунисѣ, Алжирѣ, Багдадѣ и пр., и пр., которыя всѣ очень хорошо успѣваютъ и процвѣтаютъ.

Въ настоящее время алліансъ почти только то и дѣлаетъ, что поддерживаетъ старыя и основываетъ новыя школы; онъ сталъ филантропическимъ и школьнымъ учрежденіемъ par excellence. Нельзя, однако, не видѣть, что такая дѣятельность ни въ какомъ случаѣ не должна исчерпывать задачи общества, которое именуетъ себя „Всемірнымъ Еврейскимъ Союзомъ“.

Не желая сколько-нибудь умалить значеніе и заслуги алліанса, мы, все-таки, скажемъ, что онъ въ настоящую минуту не стоитъ на подобающей ему высотѣ. Ясно, что распространеніемъ школъ можетъ заниматься спеціальное учрежденіе, а Всемірно-еврейскій союзъ для такой узкой задачи совсѣмъ неумѣстная роскошь.

Обыкновенно говорятъ—и это сдѣлалось чуть-ли не аксіомой—что еврейскій народъ удержался до сихъ поръ, только благодаря гоненіямъ и давленіямъ извнѣ, и что онъ сольется съ народами, среди которыхъ онъ по волѣ роковой судьбы живетъ, разъ они „подарятъ“ ему всѣ политическія и гражданскія права. Но это преувеличенно и односторонне. Неужели онъ такъ-таки не имѣетъ своего собственнаго я, которое останется quand même, несмотря ни на что? Неужели одна палка только удерживаетъ его отъ распаденія, исчезновенія? Еслибы это такъ дѣйствительно и было, то онъ, подобно многимъ древнимъ народамъ, существовалъ-бы только, какъ историческое воспоминаніе!

Нѣтъ, онъ существуетъ и самъ по себѣ, онъ имѣетъ слишкомъ жизненныя силы, чтобы добровольно умереть! Онъ имѣлъ слишкомъ прекрасное и великое прошлое, чтобы не имѣть никакого будущаго. Употребляя общепринятый въ такихъ случаяхъ нѣсколько мистическій терминъ, можно смѣло сказать: нѣтъ, историческая миссія Израиля еще не кончилась и не кончится такъ скоро.

Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности заходить такъ далеко, чтобы доказать вѣрность нашего мнѣнія относительно стремленій алліанса.

Всемірный союзъ евреевъ, чтобы быть достойнымъ этого имени, обязательно долженъ преслѣдовать широкую задачу. Роль представителя религіозной секты ему не подходитъ. Онъ не можетъ ограничиваться тѣмъ, что дѣлаютъ, напримѣръ, французскіе проте-

станты. Протестанты имѣютъ во Франціи свои школы, свои благотворительныя учрежденія и пр., какъ и французскіе евреи; они даже дѣйствуютъ на Востокѣ, какъ и алліансъ. Лондонское библейское общество имѣетъ повсюду своихъ миссіонеровъ, вездѣ дѣйствуетъ, какъ всемірное общество.

Повторяемъ, „еврейскій союзъ“ радикально долженъ отличаться отъ протестантскаго и какихъ-бы то ни было религіозныхъ союзовъ. Чтобы тамъ ни говорили, евреи составляютъ *народъ*, имѣющій свое историческое прошлое и свой народный геній. Они существуютъ, какъ связное цѣлое, какъ самостоятельная народная единица, и забывать это грѣшно и преступно, хотя, можетъ быть, и удобно.

Словомъ, еврейскій союзъ можетъ только тогда называться всемірнымъ, когда онъ проникнется сознаніемъ не религіознаго только единства евреевъ, что составляетъ частность, а *народнаго*, *національнаго*. Но именно этого не признавалъ и теперь еще не признаетъ „All. Isr.“.

Съ самаго начала алліансъ просто на просто отвергъ существованіе евреевъ, какъ національности. Въ цитированномъ уже нами воззваніи 1863 г. мы, правда, встрѣчаемъ такое мѣсто: „Мы носимъ еще въ нашихъ сердцахъ любовь къ отечеству, ужасъ рабства и Бога одного, Бога единаго, и мы съ радостью повинуемся десяти заповѣдямъ, которыми откровеніе налагаетъ свою безсмертную печать на созданіе нашей національности“; но это, собственно говоря, невинныя слова, которыя Кремье постоянно любилъ повторять, толкуя библейскій текстъ: „Я Іегова, твой Богъ, который вывелъ тебя изъ Египта и пр.“. Въ этомъ можно уже убѣдиться изъ того, что въ воззваніяхъ и отчетахъ засѣданій алліанса мы больше не встрѣчаемся съ такими выраженіями.

Самъ Кремье нерѣдко, увлекаясь чуднымъ потокомъ своего краснорѣчія, съ восторженною любовью говорилъ о Палестинѣ. Такъ въ 1869 г., когда алліансъ созвалъ генеральное собраніе въ Берлинѣ по поводу бывшаго тогда страшнаго голода на Литвѣ, онъ воскликнулъ: „Земля Израиля! Слышите-ли вы? Какое благочестивое воспоминаніе! Іерусалимъ—это еврейскій городъ; Іерусалимъ—это вѣчность, это Богъ, единый Богъ! Именно эта мысль сдѣлала изъ всѣхъ насъ дѣтей одного отца и призываетъ всѣхъ на помощь своимъ братьямъ. Еврейское братство — это всемірное братство. Да, правнуки не забываютъ своихъ предковъ, во всѣхъ

странахъ мы вспоминаемъ о Іерусалимѣ, и этою именно памятью прошлаго еврейская религія остается безсмертной. Когда думаютъ о своемъ прошломъ, не погибаютъ". Собраніе сильно и горячо рукоплескало восторженной рѣчи знаменитаго оратора.

Здѣсь-же приведемъ одно мѣсто изъ его рѣчи о земледѣльческой школѣ въ Яффѣ: „Да, новый Іерусалимъ появится! Это сначала будетъ только тѣснымъ и узкимъ святилищемъ; но все-таки уже болѣе не будутъ приходить плакать и стонать на камнѣ, оставшемся отъ зданія Соломона, а придутъ поднимать къ небу молитву надежды (рукоплесканія). Позже, храмъ, достойный Всевышняго, призоветъ, какъ въ древнемъ Сіонѣ, нашихъ потомковъ къ религіознымъ празднествамъ. Да, они увидятъ этотъ прекрасный день, воспѣваемый великимъ поэтомъ:

Sitôt que de ce jour
La trompette sacrée annoncait le retour,
Du temple orné partout de festons magnifiques
Le peuple saint en foule inondait les portiques.
Et tous, devant l'autel avec ordre introduits,
De leurs champs dans leurs mains portant les premiers fruits,
Au Dieu de l'univers ils offrait leurt premices.

Громъ рукоплесканій покрылъ тутъ голосъ великаго оратора. Всѣ были тронуты и возбуждены. Вопросъ, притомъ, косвенно шелъ о Палестинѣ, именно, о земледѣльческой школѣ въ Яффѣ, обязанной своимъ основаніемъ (1869 г.) и существованіемъ исключительно неутомимымъ и самоотверженнымъ трудамъ Шарля Неттера, къ сожалѣнію, такъ рано и скоропостижно умершаго въ Микве-Израилѣ. Это былъ первый и единственный разъ, когда на собраніи алліанса былъ затронутъ вопросъ о древней странѣ Израиля.

Но, если между руководителями алліанса кто-нибудь, дѣйствительно, могъ восторгаться рѣчью Кремье и серьезно думать о Палестинѣ, такъ это былъ Альбертъ Кегенъ. Онъ одинъ не только горячо принималъ къ сердцу все, касающееся улучшенія положенія Палестины, но даже вѣрилъ въ будущее ея политическое возрожденіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, на основаніи его рѣчи, произнесенной имъ въ 1869 г. вслѣдъ за Кремье. Еще въ 1836, когда онъ познакомился съ Кремье, онъ уже мечталъ о возрожденіи Палестины, тогда какъ послѣдній мечталъ разыгры-

вать великую роль въ самой Франціи. Онъ нѣсколько разъ былъ въ Іерусалимѣ и вообще вмѣстѣ съ Мозесомъ Монтефіоре, который первый занялся развитіемъ Палестины, и Шарлемъ Неттеромъ сдѣлали что-нибудь для этой несчастной страны. Алліансъ-же ничего таки не сдѣлалъ для нея, если не считать нѣсколькихъ школъ.

Мы, однако, не думаемъ осуждать первыхъ руководителей алліанса за такое холодное и равнодушное отношеніе къ одному изъ насущнѣйшихъ вопросовъ. Въ то время палестинскій вопросъ еще не существовалъ въ своей настоящей формѣ. Тогда еще думали и вѣрили, что съ эмансипаціей евреевъ совершенно прекратятся всѣ ихъ страданія и для нихъ наступитъ чуть-ли не золотой вѣкъ. Кремье, Альбертъ Когенъ, Мункъ, Неттеръ и пр., по крайней мѣрѣ, дѣятельно работали и проводили свою цѣль на практикѣ, какъ они ее понимали. Если они неправильно поняли истинныя задачи всемірнаго еврейскаго общества, если они напрасно съузили свою цѣль, то это было искренно, соотвѣтствовало ихъ личнымъ убѣжденіямъ и идеаламъ. Мы даже думаемъ, что, еслибы Кремье и Альберъ Когенъ, или подобные имъ люди управляли теперь алліансомъ, то онъ, хотя и не принялся-бы совершенно открыто и исключительно за колонизацію Палестины, но охотно и рѣшительно содѣйствовалъ-бы всякой иниціативѣ на этомъ прекрасномъ поприщѣ.

Къ несчастію, въ настоящее время имъ управляютъ люди, очень мало интересующіеся идеею объединенія еврейства. Прежній пылъ и ревность уже давно прошли. Алліансъ все болѣе и болѣе превращается въ чисто филантропическое учрежденіе, чуждающееся всякихъ рѣшительныхъ мѣръ. Колонизація же Палестины есть одна изъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ и потому онъ - алліансъ — долженъ быть противъ нея.

Это происходитъ въ дѣйствительности и это вполнѣ ясно и натурально. Общая причина вышеизложенныхъ отношеній алліанса къ еврейству, вообще, и къ Палестинѣ, въ частности, коренится въ преобладающемъ духѣ и въ стремленіяхъ самихъ заграничныхъ евреевъ. Во Франціи, напримѣръ, евреи уже около ста лѣтъ пользуются всѣми правами гражданства и живутъ совершенно спокойно и хорошо. Они такъ сильно ассимилировались съ французами, что ихъ и не отличишь отъ послѣднихъ. Еврейство, еврейскій вопросъ почти не трогаютъ ихъ, являются имъ въ какомъ-то неясномъ туманѣ. Между ними встрѣчаются такіе, какъ, напримѣръ, журналисты Альберъ Вольфъ, Людовикъ Галеви (сынъ недавно умершаго

французскаго писателя, который самъ былъ еще очень горячимъ іудеемъ), Міо, Мейэръ, сенаторъ Накэ и пр., которыхъ, право, грѣшно даже называть евреями. Вообще же французскій еврей уже совершенно какъ-то забылъ, что и его когда-то били и преслѣдовали, и доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Такой еврей еще можетъ сокрушаться, когда гдѣ-то травятъ его единовѣрцевъ, и пожертвовать нѣсколько франковъ, когда имъ нужно оказать помощь, но онъ уже просто неспособенъ думать о колонизаціи Палестины.

Только самая незначительная часть этихъ окончательно эмансипированныхъ евреевъ интересуется дѣлами алліанса. Большинство его членовъ довольствуется тѣмъ, что болѣе или менѣе аккуратно дѣлаетъ свои взносы, и больше ничего знать не хочетъ. Немногіе-же, которые руководятъ имъ или принимаютъ дѣятельное участіе въ его дѣлахъ, остаются все-таки духовно связанными со своей средой. Они не могутъ и не хотятъ оторваться отъ нея, чтобы тамъ ни случилось.

Живя въ Парижѣ, гдѣ сосредочены вся дѣятельность и главныя силы алліанса, все это чувствуешь и видишь собственными глазами, но для русскихъ евреевъ, имѣющихъ слишкомъ высокое и неясное понятіе о его величіи, могуществѣ и намѣреніяхъ, вышеприведенныя, можетъ быть, нѣсколько длинныя объясненія, думаемъ, далеко не лишни и не безполезны.

Теперь намъ остается еще немногое сказать, чтобы заключить эту статью. Мы указали на главныя и основныя причины, почему алліансъ не только не расположенъ или, правильнѣе, не можетъ быть расположенъ серьезно и сочувственно относиться къ палестинскому вопросу вообще, но и почему онъ подчасъ даже довольно энергично противодѣйствуетъ самой безобидной колонизаціи Палестины.

Полагаютъ, что алліансъ дѣйствуетъ такъ, руководимый исключительно „патріотизмомъ“... Здѣсь, конечно, не мѣсто обстоятельному и подробному разбору вопроса, можетъ-ли еврей одновременно любить страну, гдѣ онъ родился и выросъ, и страну, гдѣ похоронено его незабвенное прошлое и откуда онъ вышелъ по волѣ роковыхъ силъ, можетъ-ли онъ быть заразъ, такъ сказать, преданнымъ сыномъ двухъ матерей, или сыномъ одной и внукомъ другой? Мы думаемъ, и вся исторія разсѣяннаго и гонимаго Израиля намъ это ясно и рѣшительно доказываетъ,—что такая непонятная для дру-

гихъ двойственность вполнѣ можетъ совмѣщаться въ немъ въ мирѣ и согласіи. Онъ всегда и вездѣ считаетъ своимъ отечествомъ ту страну, гдѣ онъ находитъ себѣ свободу и покой.

Къ тому еще, по отношенію, собственно, къ колонизаціи Палестины всѣ эти мудреные вопросы и разсужденія вовсе неприложимы. Дѣло тутъ гораздо проще и конкретнѣе. Изъ того, что какой-нибудь еврей предпочитаетъ, чтобы его гонимые братья занимались земледѣліемъ въ Палестинѣ, а не въ Америкѣ или Австраліи, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что онъ не любитъ своего новаго отечества и вообще не относится къ нему, какъ коренной гражданинъ. Тутъ просто смѣшно и нелѣпо затрагивать вопросъ о патріотизмѣ, который, къ несчастію, теперь такъ сильно эксплуатируется разными мнимыми и недобросовѣстными спасателями народовъ. Библеецъ-англичанинъ тоже не прочь видѣть Палестину заселенной евреями, почему-же этого не желать именно евреямъ? Вѣдь ихъ же бьютъ и травятъ, вѣдь Дамокловъ мечъ все еще, на зло хваленой цивилизаціи, продолжаетъ висѣть надъ ихъ головами, неужели они должны сидѣть сложа руки и ждать, пока онъ окончательно перерѣжетъ ихъ? Неужели они не имѣютъ права искать убѣжища и пристанища въ своей древней странѣ, когда имъ вѣчно кричатъ: вы—чужіе, мы васъ знать не хотимъ? И какой добросовѣстный человѣкъ осмѣлится сказать убѣгающему отъ погромовъ еврею: „а, вы не желаете ждать, пока васъ доканаютъ, какой-же вы патріотъ?“

Еслибы, словомъ, алліансъ хотѣлъ и могъ принять во вниманіе эти и еще массу другихъ соображеній, которыхъ мы здѣсь не имѣемъ возможности коснуться, то онъ, по всей вѣроятности, успокоился бы и немного отдѣлался-бы отъ своего преувеличеннаго патріотическаго страха. Но въ томъ-то и сила, что онъ не хочетъ и не можетъ хотѣть. Сознательно или безсознательно, но онъ упорно забываетъ, что дѣло идетъ о гонимыхъ и преслѣдуемыхъ евреяхъ, которымъ необходимо найти выходъ и успокоеніе, а не о немъ и о его патріотизмѣ; онъ все воображаетъ, что его будутъ считать виновникомъ всѣхъ золъ, если еврейскія колоніи будутъ предпочтительно основываться въ Палестинѣ, а не въ Америкѣ, гдѣ, по его же собственному сознанію, онѣ прекрасны и полезны. И въ этомъ, кажется, трудно разубѣдить его.

Съ „опекаемыми“-же колонистами алліансъ обращается, все-таки какъ полноправный хозяинъ, благодѣтельствуя ихъ своими пло-

хими директорами, отъ которыхъ беззащитнымъ опекаемымъ просто житья нѣтъ. Колоніи находятся подъ почти безконтрольнымъ управленіемъ разныхъ лицъ, которымъ вполнѣ чужды языкъ, обычаи и духъ колонистовъ. Послѣдніе находится въ опалѣ, точно вредные и злонамѣренные люди, отъ которыхъ такъ или иначе нужно избавиться. На каждомъ шагу имъ ставятъ всевозможныя преграды и препятствія, не даютъ имъ требуемаго для успѣха ихъ дѣла и, въ концѣ концовъ, еще зло издѣваются надъ ними, заставляя ихъ унижаться, терпѣть самыя кровныя оскорбленія и получать убійственныя подачки.

Главное тутъ зло — это полная неизвѣстность и неопредѣленность, которыми окружаютъ колонистовъ. Все дѣло ведется аліансомъ медленно, вяло, узко канцелярскимъ порядкомъ, такъ, чтобы скорѣе и легче отдѣлаться отъ непріятной обузы. На требованія и просьбы колонистовъ никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; жалобы ихъ, и самыя справедливыя и скромныя, если и удостаиваются отвѣтовъ, то въ такой обидной и жестокой формѣ, что просто въ тупикъ становишься. Одного слово какого-нибудь поставленника алліанса совершенно достаточно, чтобы обрушить громы и молніи на цѣлую колонію, какъ бы она права ни была.

Читая частныя письма несчастныхъ колонистовъ, легко себѣ представить ихъ несчастное положеніе, усугубляемое неопредѣленными обѣщаніями и обнадеживаньемъ со стороны опекуновъ и другихъ „благодѣтелей“.

Маленькая группа палестинскихъ земледѣльцевъ, пріѣхавшая сюда по приглашенію алліанса, передаетъ намъ очень много интереснаго и поучительнаго изъ жизни и борьбы палестинскихъ піонеровъ, но все это живо стушевывается, когда узнаешь, какъ съ послѣдними обращаются ихъ благодѣтели. Остается одно общее грустное и непріятное чувство.

Все это тѣмъ болѣе печально и грустно, что многіе падаютъ духомъ, разочаровываются и съ болью въ сердцѣ бросаютъ дѣло, за которое они такъ много страдали и боролись. Подобное вынужденное дезертирство уже теперь нерѣдко случается, а что будетъ дальше, при томъ же самомъ положеніи, такъ одинъ Богъ знаетъ. Успѣютъ, или нѣтъ существующія уже колоніи—это будетъ исключительно зависѣть отъ выносливости, терпѣнія и рѣшимости колонистовъ.

На алліансъ нечего разсчитывать—это мы и раньше полагали на

основаніи однихъ теоретическихъ соображеній и заключеній, теперь же мы находимъ этому полное подтвержденіе во всемъ сказанномъ людьми, вполнѣ знакомыми со всѣмъ ходомъ колонизаціи Палестины. Къ сожалѣнію, ни мѣсто, ни время не позволяетъ намъ изложить въ настоящей статьѣ всѣ эти подробности и частности, но мы думаемъ, однако, что и предыдущаго совершенно достаточно, чтобы читатель могъ вмѣстѣ съ нами сказать: въ дѣлѣ колонизаціи Палестины мы должны опираться только на свои собственныя средства и силы.

Но мы бы особенно желали, чтобы такимъ убѣжденіемъ прониклись именно тѣ лица, которыя стремятся къ основанію колоній въ Палестинѣ. Только тогда (мы глубоко убѣждены въ томъ) они сколько-нибудь успѣютъ. Они должны прежде всего и болѣе всего разсчитывать на свои собственныя силы, какъ бы слабы и недостаточны онѣ имъ ни казались, они должны надѣяться на самихъ себя, а не на алліансъ.

Колонизація Палестины, осуществляя въ новой и единственно возможной формѣ вѣковые идеалы Израиля, должна быть исключительно дѣломъ всего еврейскаго народа. Она должна исходить изъ нѣдръ и должна устраиваться и организоваться согласно *его* насущнымъ интересамъ, а не интересамъ тѣхъ, которые совершенно чужды его настроенію и идеаламъ. Опекуны въ этомъ дѣлѣ не первая необходимость...

Я. Ромбро.

Май 1884 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Дѣла минувшихъ дней.

(„Разсвѣтъ“, органъ русскихъ евреевъ, 1882 г.).

Идеи имѣютъ свой младенческій и зрѣлый возрасты. Идея въ „младенческомъ возрастѣ“ - это идея, еще не получившая практическаго значенія, еще не вліяющая на ходъ общественной жизни, еще только что зародившаяся. Въ этомъ возрастѣ идея обыкновенно настолько проста, что въ ней нельзя замѣтить даже и тѣхъ основъ, изъ которыхъ она сложилась. Только что зародившаяся идея въ большинствѣ случаевъ фантастична и настолько далека отъ реальнаго порядка вещей, отъ міра, что со стороны ея совсѣмъ не трудно принять за неосуществимую и глупую утопію. Есть, конечно, идеи, которымъ суждено во вѣкъ пребывать въ этомъ первичномъ видѣ. Исторія записала на свои страницы нѣкоторыя изъ нихъ. Къ этимъ послѣднимъ идеямъ относятся всѣ тѣ, которыя не вызваны насущными и вполнѣ назрѣвшими жизненными потребностями. Эти идеи плодъ досужей фантазіи того или другого мечтателя, „придумывавшаго“ для жизни совсѣмъ готовыя формы и совсѣмъ простыя и незамысловатыя рѣшенія. Эти „идеи“ совершенно случайныя строки, попадающія на страницы жизни или исторіи только по разсѣянности метр-анпажа. Онѣ не соединены съ предыдущими строками никакою внутреннею связью, никакою логическою нитью. Въ ихъ существованіи виноватъ тотъ таинственный метр-анпажъ, который верстаетъ страницы жизни — только онъ одинъ Читая страницы исторіи, вы, конечно, невольно останавливаетесь и на этихъ ошибочныхъ и „курьезныхъ“ строкахъ, но вы сейчасъ же

замѣчаете, что имѣете дѣло съ курьезомъ, съ интереснымъ или неинтереснымъ „эпизодомъ“, но не съ историческою и жизненною силою. Надо внимательно присмотрѣться къ той или другой первичной идеѣ для того, чтобы рѣшить „случайная“ ли эта „строка“, ошибка метр-анпажа, или это будущая, жизненная и, можетъ быть, могучая сила. И въ первичномъ видѣ идеи имѣютъ свои очертанія, свои опредѣленныя формы. Характеръ этихъ очертаній и формъ даетъ наблюдателю критерій, который ему въ данномъ случѣ необходимъ. *Жизненныя* идеи, даже и въ первичномъ видѣ, должны обладать чертами, свидѣтельствующими объ ихъ условности и практичности. Безусловныя, абсолютныя идеи не могутъ имѣть практическаго значенія, потому что жизнь, фактическая жизнь условна и относительна. Безусловныя идеи лишены того, что сообщаетъ каждой идеѣ силу и могущество—прикладныхъ способностей. Кромѣ того, жизненныя идеи должны обладать и такими чертами, которыя свидѣтельствуютъ о ихъ способности прогрессировать, развиваться. Перенесенныя на полотно жизни, „относительныя“ и „прогрессивныя“ идеи сейчасъ же принаравливаются къ тѣмъ формамъ и очертаніямъ, которыя уже свойственны данному status quo. Лишь на полотнѣ жизни реальныя идеи обнаруживаютъ всю свою мощь и силу. Здѣсь онѣ мало по малу развертываютъ, такъ сказать, всѣ свои свойства: онѣ проникаютъ во всѣ уголки соціальнаго строя, съ одними очертаніями сливаются, другія исправляютъ, третьи формы и очертанія вновь создаютъ. Здѣсь, на полотнѣ жизни, идеи облекаются въ плоть и кровь, здѣсь онѣ—во плоти и крови—становятся могущественными орудіями просвѣщенія и развитія. Правда, на полотнѣ жизни идеи лишаются того поэтическаго или, лучше сказать, фантастическаго колорита, который окружалъ ихъ первоначальную дѣвственную красоту, правда, здѣсь, въ водоворотѣ жизни, этимъ дѣвственнымъ идеямъ приходится задрапировать свою наготу въ готовыя костюмы для того, чтобы разсчитывать на какой-нибудь успѣхъ; правда, здѣсь но на полотнѣ жизни—имъ, этимъ идеямъ, приходится отказаться отъ своего поэтическаго и возвышеннаго языка въ пользу базарнаго и „подлаго“ жаргона,—при всемъ томъ, только здѣсь, на базарѣ житейской суеты, въ темныхъ нѣдрахъ народной жизни, идеи получаютъ свои права на существованіе и только здѣсь онѣ обрѣтаютъ истинную красоту, силу и поэтическій блескъ. „Первичная“ идея, еще не закаленная въ горнилѣ жизни, еще не воспринявшая въ себя необходимаго фактическаго содержанія,

обыкновенно возбуждаетъ противъ себя тѣхъ, которые не успѣли еще разглядѣть въ ней ея будущаго значенія. Со стороны еще виднѣе младенческое безсиліе нервичной идеи и ея мнимое противорѣчіе тѣмъ принципамъ, которые выработаны были до разсматриваемаго момента историческимъ прогрессомъ. Будучи безусловными, всѣ первичныя идеи, на первый взглядъ, являются отрицаніемъ всей прошлой духовной жизни того народа, среди которого идеи эти зародились. Эти именно отрицательныя черты первичныхъ идей и пріобрѣтаютъ имъ множество враговъ, враговъ очень часто непримиримыхъ и убѣжденныхъ. Нить исторіи не можетъ быть произвольно оборвана. Отрицать значеніе прошлаго и прославлять порожденную этимъ же прошлымъ современную, новую идею это какая-то несообразная contradictio in adjectu. „Ваша „новая" идея, милостивые государи, глупа и несостоятельна, потому что она желаетъ разрушить современное, потому что она осуждаетъ всю нашу прошлую работу на пользу народа, потому что она желала бы направить теченіе прогресса по какому то новому, невозможному руслу". Вотъ что говорили и говорятъ консерваторы всѣхъ вѣковъ всѣмъ тѣмъ, которые приносили на торжище жизни какую-нибудь новую мысль и идею. Повторяемъ, консерваторы по-своему правы! Идеи, которыя неспособны и на полотнѣ жизни отрѣшиться отъ всякой безусловности, которыя не способны нарядиться въ уже существующіе костюмы, которыя не способны усвоить себѣ народнаго слога,—эти идеи никогда не будутъ имѣть великаго, или даже какого нибудь значенія; однако, господа консерваторы вотъ въ чемъ не правы. Они не хотятъ признать новую идею важною и тогда, когда при бѣгломъ взглядѣ имъ не трудно было бы убѣдиться въ томъ, что она обладаетъ всѣми тѣми свойствами, которыя не сегодня-завтра сдѣлаютъ ее реальною, жизненною силою. Онѣ не хотятъ знать, что вѣдь всякая идея, пока она еще переживаетъ свои младенческіе годы, должна быть въ многомъ безусловною, должна отрицательно относиться къ существующему и прошлому. Но вѣдь, господа, завтра эта идея вступитъ въ зрѣлый періодъ своей жизни, завтра она выступитъ на сцену и заговоритъ съ вами тѣмъ языкомъ, который вы научились понимать. Конечно, и завтра она сохранитъ въ себѣ кое-что новое и можетъ быть, очень много новаго, но вѣдь въ томъ и заключается свойство прогресса, что онъ каждой идеѣ сообщаетъ извѣстную новизну. Присмотритесь, милостивые государи, и вы увидите, что это „но-

вое“ однако совсѣмъ не противорѣчитъ вашему прошлому, что оно даже этимъ же прошлымъ пріуготовлено. Консерваторы во Израилѣ возстали противъ, такъ называемой, палестинской идеи, противъ идеи національнаго развитія еврейскаго народа. „Она—эта идея, говорятъ они, есть прежде всего отрицаніе всего прошлаго“. Но еврейство вѣдь постоянно боролось за сохраненіе своего національнаго *я*, такъ почему же палестинская идея, которой только и дорого это же національное *я*, противорѣчитъ нашему историческому прошлому? Вы, великомученики еврейскаго народа, вы, умершіе на кострахъ, вы, задушенные въ казематахъ благочестивыми инквизиторами—скажите намъ, за что вы страдали, или во имя чего вы твердою поступью шли на эшафотъ, на костеръ? Пусть всѣ эти тысячи Раби Амноновъ встанутъ предъ нами и спросимте ихъ, за что, какъ не за свое народное *я*. умирали они великомученическою смертью? А если такъ, если вся наша прошла жизнь богата, слишкомъ богата примѣрами національнаго самоотверженія, національнаго воодушевленія, то почему же такъ называемое палестинское воодушевленіе есть реакція? При данныхъ условіяхъ еврейскому народному генію негдѣ развернуться. Ему указаны слишкомъ тѣсныя рамки развитія.

Уже двѣ тысячи лѣтъ, какъ этотъ народный геній служитъ предметомъ самыхъ ужасныхъ преслѣдованій, уже двѣ тысячи лѣтъ, какъ разныя „ограниченія“ и „мѣропріятія“ постоянно и систематически высасываютъ всѣ его лучшіе соки—удивительно-ли, спрашивается, что этому генію захотѣлось свободной жизни, свободнаго развитія? Палестинское движеніе не только не курьезный „эпизодъ“, или ошибка метр-анпажа, — напротивъ того, это логическій (вполнѣ логическій) шагъ по тому пути, по которому еврейство постоянно шло. Еврейство всячески, вездѣ и повсюду, боролось за свою народную индивидуальность. Эта „индивидуальность“ ему всегда и повсюду была дороже всего. Слѣдовательно, совершенно естественно, что палестинская идея находитъ себѣ въ настоящее время такое множество приверженцевъ среди различныхъ классовъ еврейскаго общества. Колонизація Палестины отличается ото всѣхъ другихъ средствъ, уже испытанныхъ еврейскимъ народомъ въ его исторической борьбѣ за сохраненіе своей національности, только своею практичностью и цѣлесообразностью.

Палестинская идея зародилась еще очень недавно. Тѣмъ не менѣе, она уже сдѣлала большой успѣхъ. „Нагота“ ея уже почти при-

крыта. Народный, „подлый“ жаргонъ уже почти усвоенъ ею. Палестинская идея уже не въ головахъ только нѣсколькихъ горячихъ молодыхъ людей—нѣтъ! Она уже на полотнѣ жизни, т. е. тамъ, гдѣ она обрѣтетъ полноту содержанія и истинную красоту. Пожалуй, нѣкоторые близорукіе люди скажутъ намъ: „помилуйте, да ваша идея уже погублена! О ней что-то теперь не слыхать“. Да, близорукіе люди не только это скажутъ, но уже сказали намъ это. Публицисты „Восхода“ отпраздновали уже побѣду надъ, такъ называемыми, палестинцами. Эти публицисты вмѣстѣ съ другими не особенно проницательными наблюдателями, не видятъ, что палестинская идея работаетъ на полотнѣ, въ разныхъ закоулкахъ и переулкахъ. Она хотя уже усвоила себѣ народный жаргонъ, но ей необходимо еще найдти себѣ подходящій костюмъ. Для торжества палестинскаго идеала надо еще, кромѣ того, найдти то „словечко“, которое вдохновило бы всего Израиля. Словомъ, палестинская идея переживаетъ теперь очень важный моментъ. Она прилаживается къ *даннымъ* очертаніямъ народнаго міросозерцанія, къ *даннымъ*, исторически сложившимся, формамъ народной мысли, она сливается съ однѣми ея линіями, выравниваетъ другія и проводитъ третія. Если вы, консерваторы, этого не понимаете, то въ этомъ никто, конечно, кромѣ васъ же самихъ, не виноватъ. Повторяемъ, палестинская идея за послѣдніе два года сдѣлала громадный успѣхъ: формы ея значительно округлились, начала, изъ которыхъ она родилась, выступили рельефно впередъ. Кромѣ того, практическіе элементы, практическія соображенія заняли въ ней очень почетное мѣсто.

Смѣемъ думать, что читателю, внимательно просмотрѣвшему всѣ статьи „Палестины“, наши слова не покажутся бездоказательными. Говоря объ успѣхахъ палестинской идеи, мы умственно, такъ сказать, проводимъ параллель между современною палестинскою идеею и палестинскою идеею, трактовавшеюся на страницахъ безвременно умершаго „Разсвѣта“.

На страницахъ „Разсвѣта“ палестинская идея выступаетъ еще во всей своей младенческой невинности и даже отчасти наивности. Публицисты „Разсвѣта“, безъ всякаго сомнѣнія, были искренно убѣждены въ томъ, за что они энергично и честно ратовали. „Разсвѣтъ“ первый смѣло водрузилъ знамя палестинства среди русско-еврейскаго общества; онъ первый высказался открыто и „категорично“ противъ придуманной разными лакеями прогресса идеи ассимиляціи, противъ тѣхъ, которые всегда и при всевозможныхъ

условіяхъ готовы облобызать пятку человѣка, только что затоптавшаго въ грязь ихъ честь, ихъ доброе, честное имя. Но при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ заслугахъ, „Разсвѣтъ“, все-таки, самую палестинскую идею усвоилъ только настолько, насколько это позволяли ему обстоятельства „минуты“. Публицисты „Разсвѣта“ *чувствовали* все великое, историческое значеніе идеи колонизаціи св. Земли; они признали силу и могущество палестинской идеи, не благодаря объективному изученію и изслѣдованію ея свойствъ, а, такъ сказать, a priori, благодаря какому-то особенному вдохновенію.

Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться на томъ, какъ, т. е., какими путями зарождается въ обществѣ та или другая мысль, какъ эта мысль мало-по-малу переходитъ изъ одного класса въ другой; но никто не станетъ отрицать, что цѣлое общество, какъ и одного человѣка, можетъ внезапно озарить та, или другая идея. Въ минуты везапнаго просвѣтленія общество, такъ сказать, единымъ взглядомъ обозрѣваетъ все пройденное имъ историческое пространство. Въ эти же рѣдкія минуты предъ его открытымъ окомъ можетъ столь же внезапно исчезнуть завѣса будущаго. „Внезапное просвѣтленіе“ озарило также и „Разсвѣтъ“. Его *озарила* палестинская идея. Но справедливость требуетъ сказать, что въ литературномъ и научномъ багажѣ газеты было очень мало логическихъ аргументовъ въ защиту палестинскаго идеала. Газета *сердилась* на „тупоуміе“ своихъ враговъ, на ихъ „близорукость“, но она совершенно не была въ силахъ объективно и убѣдительно доказать этимъ самымъ своимъ врагамъ экономическое, хотя бы, значеніе колонизаціи Палестины. Научная безоружность „Разсвѣта“ дискредитировала его и въ глазахъ тѣхъ, которые сами горячо были преданы дѣлу колонизаціи. Прибавьте къ этому еще то, что еврейскіе «консерваторы» пускали въ ходъ тогда всѣ средства, чтобы совершенно скомпрометировать мессіанствующій органъ, и вы поймете, что, при собственной своей слабости и при усиленной оппозиціи со стороны анти-палестинцевъ, „Разсвѣтъ“ не могъ долго просуществовать. Во всякомъ случаѣ, издавая въ свѣтъ сборникъ „Палестина“, мы считаемъ своимъ долгомъ посвятить «Разсвѣту» нѣсколько страницъ. Мы, конечно, не считаемъ нужнымъ занести на эти страницы полемику съ тѣми, которые, агитируя противъ палестинской идеи, воюютъ собственно съ покойнымъ «Разсвѣтомъ». Мы не упрекаемъ враговъ «колонизаціи» Палестины въ недобросовѣстности—нѣтъ. Мы вѣримъ, мы хотимъ вѣрить, что наши враги

ведутъ свою агитацію въ полномъ убѣжденіи и сознаніи правоты своего дѣла. Не намъ, евреямъ, быть нетерпимыми къ чужимъ словамъ и мыслямъ. Мы готовы признать, что г. даже Ландау ведетъ свое дѣло честно. Пусть онъ доказываетъ, что палестинство уже испарилось, что идея колонизаціи евреями Палестины—химера, пусть! Будемъ надѣяться, что «дѣло» само за себя будетъ говорить гораздо краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Мы считаемъ въ настоящую минуту гораздо болѣе полезнымъ нѣсколько поближе присмотрѣться къ тому, что говорилъ въ свое время «Разсвѣтъ», перемыслить, такъ сказать, съ нимъ нѣкоторыя его мысли. Первое открытое слово въ пользу необходимости идти «впередъ», а не стоять и топтаться на одномъ мѣстѣ, произнесено было «Развѣтомъ» устами талантливаго и симпатичнаго нашего поэта, С. Г. Фруга. Въ 1-мъ номерѣ «Разсвѣта» за 1882 годъ было напечатано одно изъ лучшихъ стихотвореній молодаго поэта, подъ названіемъ «Еврейская мелодія». Стихотвореніе это въ незначительный и короткій промежутокъ времени обошло все русское еврейство. Смѣлый, могучій, полный силы и страсти, мелодичный стихъ поэта находилъ себѣ отзвукъ въ самыхъ темныхъ и отдаленныхъ уголкахъ русскаго еврейства. Молодой поэтъ, эта единственная гордость современнаго русскаго еврейства, очевидно былъ весь охваченъ такъ-называемымъ палестинскимъ идеаломъ; объ этомъ палестинофильскомъ воодушевленіи даровитаго лирика свидѣтельствуютъ тѣ немногія его произведенія, которыя появились на страницахъ «Разсвѣта» въ 1882 году. Упомянутое его стихотвореніе, начинающееся словами: «И зорокъ глазъ, и крѣпки ноги», можно сказать, роковымъ образомъ сообщило тонъ всему будущему «Разсвѣту». Отнынѣ «Разсвѣтъ» рѣшительно сбрасываетъ съ себя позорный лакейскій костюмъ и мало-по-малу начинаетъ усвоивать себѣ тотъ языкъ, которымъ *долженъ* говорить органъ русскаго еврейства. На страницахъ «Разсвѣта» появляются статьи, проникнутыя искреннею, теплою любовью къ еврейскому народу, статьи, дышащія истиннымъ и, можно сказать, возвышеннымъ патріотизмомъ. Одною изъ лучшихъ статей «Разсвѣта» за 1882 годъ была несомнѣнно статья подъ названьемъ «Что-же наконецъ дѣлать?», принадлежащая г. Гамзефону. Хотя статья эта и не можетъ быть названа палестинскою въ буквальномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе общая мысль ея, тѣ логическія аргументаціи, которыми авторъ этой статьи старается оправдать необходимость перестать быть пришельцами и «чужими», настолько собственно неотъем-

лемы отъ самой палестинской идеи, что высказать ихъ значило, вопреки, можетъ быть, своему собственному желанію, высказаться въ защиту идеи колонизаціи Св. Земли. Г. Гамзефонъ еще въ началѣ января 1882 года выставилъ въ защиту идеи «самоосвобожденія» очень многія изъ тѣхъ соображеній, которыя были потомъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, съ бо́льшею силою развиты высокодаровитымъ авторомъ берлинской брошюры «Autoemancipation». Г. Гамзефонъ ополчается противъ пресловутой ассимиляціи. «Уясните себѣ причину страданій нашего народа, говоритъ авторъ *) и вы не только поймете, какой исходъ самый лучшій, но поймете также, можно ли ожидать для народа *чего-нибудь* (курсивъ въ оригиналѣ) добраго отъ ассимиляціи, не говоря уже о томъ, что проповѣди ассимиляціи и самоуничтоженія благородны только въ устахъ народа свободнаго, отказывающагося отъ своихъ личныхъ правъ въ пользу правъ общихъ, но эти же проповѣди достойны презрѣнія, если онѣ выходятъ изъ устъ народа несвободнаго, требующаго, чтобы *другіе* отказались отъ своихъ личныхъ правъ въ пользу *его* правъ. Дайте намъ сдѣлаться народомъ свободнымъ, и тогда мы, можетъ быть, первые предложимъ другимъ народамъ слиться во имя общечеловѣческой идеи! Теперь мы не имѣемъ никакого нравственнаго права на это». Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ настоящее время ассимиляція можетъ разсчитывать на меньшій успѣхъ, чѣмъ, напр., въ эпоху римской имперіи. И дѣйствительно, въ то время не мало было примѣровъ перехода евреевъ въ язычество и перехода язычниковъ-римлянъ въ еврейство. Въ настоящее же время *интересъ* есть единственная основа или причина перехода изъ одной религіи въ другую. „Теперь принимаютъ, говоритъ г. Гамзефонъ, чужую религію не по побужденію, а ради житейскихъ выгодъ. Поэтому много евреевъ переходитъ въ христіанство потому, что это выгодно, изъ христіанъ же многіе принимаютъ мусульманство, потому что это можетъ принести выгоду, но ни одинъ не приметъ еврейства, потому что въ этомъ нѣтъ никакой выгоды“. Затѣмъ, почтенный авторъ статьи „Что же наконецъ дѣлать?“, старается доказать, что мы всегда и повсюду будемъ чужими. „Всякій край, говоритъ онъ, принадлежитъ тому народу, который завладѣлъ имъ, обработалъ его, выстроилъ въ немъ села и города и орошалъ его всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, своимъ потомъ,

*) «Разсвѣтъ», 1882 г., № 2.

своею кровью. Элементы всякой другой народности, о которыхъ извѣстно, что они явились уже на все готовое, всегда считаются въ странѣ чужими, пришлыми, не смотря на количество лѣтъ, прожитыхъ ими тамъ. Всякій народъ присваиваетъ себѣ право не впускать въ образованное имъ государство чуждыхъ элементовъ; если онъ не заперъ предъ ними ворота, то онъ, все-таки, можетъ считать себя вправѣ всякій разъ, когда чужіе ему надоѣли, сказать имъ: „убирайтесь отъ насъ, непрошенные гости“! Было бы смѣшно, еслибы англійскіе либералы сказали англійскимъ консерваторамъ: „убирайтесь, вы намъ негодны!“. Послѣ этихъ вступительныхъ, такъ сказать, мѣстъ своей статьи авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, должно ли въ Палестинѣ создать новый центръ тяготѣнія для современнаго еврейства. Мы считаемъ неумѣстнымъ теперь, черезъ два года послѣ напечатанія статьи г. Гамзефона, опровергать нѣкоторые его доводы противъ колонизаціи Палестины. Считаемъ неумѣстнымъ еще, между прочимъ, и потому, что г. Гамзефонъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, уступая всеобщему палестинскому настроенію русско-еврейскаго общества, примкнулъ къ такъ называемымъ палестинцамъ. „Домой! На старую родину! писалъ онъ въ 13 № „Разсвѣта“, развернемъ старое знамя Израиля и станемъ подъ него всѣ, и старъ, и младъ и, вооруженные *общимъ* идеаломъ, освященнымъ вѣковыми традиціями и надеждами, двинемся туда, куда нѣкогда, съ другой стороны, великій вождь нашъ, съ вѣрою въ Бога предковъ и въ народную силу, двинулъ отцовъ нашихъ“. Г. Гамзефонъ прежде всего честный публицистъ. Какъ честный сынъ своего народа, онъ отлично понялъ, что въ каждый историческій моментъ нѣтъ идеи, нѣтъ мысли болѣе обязательной и необходимой, чѣмъ та, которая въ разсматриваемый моментъ уже усвоена народомъ.

Если масса зашевелилась, если масса тронулась съ своего мѣста, то остается только сообщить этому движенію систему, урегулировать его. Каждое рѣшительное движеніе массы—это логическая посылка при теоретическомъ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ мы связываемъ благо этой же массы. Кто не умѣетъ пользоваться этими логическими посылками, этими, прибавимъ еще, столь рѣдкими посылками, тотъ очень поверхностно оцѣниваетъ силу и смыслъ народныхъ желаній. Только опираясь на этотъ логическій матеріалъ, только исходя изъ него, можно, въ извѣстныя минуты, оказывать истинную пользу народу. Г. Гамзе-

фонъ прекрасно понялъ, что спорить противъ палестинской идеи въ ту минуту, когда масса еврейская и лучшіе представители этой массы высказались за Палестину, значило бы неразумно бороться противъ истинно народныхъ интересовъ и желаній. Въ то время, когда г. Гамзефонъ писалъ свою статью „подъ старое знамя", эмиграція евревъ въ Палестину приняла дѣйствительно очень широкіе размѣры. Въ эти памятные мѣсяцы молодой поэтъ имѣлъ полное право сказать:

Ты не одинъ: взгляни—толпой
Къ тебѣ твои вернулись дѣти...
Пріими же ихъ и всей семьей,
Сквозь строй народовъ и столѣтій,
Чрезъ бездну мукъ, чрезъ цѣпь невзгодъ,
Ступай впередъ!..

Да, въ эти памятные мѣсяцы народъ нашъ не былъ „одинъ". Правда, фактически, конкретно—что-ли—молодое и старое еврейство еще не было объединено. Въ этомъ смыслѣ оно не объедино еще и теперь. Но кто не предвидитъ этого объединенія, кто не видитъ того, что исторія уже подготовила почву для объединенія этихъ двухъ элементовъ, кто неспособенъ подъ уже готовыя историческія *слагаемыя* подписать правильную сумму, тотъ, конечно, тогда и теперь не вѣрилъ и не вѣритъ поэтической клятвѣ даровитаго баяна палестинской идеи. Близорукіе консерваторы, напр., ненавидящіе всею силою души всякія историческія суммы, и тогда, и теперь смѣялись и смѣются надъ вдохновеннымъ пророчествомъ поэта. И это понятно. Историческая сумма обязываетъ къ какому-нибудь рѣшительному дѣлу. Поэтому, не проще-ли и не спокойнѣе ли будетъ, если мы возьмемъ да упремся: „нѣтъ, милостивые государи, вы изволи-ли выдумать эту сумму". Въ то время, когда господа консерваторы убѣждали почтеннѣйшую публику въ томъ, что палестина-де въ Азіи находится, что не эмигрировать надо, а молиться и плакать надо, чтобъ Богъ помиловалъ насъ за наши грѣхи, со страницъ Разсвѣта раздалось поистинѣ пламенное слово все того-же молодого поэта: „Встань-же, встань, старый сирота-Израиль!, писалъ въ № 7 г. Фругъ, послѣдній путь ты долженъ совершить — и снимешь ты съ себя свой запыленный, дорожный плащъ, и вмѣстѣ со своимъ старымъ посохомъ, положишь его подъ первый основной камень того могучаго зданія, которое воздвигнешь ты на высотахъ

обновленнаго Сіона“. Чтобъ назвать рѣшительно всѣ болѣе, или менѣе выдающіяся статьи „Разсвѣта“, мы должны также упомянуть еще о нѣсколькихъ фельетонахъ одной изъ лучшихъ литературныхъ силъ русскаго еврейства, скрывшей свое имя подъ буквою W. Одинъ изъ этихъ фельетоновъ представляетъ собою дѣйствительно блестящее выраженіе палестинской идеи. „Недоумѣвающему“ снится, что богиня Кліо произноситъ обвинительную рѣчь по поводу одного учиненнаго имъ очень тяжкаго преступленія. Кліо обвиняетъ подсудимаго въ томъ, что онъ попираетъ одну изъ самыхъ важныхъ идей, выработанныхъ историческимъ прогрессомъ, идею національности. Въ настоящее время, говоритъ Кліо, „національная идея сдѣлалась лозунгомъ всѣхъ племенъ и народовъ, предъявляющихъ свои права на существованіе. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что національная идея, напирая на индивидуальность, тѣмъ самымъ какъ-бы исключаетъ всякую мысль объ общности, солидарности между разнообразными группами человѣческаго общества, стремящимся, повидимому, къ преобладанію, господству и поглощенью себѣ подобныхъ, стало-быть, къ розни. Но это только такъ кажется. На самомъ-же дѣлѣ, народы, объединяясь каждый порознь въ себѣ самомъ, кладутъ этимъ основаніе общему объединенію между собою, какъ между членами одной семьи“. „Въ то время, продолжаетъ нѣсколько дальше Кліо, когда каждый народъ, каждое племя такъ энергически настаиваетъ на своей индивидуальности и самоотверженно отстаиваетъ ее, ты одинъ не придаешь ей никакой цѣны, будучи каждую минуту готовъ промѣнять ее на первую встрѣчную, лишь бы имѣть возможность жить жизнью бездомной собаки, идущей за каждымъ, кто ее кликнетъ и выброситъ ей кусокъ хлѣба. Въ этомъ кускѣ хлѣба—все содержаніе, весь смыслъ, вся цѣль твоего бытія на землѣ. А ты еще жалуешься, что тебя презираютъ!“ Подъ конецъ 1882 года на столбцахъ „Разсвѣта“ былъ напечатанъ также переводъ брошюры „Autoemancipation“, о которой мы не будемъ въ этомъ мѣстѣ распространяться, въ виду того, что этой брошюрѣ посвящена въ сборникѣ статья русскаго ея переводчика. Вотъ всѣ тѣ статьи, которыя должны считаться самыми выдающимися между тѣми, которыя газета дала своимъ читателямъ въ 1882 году. Почти всѣ эти статьи, какъ читатель уже замѣтилъ, отличаются чисто поэтическими достоинствами. Въ нихъ палестинская идея больше воспѣвается, чѣмъ обосновывается и доказывается. Да это и понятно. Палестинская идея въ то время пребывала еще

въ эмбріональномъ состояніи. Въ то время видны были только однѣ „поэтическія“ красоты идеи колонизаціи Св. Земли. Тогда палестинская идея не была еще свободна отъ той „безусловности“, которая характеризуетъ каждую идею въ ея младенческомъ періодѣ. Эта ея „безусловность“ вооружала палестинцевъ 1882 года противъ всего нашего двухтысячелѣтняго прошлаго. Даже остроумный и проницательный авторъ только что цитированнаго нами фельетона, устами богини Кліо, рѣшился обвинить еврейство въ томъ, что оно только *присвоило* себѣ идею единобожія. Въ дѣйствительности-же, еврейскій народъ никогда не *присваивалъ* себѣ, великихъ умственныхъ, религіозныхъ и этическихъ идей.

Говорить, что еврейство „присвоило“ себѣ единобожіе, значитъ вычеркнуть изъ его жизни одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ, это значитъ, собственно, вычеркнуть единственную заслугу еврейскаго народа, предъ наукою, человѣчествомъ и исторію. Еврейство всегда *учило* народы понимать единство міра, единство человѣчества и единаго Бога. Эта заслуга еврейства давно уже всѣми признана. Во имя чего мы ее будемъ отрицать? Для того, чтобы обосновать палестинскій идеалъ, намъ нѣтъ никакой надобности вычеркивать хотя бы единую строку изъ нашего прошлаго Наше прошлое богато самыми славными подвигами самоотверженія. Въ общую кошницу всемірнаго прогресса мы внесли не одну лепту. Наше прошлое исполнено страданій. Эти страданія—наша гордость, наша слава. Мы страдали отъ человѣческой глупости, отъ предразсудковъ невѣжественныхъ народовъ. Своими страданіями мы учили человѣчество цѣнить и понимать великій принципъ борьбы за право и справедливость. *Мы* никого не сжигали на кострахъ, *мы* никого не душили въ казематахъ ad majorem Dei gloriam, *мы* ни про кого не выдумывали самыхъ безсмысленныхъ и отвратительныхъ сказокъ. Каждая буква, каждое слово, каждая строка нашего прошлаго—это все блестящія доказательства нашей силы, нашего могущества. Наши страданія—наша слава и этой славы мы не уступимъ ни за какіе милліарды. Мы не вычеркнемъ ни единой буквы изъ нашего прошлаго за всѣ несмѣтныя богатства всего міра. На этомъ богатомъ и чудномъ прошломъ должно быть возведено зданіе нашего будущаго. Намъ-ли искажать свое прошлое? Намъ-ли говорить о томъ, что мы *присвоили* себѣ идею единобожія? Намъ-ли клеветничать на себя-же? Если наше прошлое подло, у насъ нѣтъ никакихъ моральныхъ правъ на сносное будущее... Смѣемъ думать,

что даровитый и краснорѣчивый авторъ цитированнаго нами фельетона *теперь* не бросилъ-бы въ лицо еврейству такого тяжелаго и незаслуженнаго обвиненія. И такъ, еще разъ—вотъ тѣ нѣсколько выдающихся статей, которыя далъ намъ „Разсвѣтъ" въ 1882 году. Къ сожалѣнію, эти *нѣсколько* статей идутъ какъ-бы на буксирѣ у цѣлой *массы* ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу „палестинствующихъ" передовыхъ, обозрѣній, корреспонденцій, замѣтокъ и проч., и проч. Въ этихъ „передовыхъ" и всевозможныхъ замѣткахъ палестинская идея выступаетъ во всей своей младенческой невинности. Приходится сознаться, что „Разсвѣтъ" прогрессировалъ медленнѣе читавшей его публики. Неудивительно, поэтому, если зычный голосъ русско-еврейскихъ консерваторовъ, во всю глотку оравшихъ: „пониже поклонись!", безъ особеннаго труда и усилія заглушилъ едва слышный лепетъ палестинофильствующаго младенца. Консерваторы побѣдили „Разсвѣтъ", ибо побѣдить его не трудно ло.бы Консерваторы *застаьили* молчать „Разсвѣтъ", потому что трудно-ли, въ самомъ дѣлѣ, заставить молчать младенца? Однако, думается, господа консерваторы не забудутъ никогда младенца — „Разсвѣта", ибо этотъ младенецъ смѣло, свободно обличалъ ихъ лакейскую мораль, гостиннодворствующую политику и ложное глубокомысліе. Что консерваторы, дѣйствительно, не простили „Разсвѣту" его дерзости, объ этомъ они довольно часто заявляютъ намъ со страницъ одной русско-еврейской газетки.

А. Ф—ръ.

Aruchas Bas-Ammi. Israels Heilung. Ein ernstes Wort an glaubens und Nichtglaubensgenossen von D-r I. **Rülf**, Rabbiner.—Frankfurt a M. 1883 г.

Въ ряду брошюръ, вызванныхъ палестинскимъ движеніемъ последнихъ лѣтъ, брошюра мемельскаго раввина д-ра I. Рюльфа, «Aruchas bas Ammi», занимаетъ выдающееся мѣсто. Значеніе ея обусловлено прежде всего личностью ея автора. Рюльфъ—одинъ изъ важнѣйшихъ и старѣйшихъ дѣятелей германскаго еврейства, одна изъ тѣхъ, нынѣ рѣдкихъ, но нѣкогда многочисленныхъ въ еврействѣ личностей, которыя, выдвигаясь изъ народа теплотою сердца, силою доброй воли и сознаніемъ своего достоинства, пріобрѣтали въ народѣ необычайный авторитетъ и обаяніе, и, благородно пользуясь этимъ авторитетомъ, становились, не будучи облечены никакою должностною силою, центромъ всякаго добраго дѣла въ средѣ еврейства, осуществителями всякаго благого начинанія. Еврейская общественная жизнь, въ большинствѣ случаевъ совершенно лишенная законныхъ органовъ самодѣятельности, а иногда снабженная недостойными органами, всегда умѣла создавать себѣ въ подобныхъ личностяхъ возможность возвышеннаго и благороднаго функціонированія. Рюльфъ, — одинъ изъ тѣхъ, которыхъ это своеобразное соціально-психологическое явленіе еврейской жизни облекло громадною силою,—въ теченіи долгаго ряда лѣтъ пріобрѣлъ громадныя заслуги въ дѣлѣ матеріальной и духовной помощи западно-русскимъ евреямъ. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на исторіи его дѣятельности, охватывающей добрую часть исторіи русскаго еврейства за послѣднія десятилѣтія; но здѣсь именно мѣсто констатировать, что Рюльфъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, честь которыхъ осталась незапятнанной среди современной оргіи клеветы, пересудъ и забрасыванія грязью, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, много дѣлая и охватывая своею работою громадный кругъ земли и большое множество лицъ, которые,

стоя высоко, на виду у всѣхъ, не стали мишенью излюбленнаго въ наши дни злословія и заподозриванья. Поэтому мы были особенно опечалены, когда въ прошломъ году, когда выдвинулся вопросъ о колонизаціи евреями Палестины и учрежденіи переселенческихъ комитетовъ, въ нѣкоторыхъ еврейскихъ кружкахъ съ доброю долею злорадства говорилось, что Рюльфъ—отчаянный противникъ этой идеи. Теперь, когда его пламенная манифестація въ пользу колонизаціи Палестины—Aruchas bas Ammi—лежитъ передъ нами, мы можемъ измѣрить всю глубину этой первой клеветы, взведенной на этого свѣтлаго представителя того еврейства, которое нѣкогда жило въ дѣдахъ и прадѣдахъ нашихъ и желаніемъ возрожденія котораго наполнены теперь сердца лучшихъ людей нашего народа.

Манифестаціей назвали мы Aruchas bas Ammi, и въ этомъ ея характерѣ вторая причина ея необычайнаго значенія. При чтеніи этой книги вы не встрѣтите въ ней ухищреній ремесленнаго писательства, такъ пріѣвшихся всѣмъ въ наши дни повальнаго книгодѣланія, вы не почувствуете запаха пота дѣланности и придуманности. Эта книга — не книга, какъ это слово принято понимать. Это вырвавшійся изъ глубины души стонъ: это вылившаяся на листѣ бумаги изстрадавшаяся и истерзавшаяся еврейская душа, съ ея болями и чаяніями, съ ея муками и надеждами; здравый умъ, холодныя разсужденія, которыя вы встрѣтите въ этой книгѣ, это тѣ разсужденія, которыя силою событій послѣднихъ лѣтъ родились одновременно во всякой еврейской головѣ, не отуманенной состарѣвшимися традиціями эпохи сліянія и денаціонализаціи; въ природной безъискусственности и природной силѣ передана здѣсь вся логическая мотивировка того рѣшенія, которое принялъ еврейскій народъ на неоглядныхъ поляхъ погромовъ, раскинувшихся на распутьи его исторіи.

„Утѣшьте, утѣшьте народъ мой, говоритъ вашъ Богъ“, этою особенно затрогивающую въ эту годину бѣдствій цитатою начинаетъ Рюльфъ свою книгу. Чѣмъ же утѣшить народъ? спрашиваетъ онъ. Исайѣ—міроутѣшителю, герою оптимизма, этому чистому, какъ зеркало, и глубокому, какъ пропасть, генію легко было утѣшать народъ. Его пророческій духъ видѣлъ народъ, возродившійся къ національной жизни, разсторгшій оковы, осуществившій надежды и принявшій въ свои объятія давно разлученныхъ съ нимъ дѣтей. Да, онъ могъ воскликнуть: утѣшьте народъ. Гово-

рите къ сердцу Iерусалима, скажите ему, что дни рабства его сочтены, что грѣхъ его смытъ. „А мы, придавленные вѣками изгнанія и безнадежностью деморализаціи, что скажемъ мы въ утѣшеніе народу. Iedes Haupt ist krank, jedes Herz ist siech. Не утѣшайтесь минутными перерывами страданій „голуса". *Ознобъ* не знаменуетъ прекращенія лихорадки. И не думай въ душѣ своей, что ты въ домѣ короля будешь спасена изъ всѣхъ евреевъ". Употребляй сверхъестественныя усилія, маскируйся, лги, исторгай изъ себя все еврейское,—ты останешься евреемъ для того, кому во имя этого нужно будетъ швырнуть тебѣ въ лицо комъ грязи. Развѣ не хуже всякаго оскорбленія, если добрый другъ вашъ христіанинъ говоритъ вамъ: „добрый еврей мнѣ лучше десяти худыхъ христіанъ". Легальная эманципація дана одной шестой евреевъ земнаго шара, но реальной эманципаціи не дано ни одному изъ нихъ. А первая безъ послѣдней становится для еврейства только новымъ оскорбленіемъ, новымъ обманомъ, новымъ, тяжелѣйшимъ изъ всѣхъ разочарованіемъ. Тебѣ подарили свободу, поддѣльную, ложную, и ты долженъ цѣловать за нее руки твоихъ благодѣтелей! Тебя обманули. Надъ тобой насмѣялись. Незванный гость, обойденный затрапезникъ, неудобный конкуррентъ, незаконный пасынокъ отечества, навязчивый нищій, бездомный бѣглецъ, бродяга—этимъ остался ты, еврей! Развѣ ты не человѣкъ плоти и крови? Если да, то гдѣ твоя родина? Исторія не знаетъ, не хочетъ знать народа безъ земли. И ея желаніе свято и неизмѣнно среди прилива цивилизаціи, среди нововѣковой гуманности и великодушія. Оно независимо отъ нихъ. Во время франко-прусской войны, германскій народъ съ любовью и нѣжностью холилъ раненыхъ французовъ; а среди глубокаго мира этотъ же народъ съ отвращеніемъ и безучастностью смотритъ на страданія еврея. Вдумайтесь въ этотъ фактъ и не говорите, что цивилизація побѣдитъ антисемитизмъ. Нѣтъ народа безъ земли. Какъ сказочный богатырь, такъ и народъ крѣпчаетъ только отъ прикосновенности къ землѣ.

Вторая глава посвящена „Rischus". Сдѣлавъ бѣглый обзоръ мученичества еврейскаго народа, авторъ констатируетъ, что обострившаяся до вражды противуположность между Израилемъ и другими народами издавна стала единственной двигательной силой всякаго историческаго движенія въ еврействѣ. Выступая далѣе противъ самаго безчестнаго орудія антисемизма—излюбленнаго имъ пріема обобщенія и взваливанія на всѣхъ евреевъ вины одного,

онъ проситъ для еврейства не равноправія — не равноправія я *требую*, говоритъ онъ — а права быть мерзавцемъ, der Jude soll ein Schuft sein dürfen, wie der Nichtjude.

Шутовъ сдѣлали изъ насъ. Мы отдали все святое, чтобъ быть славянами, германцами, романами, а славяне, германцы и романы толкаютъ насъ отъ себя. Великій народъ, ставшій каррикатурой! Только тотъ униженъ, кто самъ себя унижаетъ; только тотъ рабъ, въ комъ бьется рабское сердце. Никто изъ евреевъ не можетъ быть великимъ гражданиномъ чужой земли, если онъ не горячо любящій сынъ Израиля. Дизраэли, вождь гордыхъ торіевъ, былъ въ то-же время однимъ изъ самыхъ сильныхъ въ еврейскомъ патріотизмѣ евреевъ. Кремье, министръ Франціи, былъ президентомъ всемірнаго еврейскаго союза. Но кто изъ насъ постигъ эту тайну ихъ величія? Кто слѣдуетъ имъ? Никто, а всѣ мы слѣдуемъ новозавѣтной морали, подставляя вторую щеку для пощечины! Мы научились цѣловать руку, которая насъ сѣчетъ. Чѣмъ были мы и что стало изъ насъ? Изъ львовъ — пресмыкающіеся, изъ маккавеевъ — космополиты! Мы отдали то, чего никто не могъ бы у насъ отнять, наше самосознаніе, за чечевичную похлебку. Мы не умерли, но умираемъ: мы можемъ ожить: одухотворите насъ новою жизнью, новою мыслью. Наше горе не въ томъ, что мы лишены родины, а въ томъ, что мы забыли ее. Вспомнимъ о ней, — и она будетъ нашей. И насъ заставили вспомнить. „И остатку отъ васъ, говоритъ пророкъ, я вложу въ сердце робость и испугъ въ странѣ ихъ враговъ, и шелестъ падающаго листка приведетъ ихъ въ бѣгство". И бѣгство началось. И этотъ день насталъ, день, въ который болѣе чѣмъ когда либо нужны намъ единство, братство и товарищество; въ нихъ же наше спасеніе и наша свобода."

«Спасеніе» — херусъ — названа послѣдняя глава книжки. Не въ равноправіи наша свобода. Это только первый шагъ къ ней. Бумага можетъ дать намъ политическія права; но общественныхъ она не дастъ намъ. Полемика намъ не помогаетъ; насъ не слушаютъ; а защищать себя въ своихъ же глазахъ, — это скучно. Съ глупостью напрасно воюютъ и боги, а мы и совсѣмъ безсильны противъ того моря лжи, которое затопляетъ насъ. Отступленіе, самоубійство проповѣдывали намъ, но всегда маскированное, половинное. Нѣтъ! Если ты еврей, то будь всецѣло евреемъ! — Таковъ девизъ избавленія. Будь еврей душою и тѣломъ, головой и сердцемъ, mit Gut und Blut, съ національной гордостью и стремленіемъ къ

національному возрожденію. Евреи — предвозвѣстники царства Божія на землѣ. Пусть не упрекаютъ насъ въ самомнѣніи: Мы этимъ ничуть не возвышаемъ каждаго изъ евреевъ въ отдѣльности. Каждый въ отдѣльности ничто, а только настолько причастенъ къ величію своего народа, насколько сознаетъ его. Мы вліятельны и могучи въ исторіи. Мы чисты происхожденіемъ и кровью. Мы живучи и непреходящи. Отчего намъ не быть народомъ, какъ всѣ народы,—въ своей землѣ, какъ всѣ народы? Кто дерзнетъ словомъ порицанія или упрека встрѣтить это желаніе наше? Кто, если мы сами въ своей слѣпотѣ не сдѣлаемъ этого? Мы свои единственные враги. Кули и негры помнятъ и скорбятъ о родинѣ своей и томятся по ней. А мы ее забыли, забыли ту родину, гдѣ родилось богосознаніе, гдѣ, какъ утверждаютъ христіане, родился и жилъ самъ Богъ. Majestatem populi можетъ возвратить намъ лишь она; безъ нея наши герои — ничто, наши великіе братья — звукъ пустой, наши мудрецы—глупцы, дни нашей жизни—суета. Годы тяжелаго раздумья и сосредоточеннаго наблюденія укрѣпили во мнѣ эту мысль; она срослась со мною. Пусть вся сила нашего стремленія къ свободѣ сосредоточится въ нашей любви къ Палестинѣ,—и Европа воодушевится за эту классическую страну Библіи, какъ она нѣсколько десятилѣтій назадъ воодушевилась классическою страною Гомера. И я вѣрю въ то, что это будетъ. Будетъ, ибо наше выросшее за послѣдніе годы чувство достоинства не можетъ переносить больше подлой вражды, ибо все существо еврея въ гордомъ гнѣвѣ возмущается теперь ея проявленіями.“

Логическая аргументація здѣсь доведена авторомъ до конца. Отсюда рѣчь его льется быстрымъ и стремительнымъ потокомъ, «какъ горная рѣка кристальна и чиста». Здѣсь его чувство вступило въ свои права. Книга превращается въ воззваніе, убѣдительность въ увлекательность, писатель въ проповѣдника, говорящаго образами, которые надлежитъ понимать какъ таковые. «Гдѣ вы, люди знанія и силы? Очищайте дорогу, убирайте преграды. Долины подымаются. Горы опускаются. Кривое выравнивается. И онъ выдвигается, мужъ изъ мужей, лучшій изъ лучшихъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ. И почіетъ на немъ духъ разума и совѣта, познанія и мощи. Но не въ ожиданіе его погрузимся мы, въ нѣмомъ фатализмѣ. Онъ, мужъ совѣта и силы, не придетъ къ народу безъ совѣта и силы. Не онъ разбудитъ народъ, а народъ долженъ разбудить его, воплощеннаго генія нашего народа, ко-

торый создаетъ намъ родину. Когда? Какъ можно скорѣе. Какъ? Но это отвѣтитъ намъ обстоятельства и разумъ. Гдѣ? Нигдѣ, кромѣ Палестины, ибо всякая другая страна означаетъ новое изгнаніе, новый голусъ,—всякая другая, кромѣ Палестины, которой намъ не нужно расточать здѣсь похвалу для того, чтобы она говорила нашему сердцу. «Пусть никто не говоритъ дурное о странѣ", какъ библейскіе лазутчики. „Земля эта очень хорошая земля", возразили имъ уже тогда люди правды; благодаря плодородной почвѣ, выгодному положенію вдоль моря, среди трехъ частей свѣта, страна эта, при пособіи новѣйшихъ орудій земледѣлія и средствъ сообщенія, при населеніи изъ интеллигентнаго и великаго народа, создастъ себѣ будущее, которое блескомъ своимъ будетъ равно его великому, святому прошлому. „Земля ячменя и пшеницы, винограда и финиковъ, сливъ и меда" — земля, не знающая предѣловъ на восточной сторонѣ, земля, въ тоскѣ и бездѣйствіи ожидающая насъ, она зоветъ насъ къ себѣ. И мы туда пойдемъ, конечно, не всѣ, а только тѣ, кому нужно будетъ пойти, кто будетъ задыхаться въ этой чужой, враждебной атмосферѣ. Поколѣнія будутъ жить и рождаться въ изгнаніи, а накипь ихъ, горячая и чуткая, свѣтлая и гордая, будетъ отходить въ Палестину и тамъ рождать поколѣнія за поколѣніемъ, зерно будущаго Израиля".

Б.

La situation des israélites en Turquie, par **Isidor Loeb.** Paris.

Въ самой тѣсной и непосредственной связи съ вопросомъ о заселеніи Палестины еврейскими земледѣльцами стоитъ вопросъ о юридическомъ и общественномъ положеніи евреевъ въ Турецкой Имперіи. Этотъ послѣдній вопросъ безусловно является однимъ изъ самыхъ рѣшающихъ моментовъ въ дѣлѣ распространенія идеи палестинской колонизаціи. Если евреевъ, переселяющихся въ Палестину, подъ покровительство Турціи, ждетъ и тамъ то соціальное рабство, которое пригнетало еврейство въ теченіи его многовѣкового странствованія по Европѣ, то, очевидно, что пропаганда подобной идеи замѣны огня полымемъ не имѣетъ никакихъ основаній разсчитывать на успѣхъ. Если же переселеніе въ Палестину не только вернетъ насъ въ святую землю предковъ нашихъ, но и поставитъ насъ подъ покровительство законовъ, признающихъ и въ насъ полноправнаго человѣка, то только старческая лжемудрость и безнравственный квіэтизмъ будутъ на сторонѣ враговъ этой идеи.

Изъ двухъ монотеистическихъ религій, рожденныхъ юдаизмомъ, магометанская отъ вѣка относилась къ обезсилѣвшей матери, къ юдаизму, съ большею терпимостью, чѣмъ ея сильнѣйшая сестра. Исторія магометанскихъ государствъ, и главнымъ образомъ исторія главнѣйшаго изъ нихъ, Турціи, не знаетъ тѣхъ кровавыхъ ужасовъ по отношенію къ евреямъ, которыми полна цѣлая эпоха въ исторіи европейскихъ государствъ. Магометанская Испанія была полемъ блестящаго расцвѣта еврейской мысли и еврейской жизни. Магометанская Турція была пріютомъ и убѣжищемъ гонимыхъ въ Европѣ евреевъ въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Магометанскія государства, сами всегда тѣснимыя и окруженныя врагами, никогда не могли наполниться тѣмъ психически-чудовищнымъ чувствомъ безнаказаннаго буйства и возведеннаго въ принципъ человѣконенавистничества, которое легло въ основу цѣлаго ряда вѣковъ умственной жизни европейскихъ народовъ. Въ то

время, когда на самыхъ либеральныхъ западно-еврейскихъ законахъ о евреяхъ все еще видна запекшаяся кровь, пролитая подъ санкціею и покровительствомъ непосредственно предшествовшихъ имъ законовъ, въ то время, когда эти законы поминутно становятся игралищемъ партій и рискуютъ быть снесенными недалекимъ девятымъ валомъ реакціи и снова замѣненными тѣми классическими законами, которые отъ враговъ христовыхъ интересной прибыли не желаютъ, — тѣ законы, подъ покровительствомъ которыхъ живутъ евреи въ Турціи, дышатъ миромъ устойчивымъ, искони ненарушимымъ. Какимъ бы переломамъ ни подверглись эти законы, духъ ихъ останется тотъ же, ибо элементъ выдѣленія евреевъ чуждъ ихъ историческому существу: если историческая закономѣрность не звукъ пустой, если въ исторію законодательства не можетъ ворваться какъ deus ex machina совершенно чуждый ей элементъ, то сносное юридическое положеніе на всегда обезпечено евреямъ въ Турціи.

Книга, заглавіе которой мы выше выписали, хотя нѣсколько устарѣла уже, но все же почти совершенно неизвѣстна русскому читателю. Мы здѣсь приведемъ изъ нея нѣсколько фактическихъ данныхъ, могущихъ интересовать читателя настоящаго сборника.

Въ Европейской Турціи живутъ около 100,000 евревъ среди десятимилліоннаго населенія, на половину мусульманскаго. Въ Константинополѣ живутъ около 40,000 евреевъ, въ Салоникахъ 30,000; еврейскія общины находятся между прочимъ и въ Лариссѣ, на Критѣ, въ Корфу и въ Родосѣ. Въ азіятской Турціи евреи селятся преимущественно въ Яффѣ, Каифѣ, Бейрутѣ, Смирнѣ, Дамаскѣ, Багдадѣ, Діарбекирѣ и разсѣяны до самыхъ границъ Курдистана. Въ Іерусалимѣ, по свѣдѣніямъ, не особенно, впрочемъ новымъ, до 13,000 евреевъ, въ Сафетѣ 6,000, въ Багдадѣ 20,000, въ Смирнѣ даже 25,000.

Юридическое положеніе евреевъ въ Турціи совершенно одинаково съ положеніемъ прочихъ не магометанъ; евреи Турціи пользуются всѣми правами, предоставленными турецкимъ подданнымъ органическими законами tanzimât. Хахамъ-баши является главою еврейскаго населенія всей Имперіи и его оффиціальнымъ представителемъ передъ Портою. По званію онъ равенъ христіанскимъ патріархамъ и въ общественныхъ церемоніяхъ слѣдовалъ непосредственно за православнымъ и армянскимъ патріархами. Евреи въ Турціи занимаютъ мѣста въ государственномъ совѣтѣ и въ совѣтахъ провинціальныхъ. Первый изъ законовъ танциматъ—это хатъ Гулъ-

Хане; за нимъ слѣдуетъ хатъ 1856 года. Хатъ Гулъ Хане, поляны розъ, называющійся такъ по полянѣ у Сераля въ Константинополѣ, откуда онъ впервые былъ прочитанъ народу, данъ Абдулъ-Меджидомъ 26 хабана 1839 года. Въ этомъ „хатѣ" султанъ, заявляя, что онъ намѣренъ укрѣпить въ государствѣ духъ порядка и законности, разсшатанный за послѣдніе вѣка, высказываетъ, что „гарантія безопасности, скрѣпленная государевымъ словомъ, распространяется на всѣхъ подданныхъ, какой бы религіи ни были они; всѣ да пользуются ею, безъ изъятія. Полная безопасность гарантируется нами всѣмъ обитателямъ Имперіи, ихъ жизни и чести, какъ того требуетъ святой законъ нашъ". Второй хатъ-гумайюнъ, 10-го джемазіумъ-ахира 1856 г. начинается слѣдующимъ образомъ: „Тебѣ, моему великому визирю Мехмету Эмину-Аали-пашѣ, заявляю я мое самое завѣтное желаніе, чтобы всѣ классы моихъ подданныхъ, которыхъ Провидѣніе поставило подъ мой скипетръ, жили въ благополучіи". Въ продолженіи „хата" неоднократно повторяется, что „всѣ подданые мои равны передъ очами моими и всѣ мнѣ одинаково дороги". 1-ый пунктъ этого „хата" подтверждаетъ основы хата гулъ хане. 2-ой п. объявляетъ, что „всѣ привилегіи, когда либо пожалованные султанами общинамъ христіанскимъ и другимъ немагометанскимъ, подтверждаются и обновляются нынѣ. Всѣмъ этимъ общинамъ предоставляется ходатайствовать передъ Высокой Портою о новыхъ признаваемыхъ ими необходимыми реформахъ въ духѣ времени и просвѣщенія. 3-й пунктъ устанавливаетъ присягу, общую для патріарховъ, архіепископовъ и хахамъ-баши. Полная свобода исповѣданій гарантируется 4-ымъ, 5 и 6 пунктами. VII п. гласитъ: „Взякое различеніе, клонящееся къ униженію одного класса подданныхъ передъ другими, по исповѣданію, языку или расѣ, на всегда изгоняется изъ правительственныхъ актовъ. Законъ будетъ строгъ противъ всякаго употребленія правительственными и частными лицами оскорбительныхъ въ этомъ отношеніи выраженій". По 9-му пункту: „всѣ подданные имперіи, безъ исключенія, допускаются къ занятію всѣхъ общественныхъ и государственныхъ должностей". Въ остальной части этого хата намѣчается цѣль и родъ государственныхъ реформъ, клонящихся къ полному уравненію всѣхъ подданныхъ Имперіи. По отношенію къ интересующему насъ вопросу, особенно интересенъ еще фирманъ, данный евреямъ султаномъ Абдулъ-Меджидомъ по поводу извѣстнаго дамасскаго дѣла по обвиненію евревъ въ употребленіи христіанской крови.

Фирманъ этотъ, какъ извѣстно, написаный по ходатайству сэра Мозеса Монтефіоре, 6 ноября 1840, на имя министра юстиціи, по обыкновенію собственноручно написанный султаномъ, между прочимъ гласитъ: „Старое предубѣжденіе существуетъ противъ евреевъ. Невѣжды полагали, что евреи употребляютъ кровь человѣческую для религіозныхъ цѣлей. На основаніи этого, евреи Дамаска и Родоса, подданные наши, недавно подверглись преслѣдованіямъ. Клеветы, взведенныя на евреевъ и страданія, имъ причиненныя, дошли до нашего Императорскаго престола. Нѣсколько родосскихъ евреевъ были подвергнуты суду въ Константинополѣ. Ложность обвиненій, взведенныхъ на нихъ, была безусловно доказана. Изслѣдованіе еврейскихъ религіозныхъ книгъ привело къ заключенію, что евреямъ запрещено употреблять не только кровь человѣческую, но и кровь животныхъ. Въ виду всего этого и въ виду того благорасположенія, которое мы питаемъ къ подданнымъ нашимъ, мы не можемъ допустить, чтобы еврейскій народъ, невиновность котораго въ этомъ преступленіи доказана, подвергался страданіямъ и мукамъ за обвиненія, не имѣющія за собой и тѣни правды. Мы желаемъ, чтобы, согласно началамъ хата-гулъ-хане, еврейскій народъ пользовался тѣми же правами и привиллегіями, какъ всѣ наши народы.

„Еврейскій народъ объявляется подъ нашею защитою и нашимъ покровительствомъ. Въ подтвержденіе этого и дается еврейскому народу настоящій нашъ фирманъ, облеченный нашею печатью. Вы, мѣстныя власти, имѣете наблюдать за тѣмъ, чтобы не происходило ничего, противнаго распоряженіемъ сего фирмана, который вы имѣете внести въ архивъ трибунала. Вы сообщите о немъ народу еврейскому и будете бодрствовать за исполненіемъ нашихъ приказаній и нашей Монаршей воли“.

Послѣ послѣдней русско-турецкой войны, послѣдовали, какъ извѣстно, государственныя реформы въ Турціи. И онѣ остались вѣрны тѣмъ принципамъ равенства, которые лежатъ въ основаніи вышеприведенныхъ законовъ. Объявленная въ 1876 году новая конституція и ирадіе о выборахъ не знаютъ никакихъ исповѣдныхъ различій. По ст. ирадіе, „выборъ членовъ палатъ производится подданными всѣхъ классовъ имперіи. Всякій подданный имперіи, говорящій по-турецки, старше 25 лѣтъ, можетъ быть избранъ въ члены палаты“. Оттоманская конституція 11 декабря 1876 года установляетъ въ ст. 8: „Всѣ подданные имперіи, безъ различія, именуются оттоманами, какую бы религію оня не исповѣдали. Ст. 9. Всѣ

оттоманы пользуются личной свободой подъ условіемъ не ограничивать свободу другихъ. Ст. 11. Исламизмъ—государственная религія имперіи. Государство охраняетъ свободное богослуженіе исповѣданій, признанныхъ правительствомъ, и уважаетъ религіозныя привиллегіи общинъ, не противорѣчающія общественному порядку и нравамъ. Ст. 17. Всѣ оттоманы равны передъ закономъ. Всѣ они имѣютъ одинаковыя права и одинаковыя обязанности, независимыя отъ исповѣданія. Ст. 19. Всѣмъ оттоманамъ открытъ путь къ занятію всѣхъ должностей. Ст. 62. Пожизненное званіе сенатора жалуется лицамъ, занимавшимъ должность министра, генералъ-губернатора, командующаго корпусомъ арміи, великаго судьи, посла, патріарха, хахамъ-баши и т. д.“

Въ связи съ этими положеніями конституціи, представляетъ нѣкоторый интересъ письмо, адресованное 10 января 1877 году турецкимъ посломъ въ Парижѣ, Садыкъ-пашей, графу А. Камондо, извѣстному еврейскому благотворителю: „Графъ! Я доложилъ моему правительству о сдѣланномъ мнѣ вами сообщеніи по поводу предпринимаемыхъ всемірнымъ еврейскимъ союзомъ въ пользу еврейскихъ школъ на востокѣ мѣръ. Его сіятельство Савфетъ-паша присоединяется къ заявленіямъ, которыя я вамъ сдѣлалъ, и громогласно заявляетъ, что евреи въ Турціи равны по правамъ всѣмъ прочимъ подданнымъ. Благородныя намѣренія, одушевляющія Его Величество Султана и вѣрно переданныя въ текстѣ органическихъ законовъ, совершенно опредѣленны по отношенію къ этому вопросу. Мой августѣйшій господинъ и его совѣтники совершаютъ государственную реформу, которой чуждо всякое исключеніе и различеніе. Усилія Высокой Порты будутъ непремѣнно направлены къ полному уравненію правъ и обязанностей всѣхъ подданныхъ и императорское правительство сдѣлаетъ все для полнаго торжества на всемъ пространствѣ его вліянія, принциповъ равенства и единенія“.

Если нужны еще какія либо доказательства благосклонности Порты къ евреямъ, то можно привести тотъ фактъ, что въ число условій, поставленныхъ Портою для заключенія мира съ Сербіей, оттоманское правительство включило обязательное уравненіе правъ евреевъ въ Сербіи и что это послѣднее было провозглашено Сербіею только подъ давленіемъ Порты. Первые выборы, произведенные въ Турціи, по новой конституціи, ввели въ палату нѣкоторыхъ членовъ евреевъ, Давиджона Эфенди Леви, какъ депутата Янины, Аджимана за Константинополь и Сале-Даніеля за Багдадъ. Давидъ Кор-

мона и докторъ Яковъ де-Кастро были назначены сенаторами. Въ большомъ національномъ собраніи, созванномъ тогда для обсужденія предложеній европейскихъ державъ, хахамъ-баши имѣлъ полное основаніе сказать, что онъ „счастливъ, что можетъ объявить, отъ имени евреевъ, что они, обязанные Турціи гостепріимствомъ и покровительствомъ, готовы посвятить счастіе и жизнь свою благу общаго отечества“.

Всѣ эти факты, собранные въ извѣстной работѣ Исидора Леба „La situation des israèlites en Turquie“ съ достаточною опредѣленностью обрисовываютъ ту сторону положенія евреевъ въ Турціи, о которой вы желали имѣть свѣдѣнія для вашего сборника. Въ этой бѣглой корреспонденціи я долженъ былъ ограничиться законами послѣднихъ лѣтъ. Для слѣдующихъ выпусковъ сборника, — если таковые выйдутъ,—я постараюсь по имѣющимся у меня подъ рукою матеріаламъ составить историческій очеркъ юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Турціи, который представитъ значительный интересъ съ точки зрѣнія той идеи, которой посвящена ваша книга.

А. Д.

Іюнь 1884 года.

Ezra. Sammelbüchse für Palästina. Im Auftrage des Central-Comités herausgegeben von **Max Karfunkel**. Berlin, 1884.

Передъ нами три первыхъ нумера этого новаго журнала, посвященнаго палестинскому дѣлу. Журналъ этотъ издается недавно образовавшимся въ Берлинѣ палестинскимъ кружкомъ „Ezra“. Русскаго читателя, незнакомаго съ обычаями и традиціями германской студенческой жизни, поразитъ характеръ этихъ листковъ, такъ плохо согласующійся съ идеею, которой они служатъ. Основатели „Ezra“ задались оригинальною задачею перенести бурщикозные порядки нѣмецкихъ студенческихъ корпорацій въ свой палестинскій союзъ. Уставъ союза написанъ въ стилѣ студенческихъ „Bier-comment'овъ», уморительными Knittelvers'ами. Всякій, доставившій союзу 10 членовъ, получаетъ титулъ „Gabbe“; тотъ, кто доставитъ 100 членовъ, производится въ „Obergabbe“. Членскій взносъ, надо замѣтить, нормированъ суммою въ 50 пфениговъ въ годъ. Членамъ союза присвоенъ особый знакъ для ношенія на груди, представляющій изображеніе „Могенъ-Давида“. Простые члены получаютъ никелевый могенъ-давидъ, габоимъ — серебряный, оберъ-габоимъ — золотой. Членамъ и особенно габоимъ вмѣняется въ обязанность набирать какъ можно больше членовъ, причемъ отнюдь не рекомендуется сообразоваться съ тѣмъ, сочувствуетъ-ли дающій дѣлу колонизаціи Палестины евреями или нѣтъ. Schnorren—такова основная обязанность члена, и уставъ союза ввелъ къ себѣ даже самое это слово. Таковы своеобразныя особенности строя этого союза, которыя довольно вѣрно разсчитаны на успѣхъ въ средѣ германско-еврейской студенческой молодежи и кокетничающей съ нею средней буржуазіи. Какъ ни комичны эти палестинскіе знаки отличія, они довольно вѣрно бьютъ на то мелкое людское самолюбьице, на то грошевое тщеславьице, которое въ дѣлахъ мірскихъ является болѣе

могучимъ импульсомъ, чѣмъ какое бы то ни было другое, свѣтлое и чистое чувство. Если нужны были еще подтвержденія этой истины, то результаты дѣятельности Эзры представили ихъ: за время существованія въ нѣсколько недѣль союзъ считалъ въ своей средѣ 2,630 членовъ, въ томъ числѣ 29 габоимъ и нѣсколько габбетесъ; у него были уже члены не только во всей Германіи, но и въ западно-русскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Америкѣ. Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія успѣха, бурщикозность, къ которой прибѣгъ этотъ союзъ, вполнѣ удачна, люди, которые глубоко убѣждены въ томъ, что на денежкѣ не написано, кто и какъ ее далъ, могутъ быть вполнѣ довольны этою идеею. Но есть, сдается намъ, и другая точка зрѣнія, съ которой всѣ эти Knittelverse и шутовскіе котильонные ордена слишкомъ скандальны, чтобы служить средствомъ для палестинской пропаганды. Дѣло, которое должно выходить за предѣлы студенческой веселой компаніи, не можетъ и не должно неразрывно связывать себя съ традиціями студенчества, которые и въ этой средѣ становятся уже анахронизмомъ. Человѣка, не совсѣмъ сжившагося со всею ерундой нѣмецкой корпораціонной жизни, даже на нормальныхъ студенческихъ сходкахъ поражаютъ и оскорбляютъ эти до неестественности внезапные переходы отъ ученаго диспута къ самымъ безсмысленнымъ церемоніямъ и шуткамъ; въ такомъ-же дѣлѣ, какъ палестинское, гдѣ такъ много мотивовъ для грустнаго раздумья, для глубокаго воодушевленія, это внезапное позвякиваніе шутовскими бубенчиками становится просто оскорбительнымъ.

Журналъ союза „Ezra", въ которомъ отразился весь духъ союза, со всѣми его особенностями, чрезвычайно непріятно поражаетъ именно съ этой, выясненной нами здѣсь стороны. Первый нумеръ газеты открывается статьею подъ заглавіемъ „Ezra", въ которомъ союзъ связываетъ свою дѣятельность съ воспоминаніемъ объ исторической работѣ того „Ezra", который нѣкогда возвратилъ на родину томившійся въ изгнаніи Израиль, который создалъ новую общинную жизнь и завоевалъ предкамъ нашимъ на много вѣковъ независимость, свободу и счастіе, три блага, которые мы вслѣдствіе двухтысячелѣтняго лишенія ихъ научились особенно цѣнить. Союзъ „Ezra" идетъ по стопамъ этого великаго Эзра; онъ хочетъ приложить свои силы къ гигантской работѣ; онъ хочетъ совмѣстить въ себѣ еврейскую энергію и интеллигентность съ еврейскимъ сердцемъ. Изложивъ затѣмъ общія цѣли Эзры въ отношеніи поддержки поселившихся въ Палестинѣ евреевъ-земледѣльцевъ, авторъ указы-

ваетъ на то, что „осуществленіе идеи самоосвобожденія изъ недостойныхъ условій и полная борьбы и лишеній жизнь на отцовской землѣ свидѣтельствуетъ о пробужденіи тысячелѣтія дремавшаго въ Израилѣ чувства самосознанія“. За этой довольно тепло написанной передовой статьей, излагающей profession de foi Эзры, слѣдуетъ балагурное стихотвореніе, воспѣвающее смыслъ различія разныхъ могенъ-довидовъ, никелевыхъ, серебряныхъ и золотыхъ. За этимъ стихотвореніемъ, имѣющимъ за себя хоть нѣкоторую гладкость стиха и игривость формы, слѣдуетъ совершенно уже бездарная замѣтка, подъ заглавіемъ «Aus Esra's philosophischer Abtheilung, Der Humor Ezras», подписанная „придворнымъ философомъ Мехасъ-Ибсъ-Мар-Юсуфъ-Ханомъ“. Вслѣдъ за этимъ коротенькое и не безъинтересное сообщеніе о томъ, какъ образовалось общество «Ezra», приведено подъ шутовскимъ колпакомъ заглавія «Aus dem Sekretariat». Еще нѣсколько неудачныхъ остротъ заканчиваютъ собою первый нумеръ. Развивая въ слѣдующемъ нумерѣ программу свою, союзъ указываетъ на то, что защита колонистовъ отъ козней миссіонеровъ должна составлять одну изъ главнѣйшихъ задачъ приверженцевъ палестинской идеи въ виду того, что исторія палестинскаго дѣла знаетъ уже нѣсколько случаевъ почти насильственнаго вторженія миссіонеровъ въ жизнь колоній. Другая статья, въ нумерѣ 3-мъ, останавливается на отношеніи разныхъ слоевъ германско-еврейскаго общества къ палестинскому дѣлу, въ особенности тѣхъ, которые на приглашеніе раскошелиться въ пользу палестинскаго дѣла, отвѣчаютъ: „что мнѣ до евреевъ“. Этотъ новый типъ евреевъ, которому даровитые авторы «Aruchas bas Ami» и «Auto-mancipation» бросили въ лицо свою вдохновенную филиппику, не внушили передовику «Ezra» ничего, кромѣ нѣсколькихъ водянистыхъ, малоговорящихъ фразъ. „Пусть палестинскія колоніи, читаемъ мы въ заключеніе этой статьи, станутъ кристаллизаціоннымъ пунктомъ для евреевъ тѣхъ странъ, въ которыхъ нашихъ единовѣрцевъ притѣсняютъ; Порта славится своею терпимостью; новая жизнь возродится тамъ на развалинахъ. Кто не понимаетъ, что наши иновѣрные сограждане и знать не хотятъ евреевъ, того толстокожіе непроницаемо для убѣжденія; тѣ же, кто понимаетъ это и отдѣлывается банальной фразой, доказывая этимъ, что у него нѣтъ сердца, способнаго понимать горе народа, того оставьте въ покоѣ“.

Кромѣ такихъ малоубѣдительныхъ статей, да шутовскихъ заявленій «von der Ordenscommission» и другихъ, подобныхъ цитиро-

ваннымъ намъ, эта палестинская газета ничего читателямъ своимъ не дала. Въ нумерахъ, лежащихъ передъ нами нѣтъ ни одного фактическаго сообщенія о палестинскомъ дѣлѣ и его успѣхахъ, ни одной серьезно-аргументированной статьи, ни одной прямо къ дѣлу относящейся строки. Каковы задачи и цѣли этого листка — мы понять не можемъ. Дѣлу палестинскому, его научной разработкѣ и идейной пропагандѣ такой листокъ, конечно способствовать не можетъ. Каррикатурныя шутки ничего, кромѣ неуваженія къ дѣлу, внушить не могутъ. Весь этотъ фарсъ можно еще было бы извинить, если бы дѣятельность Эзры оставалась тѣсною, кружковою, студенческою; но при той претенціозности, съ которой кружокъ старается обнять собою *все* еврейство, это шутовство становится непростительнымъ. Эти клоуны палестинства, питающіе нескромное желаніе, чтобы ихъ бубенчики стали призывнымъ колоколомъ для Израиля, эти бурши на-веселѣ, составляющіе центральный комитетъ для палестинской колонизаціи, вызываютъ сначала снисходительную улыбку, а потомъ непреодолимое желаніе дать имъ по рукамъ. Эти oratores novi, stulti adolescentuli, которые среди самой эффектной и восторженной проповѣди палестинской идеи внезапно корчатъ арлекинскую рожу и совершаютъ на трибунѣ акробатическое сальто-мортале, — они по меньшей мѣрѣ непріятно поражаютъ свѣжаго человѣка, не свыкшагося съ такимъ разнообразіемъ ораторскихъ пріемовъ и такою подвижностью человѣческой психики. Понять можно шутку спорадическую, внезапно вырвавшуюся, естественную, но возводить шутовство въ систему, создавать тенденціозный клубъ шутниковъ, это недостойно и идеи, и шутки; ибо идея должна быть величественна, а шутка, какъ всякое искусство, свободно отъ тенденціи. Къ тому же еще совершенно неестественна случка еврейской національной идеи съ юморомъ національно-баварскаго пива. Мы не станемъ, какъ нѣкоторые то уже сдѣлали, называть союзъ Ezra врагомъ палестинскаго дѣла. Мы хотѣли-бы вѣрить въ его добрыя намѣренія, невинность его шутки; пусть онъ поэтому проститъ намъ чистосердечное непониманіе этой шутки.

А. Н.

Библіографическая справка.

Мы закончимъ нашу литературную лѣтопись краткимъ спискомъ важнѣйшихъ русскихъ сочиненій и статей о Палестинѣ, вышедшихъ до конца семидесятыхъ годовъ.

Путь ко св. мѣстамъ, В. Б. (Замѣтки относятся къ 1851 году). Соврем. 1853, т. XCI, № 9.

Отъ Яффы до Іерусалима и обратно, статья *К...ва*, Новорос. Вѣдом. 1869, № 51.

Дорога отъ Іерусалима до Яффы—въ книгѣ „Изъ записокъ синайскаго богомольца (архим. *Антонина*) Кіевъ 1872.

Изъ Яффы домой, *Н. Берга*, Русск. Вѣстн. 1867, №№ 7 и 9.

Путешествіе ко св. мѣстамъ въ 1830 году (*А. Н. Муравьева*), 2 части, Спб. 1832, 8°, IV и 298, VI и 244 стр., съ планомъ Іерусалима. Потомъ были изданія въ 1833, 1835, 1840 и 1848. Цѣна 3 руб.

Путешествіе по св. землѣ въ 1835 году *А. С. Норова*, двѣ части, въ б. 8-ку; въ 1-й—IV, 2, 334 и 8, во 2-й—309, 2 и 28 стр., съ тремя планами, 9 картинами и чертежами въ текстѣ Спб. 1838. Изданіе 2-е, дополненное, Спб. 1844, 2 части, съ 12 гравюрами на стали, 2 планами, картою. Цѣна 5 р. 75 коп.

Диттель, Очеркъ путешествія по Востоку, съ 1842 по 1845 годъ. Б. д. Чтен. 1849, т. 95, стр. 1—57, 191—210.

Записки русскаго врача, отправленнаго на Востокъ (доктора *А. А. Рафаловича)*. Поѣздка изъ Каира въ Палестину, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1847, т. XX, № 10.

Изъ путевыхъ замѣтокъ *А. А. Рафаловича*. О Палестинѣ, Іерусалимѣ и Сиріи. Географ. Извѣст. 1848, вып. 4.

Гоголя Н. В. письма изъ Іерусалима въ его „Сочиненіяхъ и письмахъ“, изданныхъ П. Кулишомъ. Спб. 1857, т. VI, стр. 451—453, 455—456, 460, 462, 477—481.

Письма съ Востока, въ 1849—1850 годахъ. *(А. Н. Муравьева)* 2 части, Спб. 1851.

Въ 1850 г. посѣтилъ Палестину кн. П. А. Вяземскій. По словамъ князя, въ Палестинѣ нашелъ онъ отраду и отдыхъ въ тяжкой дорогѣ жизни; самый путь туда ему былъ легокъ и скоръ, и онъ приглашалъ туда всѣхъ и каждаго; тамъ вся земля, по его словамъ, пророчитъ до сихъ поръ о какомъ-то великомъ будущемъ для всего человѣчества (Москвит. 1850, VI, отд. 5 стр. 46).

Поѣздка въ Палестину въ 1857 г. Изъ записокъ черноморскаго офицера, *А. Д. Сатина*. Рус. Вѣстн. 1873, № 8, стр. 670—688.

En Orient. Impressions et réminiscences. 2 volumes. St.-Pétersbourg, 1867, 8, 524 et 504 pages. 6 р. 75 к. (графа *Н. В. Адлерберга*).

Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ, соч. К. М. Базили (бывшаго нашего генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ). 2 части, Одесса, 1861—1862, 8°, XX, 480, 346 и II стр.; 4 р.

Яффа и Іерусалимъ. Листки изъ записной книжки *Казаринова*, Тифл. Вѣстн. 1874, № 117.

Ламартина Восточныя воспоминанія—Іерусалимъ, Сынъ Отечества и Сѣв. Арх. 1834, ч. 165, № 23, стр. 373—387.

Записка лорда *Линдсея* о Палестинѣ, Сынъ Отеч. 1839, № 9, стр. 163—204.

Путешествіе князя *Пюклеръ-Мускау* по Сиріи и Малой Азіи, Библ. для Чт. 1848, т. 89. Смѣсь, стр. 1—27.

Домашняя и кочевая жизнь на Востокѣ, путевыя воспоминанія княгини *Бельджойзо*, Моск. Вѣдом. 1855, №№ 34, 40, 51, 53, 86—91, 160.

Берегъ Палестины, Бейрутъ. Изъ путешествія доктора *Л. А. Франкля* въ Іерусалимъ. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ, 1860, №№ 27 и 28, стр. 435 и 453.

Св. Земля, *В. Диксона*, перев. съ англ. подъ ред. *Н. Кутейникова*, съ приложеніемъ плана Іерусалима. Спб. 1869, 8°, 337 стр.

Эксплуатація Палестины (предложеніе выкупить ее у султана обществомъ на акціяхъ), Соврем. Извѣст. 1875, № 310, стр. 3, столб. 4.

Западные миссіонеры въ Іерусалимѣ и Бейрутѣ, Прав. Обозр. 1865, № 8 стр. 175—177, изв.

Западъ на Востокѣ, или историко-критическое обозрѣніе дѣйствій западныхъ миссіонеровъ на Востокѣ, Дух. Бес. 1858, III, № 31, стр. 138—194.

Папская пропаганда на Востокѣ, Дом. Бес. 1859, вып. 12, стр. 99—102.

Протестантское епископство въ Іерусалимѣ, Москвит. 1842, № 4, стр. 657—659.

Письмо въ редакцію, *А. С. Стурдзы*, Москвит. 1842, № 2, стр. 516—520 (Обзоръ дѣйствій протестантовъ на Востокѣ).

Іерусалимскій союзъ въ Берлинѣ, послѣднее его собраніе, *(Реплoвскаго)*, Прав. Обозр. 1863, X, № 2, стр. 84, изв.

Нѣмецкія евангелическія учрежденія въ Іерусалимѣ, Прав. Обозр. 1867, XXII, № 4, изв., стр. 159—160.

Миссіи протестантовъ на христіанск. Востокѣ, *А. Лебедева*, Прав. Обозр. 1868, № 12, стр. 375—401.

Дѣятельность палестинскаго Общества Густава-Адольфа и Общества діакониссъ, въ статьѣ *Н. А. Попова* „Религ. и національная благотворительность“, Ж. М. Н. Просв. 1871, № 6, стр. 199—200, 208, 210—211, 215, 221 и 226.

О состояніи нѣмецкихъ колоній въ Палестинѣ, Сынъ Отеч. 1874, № 278.

Судьба нѣмецкихъ колонистовъ, переселившихся изъ Россіи въ Палестину, Новое Время 1875, іюня 8, № 138, письмо пастора *Везера* (изъ S. P. Zeitung).

Евреи земледѣльцы въ Палестинѣ. Отчетъ благотворительныхъ учрежденій въ Іерусалимѣ, Сіонъ, органъ р. евреевъ, 1862, № 33, стр. 531.

Карта Палестины, съ планомъ древняго Іерусалима, переведенная со 2-го исправленнаго изданія *Киперта*, 1860 г., издана при Военно-Топографич. Депо, въ 1861 г., подъ руководствомъ генералъ-маіора *Чирикова*. 3 р.

Карта Палестины, изд. *А. Ильина*, на 2 хромолитогр. листахъ. Спб. 1871, ц. 50 к. (Базуновъ-Межовъ, 3 и 4 приб., № 1892).

Рельефная карта Палестины, изданіе *А. Ильина*, печатана у Кельнера въ Веймарѣ, съ русскими подписями 2 р.

Основаніе ученаго общества въ Іерусалимѣ (англійскаго, для изслѣдованія Св. Земли), Географ. Извѣстія 1850, стр. 438—439.

Общество для изученія Св. Земли, Журн. М. Н. Просв. 1851, ч. 69, отд. 7, стр. 27.

Французская экспедиція въ Палестину, Вѣстн. Р. Географ. Общ. 1864, кн. 3. Лѣтопись.

Послѣднія изслѣдованія о Палестинѣ, капит. *Вильсона*, Прав. Обозр. XXI, 1866, № 12, замѣтки, стр. 168—170; Изв. Геогр. Общества 1866. № 2.

Новѣйшія изслѣдованія Палестины, библіографическое обозр. *К. К. Герца*. М. 1866. Оттискъ изъ 1 и 2 выпуска 1-го тома Древностей Моск. Археол. Общества, 4°, стр. 33—48.

Общество обновленія Палестины, Прав. Обозр. 1868, № 1, стр. 119, въ статьѣ свящ. *К. Л. Кустодіева*.

Bibliographia geographica Palaestinae, von T. Tobler, Leipzig 1867, ст. *Вл. Ведрова*, Древности, труды Московскаго Археол. Общества, 1869, т. 2, вып. 2, стр 157—158.

Библіотека А. С. Норова (Bibliothèque de M. Abraham de Noroff) часть 1. Спб. 1868, 8° VIII, съ алфавитнымъ указателемъ.

Б. Н. Хитрово. Палестина и Синай, часть 1, выпускъ 1. Библіографическій указатель русскихъ книгъ и статей о Святыхъ мѣстахъ Востока, преимущественно палестинскихъ и синайскихъ. Спб. 1876, 16° VI и 151 стр., 214 номеровъ.

Древнѣйшіе слѣды израильтянъ въ Палестинѣ, Москов. Вѣд. 1874, № 250, октября 9; Яросл. Епарх. Вѣд. 1874, № 41.

С. Пономаревъ. Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ и живописи. Спб. 1877.

